

ВРЕМЯ — САМАЯ ДОРОГАЯ ВАЛЮТА

МЁРТВЫЕ ТОЖЕ ПЛАТЯТ

00:00:00:00:01

ГОДЫ

МЕСЯЦЫ

ДНИ

ЧАСЫ

МИНУТЫ

ВРЕМЯ
МОЖНО
ПЕРЕДАТЬ.
ПРОДАТЬ.
УКРАСТЬ.

У КАЖДОГО
ЧЕЛОВЕКА
ЕСТЬ
ОСТАТОК.

РУСЛАН БАЛВЕЙР

Руслан Балвейр

Мёртвые тоже платят

<https://litres.ru/74381622>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Максима Воронцова осталось шесть минут.

По крайней мере, именно это утверждает появившийся перед глазами счётчик.

Сначала Максим принимает его за последствие аварии. Пока таймер не доходит до нуля — и он не умирает.

А потом возвращается.

В мире, который он считал обычным, человеческое время давно стало собственностью. Его можно передавать, покупать, отнимать и превращать в долг. Где-то существует система, которая знает точную цену каждого прожитого часа. И почему-то Максим для неё — особый случай.

Чем глубже он пытается разобраться, тем страшнее становится правда: его жизнь уже однажды закончилась. Просто кто-то решил скрыть от него, что произошло после.

Теперь Максим должен выяснить, кому на самом деле принадлежит его время.

И что случится, если человек, который не должен был выжить, откажется платить.

Содержание

Глава 1. Шесть минут	4
Глава 2. 00:00:00:00:00	20
Глава 3. Завтра в 14:17	42
Глава 4. Звонок	65
Глава 5. Человек без времени	88
Глава 6. Проверка	121
Глава 7. Лера	140
Глава 8. Прибавилось	166
Глава 9. Конверт	223
Глава 10. Аркадий	282
Глава 11. Правило первое	322
Глава 12. Цена	349
Глава 13. Рынок	372
Конец ознакомительного фрагмента.	373

Руслан Балвейр

Мёртвые тоже платят

Глава 1. Шесть минут

Первое, что я услышал, — собственное сердце.

Ровный электронный писк повторялся где-то справа.

Пик.

Пауза.

Пик.

Пауза.

Я попытался открыть глаза.

Свет ударил так, будто кто-то направил мне в лицо автомобильную фару.

Фара.

На секунду я увидел мокрый асфальт.

Двойную сплошную.

Дождь, летящий навстречу.

А потом — белый свет.

Я резко вдохнул и тут же пожалел об этом.

Боль прошла от груди к спине и вцепилась в рёбра.

— Тише, тише.

Женский голос.

Кто-то положил ладонь мне на плечо.

— Не двигайтесь.

Я снова открыл глаза.

На этот раз медленнее.

Белый потолок. Лампа. Металлическая стойка с прозрачным пакетом. Тонкая трубка уходила от него к моей руке.

Больница.

Отлично.

Значит, я хотя бы не умер.

Я повернул голову.

Молодая медсестра поправляла трубку капельницы. Светлые волосы были собраны на затылке, под глазами залегли тени. Она выглядела так, будто её смена закончилась часа четыре назад, просто ей забыли об этом сообщить.

— Где я?

Голос оказался хриплым и чужим.

— В больнице.

— Это я понял.

Она улыбнулась.

— Уже хороший знак.

— Что случилось?

Улыбка исчезла.

— Авария. Врач вам всё расскажет.

— Какая авария?

Медсестра посмотрела на меня внимательнее.

— Вы помните своё имя?

Я хотел ответить сразу.

И не смог.

Внутри стало холодно.

Имя.

Как меня зовут?

Я закрыл глаза.

Дождь.

Дорога.

Руки на руле.

Фары.

И...

Максим.

— Максим.

— Фамилия?

На этот раз ответ пришёл быстрее.

— Воронцов.

— Дата рождения?

Я назвал.

Медсестра заметно расслабилась.

— Хорошо. Сейчас позову врача.

Она повернулась.

И тогда я впервые увидел цифры.

Они находились прямо над её головой.

42:173:10:11:08

Я моргнул.

Цифры остались.

Белые, чуть прозрачные. Они не висели на стене. Не отра-

жались в стекле. Они словно существовали прямо в воздухе.

Последние две цифры изменились.

42:173:10:11:07

Потом:

42:173:10:11:06

— Подождите.

Медсестра остановилась.

— Да?

Я посмотрел над её головой.

42:173:10:11:03

— Что это?

— Что?

— Над вами.

Она подняла глаза.

Разумеется, ничего не увидела.

— Лампа?

— Нет. Цифры.

Несколько секунд она молчала.

Мне совершенно не понравился её взгляд.

— Какие цифры?

Я снова посмотрел.

42:173:10:10:57

— Сорок два... сто семьдесят три... десять... десять... пять-десять семь.

Она подошла ближе.

— Максим, после аварии у вас была серьёзная травма. Та-

кое бывает. Сейчас я позову врача.

— Я не сошёл с ума.

— Я этого и не говорила.

Именно так обычно отвечают людям, которых считают сумасшедшими.

Она вышла.

Я проводил её взглядом.

Цифры двигались вместе с ней.

Прошли через дверной проём.

Исчезли.

Я несколько секунд смотрел на пустую дверь.

Наверное, лекарство.

Или сотрясение.

Галлюцинация.

Вполне нормальное объяснение.

Я повернул голову в другую сторону.

И понял, что нормального объяснения не будет.

Палата была рассчитана на четверых.

Две кровати пустовали.

На третьей лежал мужчина лет семидесяти. Худой, седой, с острым носом и руками, лежащими поверх одеяла.

Над ним тоже были цифры.

Только совсем другие.

00:000:00:06:41

Я смотрел на них.

Последние две цифры изменились.

00:000:00:06:40

Потом:

00:000:00:06:39

Я почувствовал, как по спине прошёл холод.

Шесть минут.

Почему я решил, что это именно шесть минут?

Не знаю.

Я просто это знал.

Мужчина открыл глаза.

— Чего уставился?

— Простите.

— Первый раз старого человека увидел?

— Нет.

Он хмыкнул.

— Тогда отвернись. А то сглазишь ещё.

Я отвернулся.

На тумбочке лежал телефон.

Мой?

Чёрный корпус был разбит в углу, экран пересекала трещина.

Я потянулся к нему.

Боль снова ударила в рёбра.

— Чёрт.

— Не дёргайся, — сказал старик. — После аварии тебе ещё повезло.

Я замер.

— Откуда вы знаете?

— Врачи говорили. Пока ты спал.

— Долго?

— Два дня вроде.

Два дня.

Я взял телефон.

Экран загорелся.

14:12.

Я открыл камеру и направил её на старика.

На экране телефона был только мужчина.

Никаких цифр.

Я опустил телефон.

00:000:00:05:52

Поднял.

На экране — ничего.

Опустил.

00:000:00:05:49

— Ты меня фотографируешь, что ли?

— Нет.

— А похоже, что да.

Я переключил камеру на себя.

Лицо на экране заставило меня задержать дыхание.

Синяк занимал почти всю левую скулу. Над бровью — заклеенный пластырем шов. Губа разбита.

Но цифр не было.

Я посмотрел на своё отражение в чёрной части экрана.

Тоже ничего.

— Максим Воронцов?

В палату вошёл мужчина в белом халате.

Лет пятьдесят. Очки. Усталое лицо.

И цифры.

27:041:03:03:18

Я чуть не рассмеялся.

Ещё один.

Прекрасно.

— Как себя чувствуете?

— Как человек, которого переехала машина.

— Машина вас не переехала.

— Тогда чуть лучше.

Врач придвинул стул.

— Я Андрей Сергеевич. Невролог. Мне сказали, вы видите какие-то цифры.

Медсестра стояла у двери.

Я посмотрел на неё.

42:173:10:02:31

Потом на врача.

27:041:03:03:03

Потом на старика.

00:000:00:04:21

— Уже не вижу.

Врач посмотрел на меня поверх очков.

— Уверены?

— Наверное, показалось.

— После черепно-мозговой травмы возможны зрительные нарушения. Вспышки, пятна, двойное изображение. Иногда более сложные зрительные феномены.

— Галлюцинации?

Он выдержал короткую паузу.

— В том числе.

Я кивнул.

— Значит, галлюцинации.

Старик на соседней кровати засмеялся.

— Я же говорил, сглазит.

Врач обернулся.

— Николай Петрович, вам желательно отдыхать.

— Я третий день отдыхаю. Скоро устану.

00:000:00:03:57

Я посмотрел на часы телефона.

14:14.

Если я правильно понимаю...

Нет.

Я ничего не понимаю.

— Что вы помните об аварии? — спросил врач.

Я попытался сосредоточиться.

— Ехал куда-то.

— Куда?

Пустота.

— Не помню.

— Один?

Я увидел руку.

Не свою.

Женскую.

Она лежала на панели автомобиля.

И исчезла.

Я схватился за край кровати.

— Максим?

— Всё нормально.

— Вы побледнели.

— Вспомнил кое-что.

— Что именно?

Я снова попытался поймать воспоминание.

Ничего.

— Неважно.

Врач посветил мне фонариком в глаза, попросил следить за пальцем, задал несколько вопросов.

Какой сегодня год?

Кто президент?

Какой город?

Сколько будет сто минус семь?

Я отвечал автоматически.

А сам смотрел на старика.

00:000:00:02:46

Что произойдёт через две минуты сорок шесть секунд?

Глупость.

Может, это вообще не время.

Может, мозг просто генерирует случайные цифры.

00:000:00:02:31

Почему тогда они идут назад?

— Максим.

Я посмотрел на врача.

— Что?

— Я спросил, болит ли голова.

— Немного.

— Тошнота?

— Нет.

00:000:00:02:08

— Головокружение?

— Нет.

00:000:00:01:59

Мне захотелось встать.

Подойти к старику.

Сделать что-нибудь.

Но что?

Сказать ему, что над его головой идёт обратный отсчёт?

Он решит, что я идиот.

Врач — что травма серьезнее, чем предполагалось.

00:000:00:01:43

— Андрей Сергеевич.

— Да?

— С ним всё нормально?

Я показал на соседа.

Врач посмотрел на старика.

— С Николаем Петровичем?

— Да.

— А что?

— Просто спросил.

— Для его возраста состояние вполне удовлетворительное.

Старик поднял большой палец.

— Слышал? Я ещё вас всех переживу.

00:000:00:01:21

Мне стало трудно дышать.

Я смотрел на цифры.

00:000:00:01:12

00:000:00:01:11

00:000:00:01:10

— Может, проверьте его?

Врач нахмурился.

— Почему?

— Просто проверьте.

— Максим...

— Пожалуйста.

В моём голосе было что-то такое, что заставило его встать.

Он подошёл к соседней кровати.

— Николай Петрович, как самочувствие?

— Пока вы не пришли, прекрасное было.

Врач взял его за запястье.

00:000:00:00:47

— Давление утром хорошее было, — сказал старик.

00:000:00:00:39

— Боли есть?

— В моём возрасте проще спросить, где их нет.

00:000:00:00:31

Я сжал простыню.

— Андрей Сергеевич...

Он посмотрел на меня.

00:000:00:00:24

— Что?

— Ничего.

00:000:00:00:18

Старик повернул голову ко мне.

— Ты чего такой белый?

00:000:00:00:12

Я не ответил.

00:000:00:00:09

00:000:00:00:08

00:000:00:00:07

— Максим?

00:000:00:00:06

00:000:00:00:05

00:000:00:00:04

Старик нахмурился.

00:000:00:00:03

Его рука поднялась к груди.

00:000:00:00:02

— Ох...

00:000:00:00:01

00:000:00:00:00

Николай Петрович резко вдохнул.

И обмяк.

Монитор завизжал.

Врач мгновенно развернулся.

— Сестру! Быстро!

Дальше всё произошло одновременно.

Медсестра выбежала в коридор.

В палату ворвались люди.

Кто-то отодвинул ширму.

Кто-то принёс аппарат.

Врач кричал команды.

Я ничего не слышал.

Я смотрел только на цифры.

00:000:00:00:00

Они больше не двигались.

— Разряд!

Тело старика дёрнулось.

Нули.

— Ещё раз!

Удар.

Нули.

— Адреналин!

Я закрыл глаза.

Не помогло.

Я всё равно видел их.

Пять групп нулей будто выгорели у меня на внутренней стороне век.

Через несколько минут врач перестал отдавать команды.

В палате стало тихо.

Кто-то выключил непрерывно пищащий монитор.

Я открыл глаза.

Над кроватью больше ничего не было.

Ни цифр.

Ни нулей.

Просто пустое место.

Врач снял перчатки.

Посмотрел на часы.

Назвал время смерти.

Почти то самое время, которое я уже знал шесть минут назад.

Медсестра смотрела на меня.

Теперь в её глазах было не только беспокойство.

Она вспомнила мой вопрос.

С ним всё нормально?

Я отвернулся.

За окном темнело.

В стекле отражалась палата.

Кровати.

Лампы.

Люди.

И я.

Я поднял глаза на отражение врача.

Над ним были цифры.

На медсестру.

Цифры.

Потом посмотрел на себя.

Сначала мне показалось, что над моим отражением ничего нет.

Я наклонился ближе.

И увидел.

00:000:00:00:00

Я перестал дышать.

У остальных цифры отсчитывали время.

Мои уже закончились.

Глава 2. 00:00:00:00:00

Я умер в 14:18.

По крайней мере, так утверждали цифры.

Проблема заключалась в том, что часы на телефоне показывали 14:37, а я всё ещё лежал в больничной кровати и довольно успешно продолжал дышать.

Я проверил пульс.

На всякий случай.

Пальцы прижал к шее.

Удар.

Ещё один.

И ещё.

Сердце работало.

Не особенно убедительное доказательство нормальности происходящего, но за неимением лучшего пришлось довольствоваться им.

Кровать Николая Петровича уже была пустой.

Тело увезли минут десять назад. Медсестра сменила бельё, протёрла металлическую спинку и вышла.

Будто человека здесь никогда не было.

Только тумбочка осталась.

На ней стояла кружка с недопитым чаем.

Я старался на неё не смотреть.

За дверью палаты проходили люди.

Над каждым появлялись цифры.

31:084:17:09:42

06:211:03:42:16

48:019:22:16:08

Я уже не мог убеждать себя, что это случайность.

Слишком сложно.

Слишком последовательно.

И слишком точно.

Шесть минут сорок одна секунда.

Именно столько оставалось Николаю Петровичу, когда я впервые посмотрел на него.

Я видел, как исчезает каждая секунда.

А потом он умер.

Я перевёл взгляд на тёмный экран телефона.

Собственное отражение.

Синяк.

Пластырь.

Разбитая губа.

И над головой:

00:000:00:00:00

Я включил фронтальную камеру.

Нули исчезли.

На экране был только я.

Выключил.

Снова появились.

Я поднял телефон выше.

Опустил.

Повернул голову.

Нули следовали за отражением.

— Замечательно.

Я положил телефон на грудь.

— У меня галлюцинация, которая соблюдает перспективу.

Из коридора донёлся смех.

Я тоже усмехнулся.

Получилось плохо.

Через двадцать минут я решил провести эксперимент.

Если мозг решил окончательно меня предать, я хотя бы хотел понимать правила предательства.

Первое.

Цифры видны над живыми людьми.

Второе.

Камера их не фиксирует.

Третье.

Последняя группа уменьшается каждую секунду.

Я посмотрел на проходившую мимо санитарку.

23:117:08:54:12

Подождал.

23:117:08:54:11

Потом:

23:117:08:54:10

Секунды.

Это было очевидно.

Предыдущая группа — минуты.

Перед ней — часы.

Первые две...

Я открыл заметки.

Записал:

42 : 173 : 10 : 11 : 08

Счётчик медсестры.

Если первая группа означала годы, вторая могла быть днями.

Сорок два года.

Сто семьдесят три дня.

Десять часов.

Одиннадцать минут.

Восемь секунд.

Я посмотрел на запись.

Слишком просто.

И одновременно совершенно безумно.

Получалось, над каждым человеком я видел количество времени.

Оставался только один вопрос.

До чего?

Ответ лежал на соседней пустой кровати.

Я посмотрел туда.

Нет.

Один случай ничего не доказывает.

Даже такой.

Может быть, цифры действительно показывали время, но не до смерти.

Может быть, совпадение.

Может быть...

Я остановился.

Мои собственные нули смотрели на меня из тёмного экрана.

Если это время до смерти, тогда я уже умер.

А значит, либо я неправильно понял цифры, либо неправильно понимал собственное состояние.

Оба варианта мне не нравились.

— Максим?

Я поднял голову.

На двери появилась медсестра.

Та самая.

Над ней:

42:173:10:02:21

— Как вы?

— Пока не определился.

— Голова болит?

— Нет.

— Точно?

— Просто думаю.

Она подошла к капельнице.

Я наблюдал за цифрами.

42:173:10:02:13

— Можно спросить?

— Конечно.

— Сколько времени прошло с момента аварии?

Она перестала регулировать капельницу.

— Почти двое суток.

— Точно?

— Вас привезли позавчера ночью.

— Я был без сознания?

— Большую часть времени.

— А до больницы?

— Что именно?

— Я был в сознании, когда меня нашли?

Она посмотрела на меня.

Чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Лучше поговорите с врачом.

— Значит, нет.

— Я этого не сказала.

— Но и не сказали «да».

Она вздохнула.

— Андрей Сергеевич скоро придёт.

— Вы были здесь, когда меня привезли?

— Нет.

— А кто был?

— Максим...

— Мне просто хочется знать, что со мной произошло.

Её лицо смягчилось.

— Это нормально. Но я не хочу сказать что-нибудь неправильно. Врач видел документы.

Она сняла пустой пакет с раствором.

Перед тем как выйти, остановилась.

— И ещё.

— Что?

Она посмотрела на пустую кровать Николая Петровича.

— Откуда вы знали?

Я промолчал.

— Вы попросили врача проверить его за минуту до остановки сердца.

— Совпадение.

— Вы назвали цифры.

Вот чёрт.

Я забыл.

— Какие?

— Когда очнулись. Надо мной.

— Я был под лекарствами.

— Возможно.

Она продолжала смотреть на меня.

— Что вы видите сейчас?

Я поднял глаза.

42:173:10:01:42

— Ничего.

Она кивнула.

Но не поверила.

Андрей Сергеевич пришёл около четырёх.

Над ним оставалось:

27:041:01:57:26

Я уже почти перестал смотреть.

Почти.

— Есть хорошие новости, — сказал он.

— Я не умер?

— Это одна из них.

— Какие остальные?

Он открыл планшет.

— Контрольная томография без отрицательной динамики. Если так пойдёт дальше, через несколько дней сможете домой.

— Через сколько?

— Два-три дня.

Я посмотрел на его счётчик.

Двадцать семь лет.

Сорок один день.

Почти два часа.

Если я правильно понимал.

Получалось, Андрей Сергеевич должен был прожить ещё двадцать семь лет.

Должен был.

Я уже начал мыслить этими цифрами как фактами.

Это пугало больше самих цифр.

— Вы хотели узнать про аварию, — сказал врач.

— Да.

Он сел.

— Что последнее помните?

— Дождь.

— Ещё?

— Дорогу.

— Какую?

— Не знаю.

— Машину?

— Свою?

— Да.

Я попытался представить.

Руль.

Приборная панель.

Чьи-то пальцы.

Женская рука.

Опять.

Я напрягся.

Картинка исчезла.

— Смутно.

— Это нормально. Память может восстанавливаться фрагментами.

— Где произошла авария?

Он назвал шоссе.

Название ничего мне не сказало.

— Я был один?

Врач посмотрел в планшет.

— Насколько мне известно, да.

— Уверены?

— В документах указано, что в автомобиле находился один человек.

Женская рука.

Я видел её.

Или придумал?

— Что произошло?

— Автомобиль вылетел с дороги, пробил ограждение и несколько раз перевернулся.

— Скорость?

— Не знаю.

— Кто меня нашёл?

— Другой водитель вызвал экстренные службы.

— Через сколько?

Андрей Сергеевич поднял глаза.

— Максим, зачем вам сейчас эти подробности?

— Потому что я ничего не помню.

— Именно поэтому лучше восстанавливать события постепенно.

— Я хочу знать.

Он помолчал.

Потом положил планшет на колени.

— Хорошо.

Я приготовился слушать.

— Судя по вызову, между аварией и приездом первой бригады прошло около двадцати минут.

— Много?

— При ваших повреждениях — да.

— Насколько много?

— Достаточно.

— Это не ответ.

Он снял очки.

Протёр стекло краем халата.

Люди часто делают что-нибудь руками, когда не хотят отвечать.

— У вас были множественные травмы. Переломы двух рёбер. Сотрясение. Значительная кровопотеря. Несколько глубоких порезов.

— Но ничего смертельного.

— Каждая травма отдельно — вероятно, нет.

— А вместе?

Он надел очки.

— Вместе ситуация выглядела значительно хуже.

— Насколько?

— Максим...

— Я должен был умереть?

Врач замолчал.

Этого хватило.

Я посмотрел на своё отражение в окне.

00:000:00:00:00

— Понятно.

— Не совсем.

Я повернулся.

— Что?

— Есть ещё одна странность.

Мне совершенно не понравилось это слово.

— Какая?

Он снова посмотрел в планшет.

— Первая бригада обнаружила вас рядом с автомобилем.

— Рядом?

— Да.

— Я выбрался сам?

— Предположительно.

— Но я ничего не помню.

— При вашей травме это возможно.

— И что странного?

Андрей Сергеевич провёл пальцем по экрану.

— Когда спасатели вас нашли, один из них первоначально сообщил диспетчеру об отсутствии признаков жизни.

В палате стало очень тихо.

— Что значит «первоначально»?

— Именно то, что я сказал.

— Сердце не билось?

— Я не могу утверждать. В рапорте есть противоречия.

— Какие?

— Спасатель сообщил, что не обнаружил пульс.

Я посмотрел на врача.

— А потом?

— Потом обнаружил.

— Через сколько?

— Почти сразу.

— Это бывает?

— Бывает ошибочная первичная оценка. Ночь, дождь, стресс, сложные условия...

Он говорил дальше.

Я почти не слушал.

Нули отражались в стекле.

00:000:00:00:00

— Есть ещё что-то, — сказал я.

Врач замолчал.

— Почему вы решили?

— По вашему лицу.

Он вздохнул.

— Когда вас доставили сюда, показатели были тяжёлыми, но стабильными.

— И?

— Они не соответствовали ожидаемым.

— Не понимаю.

— При такой кровопотере и времени без помощи ваше состояние должно было быть хуже.

— Насколько?

— Значительно.

— Но мне просто повезло.

— Возможно.

Он произнёс это слишком быстро.

— Вы сами в это верите?

Андрей Сергеевич закрыл планшет.

— В медицине иногда происходят вещи, которые выглядят невероятно. Это не значит, что для них нет объяснения.

— Просто мы его пока не знаем?

— Именно.

Я снова посмотрел на нули.

Впервые мне пришла мысль, от которой стало по-настоящему страшно.

А что, если они не показывают, сколько мне осталось?

Что, если они показывают, сколько мне должно было остаться?

Вечером мне вернули вещи.

Пластиковый прозрачный пакет.

Кошелёк.

Ключи.

Разбитые часы.

Телефон я уже получил раньше.

Ремень.

Несколько монет.

И металлический жетон.

Я взял его последним.

Небольшой.

Тяжёлый.

Тёмный металл.

Размером примерно с двухрублёвую монету, только толще.

С одной стороны ничего.

С другой — гравировка.

00:000:00:00:00

Я замер.

Нет.

Я поднёс жетон ближе.

Цифры были настоящими.

Выгравированными в металле.

Точно такими же, как над моей головой.

— Откуда это?

Медсестра пожала плечами.

— Было у вас в кармане.

— В каком?

— Не знаю. Вещи передали из приёмного.

Я провёл пальцем по гравировке.

Металл был холодным.

— Вы раньше его видели?

— Нет.

— Уверены?

Она улыбнулась.

— Максим, я не проверяю содержимое карманов всех па-

циентов.

— Логично.

Я перевернул жетон.

Пустая сторона.

Никаких надписей.

Только возле края была крошечная царапина.

Нет.

Не царапина.

Буква.

Я поднёс жетон к лампе.

В

Всего одна буква.

Воронцов?

Почему-то эта мысль пришла первой.

— Что-то не так? — спросила медсестра.

— Всё нормально.

Я сжал жетон в ладони.

И почувствовал странное.

Не воспоминание.

Скорее его тень.

Тёмная комната.

Стол.

Чьи-то руки напротив.

Этот жетон лежит между нами.

Мужской голос говорит:

Если увидишь нули — не возвращайся домой.

Картинка исчезла.

Я резко разжал ладонь.

Жетон упал на одеяло.

— Максим?

— Всё хорошо.

— Вы опять побледнели.

— У меня талант.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Позвать врача?

— Не надо.

Я снова взял жетон.

На этот раз ничего не произошло.

Просто кусок металла.

Просто нули.

Я положил его в тумбочку.

Закрыл ящик.

Через секунду открыл и переложил жетон под подушку.

Сам не понял зачем.

В десять вечера в палате выключили основной свет.

Я не спал.

Каждый раз, когда закрывал глаза, видел Николая Петровича.

Последние секунды.

Его руку у груди.

00:000:00:00:03

00:000:00:00:02

00:000:00:00:01

Я открыл глаза.

— Хватит.

Тишина.

В коридоре дежурная лампа заливала пол бледным светом.

Я посмотрел на пустую кровать.

Над ней ничего.

Потом на окно.

Моё отражение едва различалось.

Нули были видны прекрасно.

00:000:00:00:00

Я достал жетон.

Положил на ладонь.

Посмотрел сначала на гравировку.

Потом на отражение.

Одинаково.

Это уже не могло быть совпадением.

Кто-то выгравировал эти цифры до аварии.

Кто-то знал.

Возможно, я сам.

Телефон завибрировал.

Я вздрогнул так сильно, что жетон чуть не упал.

На экране:

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР

Я смотрел на него несколько секунд.

Вызов продолжался.

Можно было не отвечать.

Наверное, именно это и следовало сделать.

Я принял звонок.

— Да?

Тишина.

Я слышал слабый шум.

Будто человек находился на улице.

— Алло?

Мужской голос.

Спокойный.

Незнакомый.

— Максим Воронцов?

— Кто это?

Пауза.

— Ответь на один вопрос.

— Сначала скажите, кто вы.

— Ты видишь цифры?

Я перестал дышать.

Взгляд сам поднялся к окну.

00:000:00:00:00

— Какие цифры?

Мужчина тихо усмехнулся.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Значит, память действительно не вернулась.

Я сел.

Рёбра тут же напомнили о себе.

— Кто вы?

— Это сейчас неважно.

— Для меня важно.

— Тогда запомни две вещи.

— Я слушаю.

— Не рассказывай никому о том, что видишь.

Я сжал телефон.

— А вторая?

Пауза стала длиннее.

— Если увидишь человека без счётчика — уходи.

По спине прошёл холод.

— Почему?

— Потому что если ты увидел его...

Шум в трубке усилился.

— ...он уже увидел тебя.

— Подождите.

Связь оборвалась.

— Алло?

Тишина.

Я посмотрел на экран.

Вызов завершён.

Номер не определён.

Я сразу открыл журнал звонков.

Последний вызов отсутствовал.

Я обновил список.

Ничего.

Будто никто мне не звонил.

Я медленно опустил телефон.

Под подушкой лежал металлический жетон.

В окне отражались мои нули.

А где-то там находился человек, который знал и о них, и обо мне.

И почему-то был уверен, что я всё это уже переживал.

Я лёг обратно.

Сон больше не казался хорошей идеей.

Через несколько минут я услышал шаги в коридоре.

Медленные.

Ровные.

Они приближались к палате.

Я посмотрел на дверь.

По коридору прошёл мужчина.

Я увидел его всего на секунду.

Тёмное пальто.

Короткие тёмные волосы.

Лицо повернуто вперёд.

Обычный человек.

Кроме одной детали.

Над его головой не было ничего.

Ни цифр.

Ни нулей.

Пустота.

Мужчина остановился.

Сделал один шаг назад.

И посмотрел прямо на меня.

Он улыбнулся.

А потом пошёл дальше.

Глава 3. Завтра в 14:17

Я не спал до утра.

Не потому, что боялся.

По крайней мере, именно это я говорил себе первые два часа.

На самом деле каждый звук в коридоре заставлял меня смотреть на дверь.

Шаги.

Скрип колёс.

Голоса медсестёр.

Один раз кто-то остановился возле палаты.

Я нащупал под подушкой металлический жетон и сжал его так сильно, что край впился в ладонь.

Дверь открылась.

Вошла санитарка со шваброй.

Над её головой:

16:204:07:31:18

Никогда ещё наличие загадочных цифр над человеком не приносило мне такого облегчения.

Мужчина в тёмном пальто больше не появлялся.

Я пытался убедить себя, что ошибся.

Может быть, не успел заметить его счётчик.

Секунда.

Плохое освещение.

Усталость.

Сотрясение.

Только я прекрасно знал, что видел.

Над ним ничего не было.

И он понял, что я это заметил.

Утром мне принесли завтрак.

Каша выглядела так, будто уже один раз была съедена и
больница решила дать ей второй шанс.

Я ограничился чаем.

Телефон лежал рядом.

Я в третий раз проверил журнал вызовов.

Ничего.

Последний входящий — три дня назад.

До аварии.

Номер был записан как «Лера».

Я смотрел на имя.

Что-то внутри отозвалось.

Тепло.

Потом тревога.

Я открыл контакт.

Фотографии не было.

История звонков оказалась длинной.

Очень длинной.

Лера звонила мне в день аварии семь раз.

Последний раз — за сорок три минуты до неё.

Я почти нажал кнопку вызова.

Палец завис над экраном.

Что я скажу?

Привет. Я попал в аварию, частично потерял память, вижу над людьми обратный отсчёт, а ночью мне звонил человек, которого нет в журнале вызовов. Как дела?

Телефон я отложил.

Позвоню позже.

Когда появится хотя бы одна проблема, которую я способен объяснить.

Я поднял чашку.

В дверях стояла женщина.

Лет пятидесяти пяти.

Серое пальто было наброшено поверх больничной одежды. В одной руке пакет, другой она пыталась застегнуть сумку.

Она ругалась себе под нос.

Над её головой:

00:001:04:23:11

Я замер.

Один день.

Четыре часа.

Двадцать три минуты.

Одиннадцать секунд.

Теперь формат я понимал.

И от этого стало только хуже.

Женщина прошла мимо.

Цифры исчезли за дверью.

Чашка так и осталась возле губ.

Чуть больше суток.

Если Николай Петрович не был совпадением, завтра эта женщина умрёт.

Я поставил чашку.

Нет.

Не надо.

Одного раза достаточно.

Достаточно для чего?

Я посмотрел на пустую кровать.

Чтобы испугаться — да.

Чтобы поверить — нет.

Именно поэтому нужно проверить.

Мысль была мерзкой.

Получалось, я хотел дожждаться смерти незнакомой женщины только ради доказательства.

Нет.

Я не хотел, чтобы она умерла.

Я хотел узнать, правдивы ли цифры.

Но единственным способом узнать наверняка было дожждаться, когда её счётчик дойдёт до нуля.

От осознания этого меня затошнило.

Я встал.

Мир слегка качнулся.

Постоял.

Нормально.

В коридоре женщина была ещё видна.

Я пошёл за ней.

Она остановилась возле лифта.

Я встал метрах в пяти.

00:001:04:22:53

Женщина заметила меня.

Я сделал вид, что изучаю стенд с правилами пожарной безопасности.

Очень содержательное чтение.

«При обнаружении возгорания сообщите...»

— Молодой человек.

Я обернулся.

— Да?

— Вы лифт ждёте?

— Нет.

— Тогда зачем возле него стоите?

Хороший вопрос.

— Гуляю.

Она посмотрела на больничную рубашку.

— Вижу.

Двери лифта открылись.

Женщина вошла.

Я должен был остаться.

Вместо этого шагнул следом.

Она нажала первый этаж.

— Вам куда?

— Туда же.

— А отделение у нас на четвёртом.

— Знаю.

— Врачи разрешили?

— Нет.

— Тогда хотя бы халат надели бы. Задницу застудите.

Я посмотрел вниз.

Больничная рубашка действительно была не лучшей одеждой для слежки.

— Учту.

Она улыбнулась.

Цифры продолжали уменьшаться.

00:001:04:22:31

Лифт поехал.

— Вы домой? — спросил я.

— Надеюсь.

— Выписали?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Это значит, врач сказал ждать до обеда, а я сказала, что дома кот один.

— И?

— Врач оказался разумным человеком.

— Отпустил?

— Нет. Но я всё равно ухожу.

Я невольно улыбнулся.

— Серьёзно?

— Молодой человек, мне пятьдесят восемь лет. Если я до сих пор спрашивала бы разрешение у каждого мужчины в белом халате, жизнь была бы очень скучной.

Пятьдесят восемь.

И ей оставался один день.

Улыбка исчезла.

— Вам плохо? — спросила она.

— Мне?

— Да.

— Просто...

Я не знал, что сказать.

Вы умрёте завтра.

Отличное начало разговора.

— Просто показалось.

Лифт остановился.

Она вышла.

Я за ней.

На первом этаже былолюдно.

Посетители.

Пациенты.

Врачи.

И над всеми цифры.

Десятки счётчиков одновременно.

51:033:04:17:06

02:118:21:09:44

34:287:11:51:32

07:006:19:22:15

Я остановился.

Голова закружилась.

Слишком много.

Цифры перекрывали друг друга.

Двигались вместе с людьми.

Исчезали.

Появлялись.

Я закрыл глаза.

— Эй.

Женщина коснулась моего локтя.

— Точно нормально?

Я открыл глаза.

— Да.

— Вид у вас такой, будто сейчас упадёте.

— Голова закружилась.

— Так идите обратно.

Она уже не казалась раздражительной.

Просто обычная женщина.

Живая.

00:001:04:21:47

Я должен был что-то сделать.

Но что?

— Как вас зовут?

Она прищурилась.

— А это ещё зачем?

— Просто интересно.

— Вы всегда знакомитесь с женщинами в больничных халатах?

— Только по четвергам.

Она засмеялась.

— Сегодня среда.

— Значит, сотрясение серьезнее, чем думали.

— Елена.

— Максим.

— Очень приятно, Максим. А теперь идите в палату.

Она направилась к выходу.

— Елена!

Обернулась.

— Что?

— Завтра...

Я замолчал.

Не выходите из дома?

Если цифры означают то, что я думаю, какая разница?

Обратитесь к врачу?

Она только что сбежала из больницы.

— Что завтра?

— У вас планы есть?

Елена рассмеялась.

— Вы настойчивый.

— Я не в этом смысле.

— А жаль.

Она махнула рукой.

— Работа завтра.

— Где?

Теперь она посмотрела настороженно.

— А вот это уже не ваше дело.

— Простите.

— Выздоровливайте, Максим.

Она вышла.

Я смотрел через стеклянные двери, как она идёт к остановке.

Над её головой уменьшались цифры.

Потом женщина скрылась за автобусом.

Я достал телефон.

Мне нужна была информация.

Имя — Елена.

Пятьдесят восемь.

Этого недостаточно.

Я почти ничего о ней не знал.

Тогда заметил на полу возле двери маленький белый прямоугольник.

Карточка.

Я поднял.

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА МЕЛЬНИКОВА

Нижe — название компании.

Фотография.

Пропуск.

Наверное, выпал из сумки.

Я выбежал наружу.

— Елена!

Автобус уже отъезжал.

Я успел увидеть её возле окна.

00:001:04:21:08

Потом автобус повернул.

Цифры исчезли.

Пропуск остался у меня.

◆ ◆ ◆

— Вы решили сбежать?

Андрей Сергеевич стоял возле палаты.

— Нет.

— А медсестра сказала, что вы уехали на лифте.

— Я вернулся.

— Это несколько меняет дело.

— Мне нужно было пройтись.

— Для этого существует коридор.

Я лёг.

— Учту.

Он посмотрел на меня.

— Как голова?

— Нормально.

— Тошнота?

— Нет.

— Цифры?

Я замолчал.

— Какие цифры?

Он улыбнулся.

— Рад, что память работает.

— Не видел.

— Хорошо.

Он проверил показатели.

Я смотрел на его руки.

Хотел спросить:

Что бы вы сделали, если бы знали, что человек умрёт завтра?

Не спросил.

Вместо этого:

— Андрей Сергеевич.

— Да?

— Можно умереть совершенно внезапно, если все анализы нормальные?

— Можно.

— От чего?

— Причин сотни.

— А если человек находится в больнице?

— Максим, к чему вы ведёте?

— Ни к чему.

Он перестал писать.

— Вы опять что-то увидели?

Я посмотрел ему в глаза.

— Нет.

Он не поверил.

Но спрашивать больше не стал.

До вечера я изучал Елену Викторовну Мельникову.

Чувствовал себя отвратительно.

Нашёл страницу компании.

Бухгалтер.

Потом социальную сеть.

Фотографии почти все закрыты.

Несколько старых публикаций.

Кот.

Дача.

Внук.

Поздравления коллег.

Ничего необычного.

Ничего, что объясняло бы смерть через сутки.

Я открыл заметки.

Елена Викторовна Мельникова

Увидел впервые: 09:54

Счётчик: 00:001:04:23:11

Я посчитал.

Если цифры действительно показывали оставшееся время, ноль наступит завтра в:

14:17:11

Я смотрел на результат.

Завтра.

В два часа семнадцать минут.

Я сохранил заметку.

Сам не знал зачем.

Может быть, чтобы завтра убедиться, что всё это неправда.

Телефон завибрировал.

Я вздрогнул.

Лера.

На этот раз звонили по-настоящему.

Имя отображалось на экране.

Я смотрел несколько секунд.

Ответил.

— Алло.

Молчание.

Потом женский голос:

— Макс?

Что-то внутри сжалось.

Я знал этот голос.

Не помнил откуда.

Но знал.

— Да.

— Господи.

Она выдохнула.

— Ты наконец ответил.

— Прости.

— Я два дня звоню.

— Телефон был у врачей.

— Я знаю. Мне сказали, что ты очнулся.

— Кто?

Пауза.

— Аркадий.

Имя ничего мне не сказало.

— Кто такой Аркадий?

На другом конце стало тихо.

— Макс...

— Что?

— Ты серьёзно?

— Видимо.

Она долго молчала.

— Ты меня помнишь?

Я закрыл глаза.

Женская рука на приборной панели.

— Лера.

— Это написано на экране.

— Голос знакомый.

— Насколько?

— Не знаю.

Ещё одна пауза.

— Я завтра приеду.

— Хорошо.

— Макс.

— Да?

— Ничего никому не рассказывай.

Я открыл глаза.

— О чём?

Она замолчала.

Сердце ударило сильнее.

— Лера.

— Просто об аварии.

— Почему?

— Завтра поговорим.

— Ты знаешь, что произошло?

— Завтра.

— Лера...

Она отключилась.

Я смотрел на телефон.

Второй человек за сутки сказал мне молчать.

Совпадений становилось слишком много.

Ночью я всё-таки уснул.

Мне снилась вода.

Чёрная.

Холодная.

Я был под ней.
Где-то наверху дрожал свет.
Я пытался плыть.
Но кто-то держал меня за ногу.
Я посмотрел вниз.
Там был мальчик.
Лет пятнадцати.
Он смотрел на меня открытыми глазами.
И был очень похож на меня.
Над его головой:
00:000:00:00:00
Мальчик улыбнулся.
Ты опять забыл.
Я проснулся.
В палате было темно.
Телефон показывал 03:14.
Сердце колотилось.
Я сел.
Потрогал лицо.
Сон.
Просто сон.
Под подушкой лежал жетон.
Я достал его.
00:000:00:00:00
На секунду мне показалось, что металл тёплый.

На следующий день я следил за временем.

11:00.

12:00.

13:00.

Я обновлял страницу Елены.

Ничего.

13:30.

Ничего.

13:50.

Ничего.

Я чувствовал, как с каждой минутой напряжение становится сильнее.

В 14:00 я уже почти не выпускал телефон из рук.

Четыре часа двадцать три минуты после 09:54 вчера.

Плюс сутки.

Я снова открыл заметку.

14:17:11

До нуля оставалось семнадцать минут.

Я набрал номер компании.

— Добрый день...

— Мне нужна Елена Викторовна Мельникова.

— Представьте, пожалуйста.

— Максим Воронцов.

— По какому вопросу?

— Срочно.

— Она сегодня не работает.

— Где она?

— Простите?

— Мне нужно с ней поговорить.

— Я не могу предоставлять...

Я отключился.

Нашёл её страницу.

Написал:

Елена Викторовна, это Максим из больницы. Позвоните мне. Срочно.

Сообщение не прочитано.

14:03.

Я позвонил в больницу через внутренний номер и попытался узнать контакт.

Отказали.

14:06.

Я нашёл телефон в старом объявлении, опубликованном от её имени два года назад.

Позвонил.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Да?

Её голос.

Я вскочил.

— Елена Викторовна?

— Кто это?

— Максим. Из больницы.

— А-а. Молодой человек. Пропуск у вас?

— Да.

— Вот куда он делся.

— Где вы?

— Дома.

— Вы одна?

— А что случилось?

14:07.

— Вам нужно выйти из квартиры.

Молчание.

— Что?

— Просто выйдите.

— Максим, вы меня пугаете.

— Пожалуйста.

— Зачем?

Я не мог сказать правду.

— У вас газ?

— Что?

— Газовая плита.

— Есть.

— Перекройте газ и выйдите.

— Вы откуда...

— Елена Викторовна, пожалуйста!

Она замолчала.

14:08.

— Хорошо. Сейчас.

Я услышал движение.

— Выходите на улицу.

— Да что происходит?

— Потом объясню.

Шорох.

Звон ключей.

— Вышли?

— Я в подъезде.

Я выдохнул.

— Спускайтесь.

— Спускаюсь.

14:10.

Если причиной должен был стать газ...

Я спас её.

Наверное.

14:12.

— Я на улице.

— Отойдите от дома.

— Максим, я никуда больше не пойду, пока вы...

— Хорошо. Просто оставайтесь там.

14:14.

Мы молчали.

Я смотрел на часы.

14:15.

— Максим?

— Да.

— Вы можете объяснить?

14:16.

— Через минуту.

Я встал у окна.

Секунды шли.

14:16:30.

14:16:40.

14:16:50.

— Максим?

— Подождите.

14:17:00.

Я смотрел на секунды.

14:17:05.

14:17:06.

14:17:07.

14:17:08.

14:17:09.

14:17:10.

14:17:11.

Ничего.

Я закрыл глаза.

Она жива.

Воздух вырвался из груди.

Я рассмеялся.

Получилось.

Я не знал, что именно сделал.

Но получилось.

— Максим?

— Простите.

— Что это было?

— Ошибка.

— Какая ещё...

На том конце раздался резкий визг тормозов.

Удар.

Телефон едва не выпал у меня из руки.

Я услышал крики.

Потом чей-то голос:

— Женщина! Вызовите скорую!

Я не двигался.

Телефон дрожал в руке.

Из динамика доносился шум улицы.

Чьи-то шаги.

Крики.

А потом очень далеко:

— Она под машину попала!

Я посмотрел на часы.

14:17:11

И впервые понял настоящее правило.

Цифры не показывали, как человек умрёт.

Они показывали только одно.

Когда время закончится — причина найдётся.

Глава 4. Звонок

— Алло?

Никто не отвечал.

Я сидел на краю кровати и смотрел на телефон в руке.

— Елена Викторовна?

В динамике шумела улица.

Голоса.

Кто-то кричал, чтобы пострадавшую не трогали.

Женщина плакала.

Мужчина несколько раз повторил адрес диспетчеру скорой.

— Елена Викторовна!

Ответил незнакомый голос.

— Вы её знаете?

— Да.

Слово вылетело автоматически.

Я не знал её.

Вчера утром она была для меня просто женщиной с цифрами над головой.

— Что произошло?

— Машина сбила.

— Она жива?

Пауза.

— Не знаю.

— Проверьте пульс.

— Тут мужчина какой-то помогает.

— Дайте ему телефон.

— Сейчас не до...

— Дайте ему телефон!

На несколько секунд остался только шум.

Потом другой голос:

— Кто это?

— Она дышит?

— Вы родственник?

— Она дышит?!

— Не знаю. Скорая едет.

— Проверьте!

— Мужчина, успокойтесь.

Я отключился.

Успокойтесь.

Хороший совет.

Я попробовал.

Не получилось.

На часах было 14:19.

Чуть больше двух минут назад её счётчик дошёл до нуля.
14:17:11.

Я видел это время в заметке.

Ждал его.

Считал секунды.

А потом услышал удар.

Если цифры означали то, что я думал, спрашивать о пульсе уже не имело смысла.

Её время закончилось.

Но я должен был узнать наверняка.

Я набрал номер снова.

Телефон Елены не отвечал.

Ещё раз.

Ничего.

Я открыл страницу компании, нашёл адрес, потом карту.

До её дома от больницы — двадцать восемь минут на машине.

Я начал одеваться.

На стуле лежали джинсы после аварии. Один бок был разрезан спасателями почти до колена.

Отлично.

Я натянул их.

Рёбра протестовали против каждого движения.

Футболка сохранилась лучше.

Кроссовки были грязными и ещё пахли мокрой землёй.

Я завязал первый шнурок.

— Вы куда собрались?

Медсестра стояла в дверях.

— На прогулку.

Она посмотрела на джинсы.

— В таком виде?

— У меня специфический вкус.

— Максим.

— Мне нужно выйти.

— Нет.

— Я скоро вернусь.

— Вы пациент стационара.

— **И?**

— И вам нельзя уходить.

Я завязал второй шнурок.

— Запишите, что я плохо себя вёл.

Она вошла и закрыла дверь.

— Что случилось?

— Ничего.

— Вчера вы ходили за одной из пациенток.

Я поднял голову.

— Откуда знаете?

— Вы гуляли по отделению в больничной рубашке. Это запоминается.

— Она не пациентка.

— Была пациенткой.

— Как её фамилия?

Медсестра нахмурилась.

— Зачем?

— Мельникова?

По её лицу я понял, что угадал.

— Елена Викторовна?

— Да.

— Что с ней?

— Почему с ней должно что-то быть?

Я показал телефон.

— Её только что сбила машина.

Медсестра замерла.

— Что?

— Возле дома.

— Откуда вы...

— Я разговаривал с ней.

— Сейчас?

— Да.

Она смотрела на меня.

Я знал, о чём она думает.

Николай Петрович.

Минута до остановки сердца.

Моя просьба проверить его.

Теперь Елена.

— Максим...

— Не надо.

— Что?

— Не спрашивайте.

Я взял куртку.

Она неожиданно отступила от двери.

— Если Андрей Сергеевич узнает, меня убьют.

Я остановился.

Над её головой:

42:172:19:03:27

Сорок два года.

Я смотрел на цифры.

После Елены они уже не казались хорошей новостью.

— Не убьют, — сказал я.

Она проследила за моим взглядом.

— Опять?

Я ничего не ответил.

Она побледнела.

— Сколько?

Вопрос прозвучал почти шёпотом.

— Что?

— Сколько там?

Я посмотрел ей в глаза.

Мне хотелось сказать.

Сорок два года.

Наверное, это должно было её успокоить.

Но вчера неизвестный человек сказал:

Не рассказывай никому о том, что видишь.

Я ещё не знал, почему должен ему верить.

После сегодняшнего мне совсем не хотелось проверять
ещё одно предупреждение.

— Ничего там нет.

Она поняла, что я лгу.

Но дверь открыла.

До первого этажа я спустился по лестнице.

Лифтом пользоваться не хотелось.

Глупо.

Смерть Елены не имела никакого отношения к лифту.

Но за последние сутки список моих рациональных решений заметно сократился.

В холле было полно людей.

Счётчики появлялись повсюду.

Я старался смотреть в пол.

Теперь цифры изменились.

Не сами.

Изменилось моё отношение к ним.

Вчера это были странные светящиеся символы.

Сегодня над каждым человеком висел приговор.

Мужчина у автомата с кофе:

33:074:05:11:42

Девушка с цветами:

58:201:16:42:03

Охранник:

11:009:21:37:51

Ребёнок, державший мать за руку:

76:118:03:08:17

Я отвернулся.

Мне не нужно это знать.

На улице было пасмурно.

После больничного воздуха холод ударил приятно.

Я вызвал такси.

Пока машина ехала, проверял новости.

Ничего.

Конечно.

Прошло всего двадцать минут.

Телефон Елены по-прежнему не отвечал.

Такси остановилось.

Я сел назад.

— Куда едем?

Адрес уже был указан.

Водитель всё равно спросил.

Я назвал.

Он кивнул и тронулся.

Над ним:

04:288:12:31:09

Я пристегнулся.

Очень тщательно.

У дома Елены стояли полиция и скорая.

Я увидел их ещё из машины.

Внутри всё сжалось.

— Здесь остановите.

— До точки ещё метров сто.

— Здесь.

Я расплатился и вышел.

Возле пешеходного перехода собрались люди.

Серый автомобиль стоял под углом к бордюру.

Лобовое стекло разбито.

На асфальте лежала сумка.

Я узнал её.

Та самая, которую Елена пыталась застегнуть возле лифта.

Рядом валялись продукты.

Пакет молока.

Яблоки.

Кошачий корм.

Самой Елены не было.

Я подошёл ближе.

Полицейский поднял руку.

— Мужчина, проходите.

— Женщина жива?

— Вы кто?

Опять этот вопрос.

— Знакомый.

— Фамилия?

— Мельникова. Елена Викторовна.

Он посмотрел внимательнее.

— Родственник?

— Нет.

— Тогда проходите.

— Она жива?

— Пострадавшую увезли.

— Куда?

— Не могу сообщить.

Я посмотрел на скорую.

Внутри никого.

— Она была жива, когда её забрали?

Полицейский устал от меня.

— Мужчина.

— Просто скажите.

Он помолчал.

— Реанимационные мероприятия проводили на месте.

Этого хватило.

— Спасибо.

Я отошёл.

На бордюре сидел молодой парень.

Лицо белое.

Руки дрожат.

Над ним:

61:094:18:07:33

Рядом стоял мужчина лет сорока и говорил с полицейским.

— Она прямо перед машиной вышла. Водитель вообще ничего сделать не мог.

Я остановился.

— Вы видели?

Мужчина посмотрел на меня.

— Да.

— Что произошло?

— А вы кто?

Я чуть не рассмеялся.

Сегодня этот вопрос преследовал меня.

— Я разговаривал с ней по телефону.

— Так это с вами?

— Что?

— Телефон у неё в руке был.

— Да.

Он посмотрел на меня иначе.

— Тогда соболезнаю.

Одно слово.

И всё стало окончательно.

— Она умерла?

— Скорая минут пятнадцать качала. Потом накрыли.

Я закрыл глаза.

14:17:11.

Точно.

— Как это случилось?

— Я же сказал. Вышла на дорогу.

— На переходе?

— Почти.

— Почему?

— Откуда я знаю?

Я знал.

Потому что я сказал ей выйти из дома.

Выйдите на улицу.

Если бы я промолчал...

Она могла умереть от газа.

Или упасть в ванной.

Или сердце остановилось бы.

Или произошло бы что-нибудь ещё.

Причина нашлась бы.

Я уже видел достаточно, чтобы в это поверить.

Но существовал один факт, от которого избавиться было невозможно.

Елена вышла из квартиры из-за меня.

И умерла.

Я отошёл к стене дома.

Меня вырвало.

До больницы я шёл пешком.

Долго.

Наверное, часа два.

Телефон несколько раз звонил.

Больница.

Я не отвечал.

Потом Лера.

Тоже не ответил.

Я смотрел на людей.

Сначала пытался не смотреть на цифры.

Потом перестал сопротивляться.

Мужчина с собакой.

21:332:04:10:26

Курьер.

39:117:13:54:08

Женщина с коляской.

63:009:02:31:45

Старик возле аптеки.

00:018:06:42:19

Восемнадцать дней.

Я остановился.

Он прошёл мимо.

Я мог подойти.

Предупредить.

Но что сказать?

Будьте осторожны ближайшие восемнадцать дней?

А если он послушает?

Если останется дома?

Причина найдётся.

Елена это доказала.

Или не доказала?

Я остановился.

Нет.

Я не мог знать наверняка.

Я изменил только одно обстоятельство.

Она вышла из квартиры.

Всё.

Может быть, её действительно можно было спасти.

Просто не так.

От этой мысли стало ещё хуже.

Я достал телефон.

Открыл заметки.

Нашёл имя Елены.

Палец лёг на кнопку удаления.

Я нажал.

Запись исчезла.

Несколько секунд смотрел на пустое место.

Потом восстановил.

Не знаю зачем.

Наверное, потому что удалить имя оказалось слишком похоже на попытку сделать вид, будто ничего не произошло.

В больницу я вернулся после пяти.

Андрей Сергеевич ждал меня.

По его лицу было понятно, что хорошего разговора не будет.

— Где вы были?

— Гулял.

— Три часа?

— Люблю ходить.

— С двумя сломанными рёбрами?

— Теперь люблю меньше.

Он закрыл дверь.

— Максим, если вы хотите выписаться под расписку, это ваше право.

— Не хочу.

— Тогда соблюдайте режим.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он вздохнул.

— И ещё.

Я посмотрел на него.

— Елена Мельникова.

Я почувствовал холод.

— Что?

— Мне сказали, вы спрашивали о ней.

— Да.

— Она погибла сегодня.

— Знаю.

— Откуда?

— Был там.

Андрей Сергеевич долго молчал.

— Максим.

— Только не спрашивайте.

— Я обязан спросить.

— Тогда я обязан не ответить.

— Вчера Николай Петрович.

Я посмотрел на окно.

— Сегодня Елена Викторовна.

— Совпадение.

— Вы сами в это верите?

Теперь мои слова вернулись ко мне.

Я посмотрел на врача.

— Очень хочу.

— Что вы видите?

— Ничего.

— Вы предсказали её смерть?

— Нет.

— Но знали?

— Нет.

— Максим...

— Я сказал ей выйти из дома.

Он замолчал.

— Зачем?

— Думал, там опасно.

— Почему?

Я провёл ладонью по лицу.

— Не знаю.

— Вы говорили с ней до больницы?

— Нет.

— Были знакомы?

— Нет.

— Тогда почему...

— Я не знаю!

Получилось громче, чем хотелось.

Врач замолчал.

Я тоже.

— Простите.

Он придвинул стул.

— Послушайте. Я не считаю вас сумасшедшим.

— Очень обнадёживает.

— Но после травмы мозга возможны нарушения восприятия. И если эти нарушения заставляют вас совершать опасные действия...

— Я пытался её спасти.

— От чего?

Я посмотрел на него.

Ответить было нечего.

— Вот именно, — сказал он.

Он встал.

— Сегодня вы никуда не уходите.

— Хорошо.

— И я хочу, чтобы утром вас посмотрел психиатр.

Я усмехнулся.

— Вот теперь звучит обнадёживающе.

— Это обычная консультация.

— Конечно.

Он вышел.

Я остался один.

В 19:43 телефон завибрировал.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР

На этот раз я ответил сразу.

— Кто вы?

Мужчина молчал.

Тот же голос.

Я узнал его.

— Ты проверил, — сказал он.

Я встал.

— Откуда вы знаете?

— Потому что все проверяют.

— Елена умерла.

— Я знаю.

— Вы следили за мной?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Потому что ты сейчас говоришь иначе.

Я сжал телефон.

— Что означают цифры?

— Ты уже понял.

— Они показывают смерть?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда что?

— Время.

— Какая разница?

— Огромная.

— Она умерла ровно тогда, когда счётчик дошёл до нуля.

— Да.

— Значит, это время смерти.

— Нет.

Я почувствовал раздражение.

— Хватит загадок.

— Если бы это было время смерти, всё было бы намного проще.

Я замолчал.

— Что значит «проще»?

— Именно то, что сказал.

— Объясните.

— Пока рано.

— Почему?

— Потому что ты ещё не знаешь правильных вопросов.

— Тогда назовите их.

На другом конце послышался тихий смешок.

— Так не работает.

— У вас всё «так не работает».

— Раньше тебя это не раздражало.

Я замер.

— Что значит «раньше»?

Молчание.

— Вы меня знаете?

— Максим...

— Мы разговаривали до аварии?

Он не ответил.

Сердце забилося быстрее.

— Кто вы?

— Сейчас это не главное.

— Для меня — главное.

— Тогда ты опять задаёшь неправильный вопрос.

Я вспомнил мужчину в коридоре.

Пустоту над его головой.

— Вчера ночью здесь был человек.

На другом конце стало тихо.

— Какой человек?

Впервые голос изменился.

Совсем немного.

Но я услышал.

— Тёмное пальто. Лет сорок пять. Может, пятьдесят.

— Что ещё?

— Он посмотрел на меня.

— Что было над ним?

Вот оно.

— Ничего.

Молчание.

— Вы знаете, кто это?

— Максим.

Теперь голос звучал совсем иначе.

— Что?

— Ты должен уйти из больницы.

— Вы же сами сказали не...

— Сейчас.

— Почему?

— Он тебя видел?

— Да.

— Ты уверен?

— Он остановился и посмотрел прямо на меня.

Тишина.

Потом:

— Чёрт.

Первое человеческое слово от этого человека.

— Кто он?

— Возьми вещи.

— Кто он?!

— Не домой.

Я замер.

Фраза из вспышки памяти.

Если увидишь нули — не возвращайся домой.

— Почему не домой?

— Потому что там будут ждать.

— Кто?

— Максим, слушай внимательно. У тебя есть примерно десять минут.

— До чего?

— До того, как...

Связь оборвалась.

Я посмотрел на экран.

— Алло?

Вызов исчез.

Как и прошлый.

Я попытался перезвонить.

Невозможно.

И тогда заметил кое-что ещё.

Дверь палаты была открыта.

В коридоре стояла медсестра.

Над ней:

42:172:14:51:06

За ней прошёл мужчина.

Счётчик:

18:091:03:12:44

Потом женщина.

37:224:21:09:17

Ещё один мужчина.

09:017:07:41:52

Я смотрел на поток людей.

Цифры.

Цифры.

Цифры.

И вдруг среди них появилась пустота.

Мужчина в тёмном пальто шёл по коридору.

Тот самый.

Над его головой ничего не было.
Он остановился возле поста медсестры.
Что-то спросил.
Она посмотрела в компьютер.
Потом подняла руку.
И показала в сторону моей палаты.
Мужчина повернул голову.
Наши взгляды встретились.
Он улыбнулся.
И пошёл ко мне.
Пульс Системы: Пробуждение

Глава 5. Человек без времени

Он шёл медленно.

Не потому, что не торопился.

Скорее потому, что точно знал: мне всё равно некуда бежать.

Я стоял возле кровати.

Куртка была уже на мне.

Телефон — в руке.

До двери метров шесть.

До лестницы ещё двадцать.

Мужчина приближался.

Тёмное пальто.

Чёрная рубашка.

Седина на висках.

Лицо спокойное.

Обычное.

Такие лица не запоминаешь.

И над ним ничего.

Ни цифр.

Ни нулей.

Пустота.

Я вспомнил голос в телефоне.

У тебя есть примерно десять минут.

Сколько прошло?

Минута?

Две?

Телефон показывал 19:45.

Я сунул его в карман.

Мужчина подошёл к двери палаты.

Остановился.

— Максим Воронцов?

Голос был незнакомым.

Не тот человек, который звонил.

— Кто спрашивает?

Он посмотрел на меня.

Улыбнулся.

— Значит, правда видишь.

Внутри всё похолодело.

— Что именно?

— Хороший ответ.

Он вошёл.

Я сделал шаг назад.

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда выйдите.

— Не могу.

— Почему?

— Уже вошёл.

Я посмотрел на дверь.

Он заметил.

— Хочешь убежать?

— Думаю.

— Это полезно.

— Что именно?

— Думать.

Он закрыл дверь.

Щёлкнул замок.

Я сразу посмотрел на ручку.

— Зачем?

— Чтобы нам не мешали.

— Откройте.

— Через минуту.

— Я позову охрану.

— Зови.

Я достал телефон.

Он даже не двинулся.

— Полицию вызвать?

— Можно и полицию.

Я набрал внутренний номер поста.

Телефон молчал.

Посмотрел на экран.

Нет сети.

Ещё секунду назад связь была.

Я поднял глаза.

Мужчина посмотрел на телефон.

— Не поможет.

— Что вы сделали?

— Ничего.

— Очень убедительно.

Он подошёл к окну.

Посмотрел на улицу.

Я следил за ним.

Пустота над его головой раздражала почти физически.

У любого человека был счётчик.

Даже над Николаем Петровичем оставались нули до самой смерти.

У меня были нули.

А у этого человека не было ничего.

Будто для того, что я видел, он вообще не существовал.

— Почему у вас нет цифр?

Он повернулся.

— Уже лучше.

— Что?

— Правильный вопрос.

— Тогда отвечайте.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тебе пока вредно знать слишком много.

Я усмехнулся.

— А человеку, который лежит после аварии, видит обратный отсчёт над людьми и получает звонки от неизвестных, видимо, полезно не знать вообще ничего.

Он смотрел спокойно.

— Ты всё ещё думаешь, что видишь смерть?

— А что я вижу?

— Время.

— Мне уже говорили.

Его лицо едва заметно изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Но я заметил.

— Кто?

— Не ваше дело.

— Мужчина?

Я ничего не ответил.

— Звонил тебе?

Слишком быстро.

Слишком точно.

— Вы его знаете?

— Возможно.

— Кто он?

— Возможно, дурак.

— Очень информативно.

Он сделал шаг ближе.

Я напрягся.

— Максим.

— Что?

— Ты сегодня попытался изменить один счётчик.

Елена.

Перед глазами на секунду возникли продукты на асфальте.

Молоко.

Яблоки.

Кошачий корм.

— Откуда вы знаете?

— Видно.

— Где?

Он посмотрел мне на грудь.

Я невольно опустил глаза.

Ничего.

— Что вы видите?

— След.

— Какой ещё след?

— Ты вмешался.

— Я пытался спасти человека.

— Знаю.

— Тогда что я сделал не так?

— Решил, что понял правило после двух наблюдений.

Я замолчал.

— Она умерла ровно в ноль.

— Да.

— Я изменил обстоятельства.

— Да.

— И она всё равно умерла.

— Да.

— Значит, изменить ничего нельзя.

— Я этого не говорил.

Я посмотрел на него.

— Но причина нашлась.

— Причина всегда находится.

— Тогда какая разница?

Он слегка наклонил голову.

— Вот это уже почти правильный вопрос.

Меня начинало раздражать его спокойствие.

— Если знаете ответ — скажите.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сейчас услышишь слова, смысл которых поймёшь неправильно.

— Попробуйте.

— Уже пробовали.

Я замер.

— Кто?

Он промолчал.

— Вы меня знаете?

— Знал.

Одно слово.

Я почувствовал, как напряглась спина.

— До аварии?

— Намного раньше.

— Насколько?

Он посмотрел на меня.

— Ты действительно ничего не помнишь.

Это был не вопрос.

— Я уже говорил.

— Мне ты ничего не говорил.

Верно.

Мы виделись впервые.

По крайней мере, я так думал.

— Тогда откуда вы знаете про память?

— Потому что человек, которого я знал, не задавал бы

половину этих вопросов.

— А вторую половину?

На этот раз он улыбнулся.

— Задавал бы.

— Кто вы?

— Человек, который пришёл проверить одну вещь.

— Какую?

— Тебя.

— Очень конкретно.

— Конкретнее пока некуда.

Он сделал ещё шаг.

Теперь между нами было метра два.

— Покажи левую руку.

Я посмотрел на него.

— Зачем?

— Хочу убедиться.

— В чём?

— Что это действительно ты.

— Лицо не подходит?

— Лицо — самая ненадёжная часть человека.

— Философски.

— Практически.

— Нет.

— Что «нет»?

— Руку не покажу.

Он вздохнул.

— Ты всегда был упрямым.

Сердце ударило сильнее.

— Вы сказали, что знали меня.

— Да.

— Откуда?

— Покажи руку.

— Сначала ответьте.

— Сначала рука.

— Тогда разговор закончен.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я ещё не закончил.

Он двинулся ко мне.

Я отступил.

— Не подходите.

Он не остановился.

Я схватил металлический графин с тумбочки.

Мужчина посмотрел на него.

Потом на меня.

— Серьёзно?

— Очень.

— У тебя два сломанных ребра.

— У вас зато нет счётчика.

Он задумался.

— Логично.

И остановился.

Поднял руки.

— Хорошо.

— Откройте дверь.

— Ещё один вопрос.

— Нет.

— Потом открою.

Я сжал графин.

— Спрашивайте.

— Ты видишь свой счётчик?

— Да.

— Что там?

Я не ответил.

— Нули?

Сердце ударило сильнее.

— Откуда знаете?

Он не ответил.

И тогда я понял.

— Вы уже знали.

Молчание.

— Поэтому пришли.

Он смотрел на меня.

— Что означают мои нули?

— То, что ты не должен сейчас стоять передо мной.

— То есть я мёртв?

— Нет.

— Тогда что?

Он помолчал.

— Ты закончился.

Я нахмурился.

— Что?

— Твоё время закончилось.

— Но я жив.

— Вижу.

— Тогда ваши правила не работают.

— Не мои.

— Чьи?

Он усмехнулся.

— Если когда-нибудь узнаешь, обязательно познакомь.

— Хватит.

— Что?

— Все вокруг говорят половинами фраз. Если знаете — объясните нормально.

Он посмотрел на меня почти с сочувствием.

— Нормально объяснить уже не получится.

— Почему?

— Потому что ты уже внутри.

— Внутри чего?

Он снова не ответил.

Я поднял графин.

— Ещё одна загадка, и я правда им воспользуюсь.

— Не советую.

— Почему?

— Потому что тогда будет больно.

— Вам?

— Тебе.

Меня это окончательно вывело из себя.

Я замахнулся.

Не сильно.

Скорее чтобы заставить его отступить.

Он оказался рядом быстрее, чем я успел понять.

Одной рукой перехватил моё запястье.

Не сжал.

Просто коснулся.

И мир исчез.

Холод.

Первым был именно он.

Не больничная палата.

Не мужчина передо мной.
Холод.
Я стоял в тёмной комнате.
Нет.
Не я.
Кто-то другой.
Высокие окна.
За ними падал снег.
На стекле — узоры льда.
Электрического света не было.
На столе горели две свечи.
За столом стоял мужчина.
Тот самый.
Тёмного пальто на нём не было.
Вместо него — длинный сюртук.
Другой воротник.
Другая одежда.
Другая эпоха.
Но лицо то же.
Совершенно то же.
Напротив него стоял ещё один человек.
Его лица я не видел.
Только спину.
Руки дрожали.
— Ты не понимаешь! — крикнул он.
Мужчина молчал.

— У тебя больше нет времени!

Он посмотрел на свои руки.

Спокойно.

Будто слышал прогноз погоды.

— Значит, придётся работать без него.

Пламя свечи дрогнуло.

И я увидел на столе металлический жетон.

Круглый.

Тёмный.

На нём:

00:000:00:00:00

Мой жетон.

Я потянулся к нему.

Чужой рукой.

И картинка оборвалась.

◆ ◆ ◆

Я отшатнулся.

Графин выпал из пальцев.

Разбился.

Осколки разлетелись по полу.

Несколько секунд я не понимал, где нахожусь.

Палата.

Кровать.

Окно.

Мужчина.

Он тоже отступил.

И впервые с момента появления выглядел не спокойным.
Удивлённым.

По-настоящему.

— Что это было? — спросил я.

Он смотрел на меня.

— Что ты увидел?

— Кто вы?

— Что ты увидел?

— Комнату.

Его лицо изменилось.

— Какую?

— Снег. Свечи.

Он шагнул ко мне.

— Ещё.

Я поднял руку.

— Не подходите.

Он остановился.

— Что ещё?

— Вы там были.

Молчание.

— Что я сказал?

Я смотрел на него.

— Сначала объясните, что произошло.

— Что. Я. Сказал?

Впервые в его голосе появилась жёсткость.

Я вспомнил.

— «Значит, придётся работать без него».

Мужчина побледнел.

Совсем немного.

Но я заметил.

Он медленно посмотрел на собственную руку.

— Такого не может быть.

— Сегодня любимая фраза.

Он не отреагировал.

— На столе был жетон, — сказал я.

Его взгляд мгновенно вернулся ко мне.

— Какой?

Я полез под куртку.

Потом остановился.

Жетон оставался в кармане.

— Такой же, как у меня.

— Он у тебя?

— Возможно.

— Покажи.

— Нет.

— Максим.

— Сначала скажите, что я только что видел.

Он молчал.

— Это было ваше воспоминание?

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро.

— Вы там были.

— Это ничего не значит.

— На вас была одежда, которую сейчас носят только в кино.

— И?

— Сколько вам лет?

Он посмотрел на меня.

— Это невежливый вопрос.

— А запирать людей в больничных палатах вежливо?

— Зависит от больницы.

Я почти рассмеялся.

Почти.

— Кто вы?

Он снова посмотрел на руку, которой коснулся меня.

— Ты раньше это умел?

— Что?

— Видеть след.

— Какой след?

— Чужой.

— Чужое время?

Он поднял глаза.

Что-то в его взгляде подсказало: я попал ближе, чем он хотел.

— Это было время?

Молчание.

— Вы ведь именно это называете временем?

— Не всё, что остаётся после человека, является воспо-

минанием.

— Я ничего не понял.

— И хорошо.

— Для кого?

— Для тебя.

— Мне надоели люди, которые решают, что для меня хорошо.

— Раньше ты говорил то же самое.

Я замер.

— Когда?

Он словно понял, что сказал лишнее.

Подошёл к двери.

— Куда?

— Ухожу.

— Вы обещали объяснить.

— Нет. Я обещал открыть дверь.

Он повернул замок.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

Связь вернулась.

— Стойте.

Он открыл дверь.

Я шагнул следом.

— Как вас зовут?

Он остановился.

Подумал.

— Пока никак.

— Очень смешно.

— Ты всё равно скоро узнаешь.

— От кого?

Он посмотрел на меня через плечо.

— Если повезёт — не от меня.

И пошёл по коридору.

Я двинулся за ним.

Рёбра тут же отозвались болью.

— Подождите!

Он не ускорился.

Но расстояние между нами увеличивалось.

Я нахмурился.

Пошёл быстрее.

Мужчина двигался всё тем же спокойным шагом.

Но становился дальше.

— Как вы это делаете?

Не ответил.

Прошёл мимо поста медсестры.

Она подняла голову.

— Максим, вы куда?

— За ним!

— За кем?

Я остановился.

Мужчина был прямо впереди.

Метрах в десяти.

— Вон за тем человеком.

Медсестра посмотрела туда.

— Каким?

Я перевёл взгляд на неё.

— В пальто.

— Максим...

Я снова посмотрел вперёд.

Он стоял у поворота.

Посмотрел на меня.

Улыбнулся.

И шагнул за стену.

Я побежал.

— Максим!

До поворота добрался секунд за десять.

За ним тянулся длинный коридор.

Двери.

Лестница.

Лифт.

Никого.

Я прошёл дальше.

Пусто.

Будто он растворился.

— Максим!

Медсестра догнала меня.

— Вы с ума сошли? После такой травмы бегать нельзя!

Я смотрел на пустой коридор.

— Вы правда его не видели?

— Кого?

— Мужчину.

Она нахмурилась.

— К вам кто-то приходил?

— Он только что стоял возле меня.

— Я была на посту.

— **И?**

— Никто к вам не заходил.

Я посмотрел на неё.

— Дверь была закрыта.

— Какая дверь?

— Палаты.

— Она всё время была открыта.

Холод прошёл по спине.

— Нет.

— Да.

Я достал телефон.

— Камеры.

— Что?

— Здесь есть камеры?

— В коридоре.

— Покажите запись.

— Максим, я не могу...

— Он был здесь.

Она смотрела на меня с тревогой.

Я понимал, как это выглядит.

Пациент после черепно-мозговой травмы утверждает, что разговаривал с человеком, которого никто не видел.

Отлично.

Теперь психиатр точно будет в восторге.

Я вернулся в палату.

На полу лежали осколки графина.

Я остановился.

Медсестра тоже.

— Вы его разбили?

— Нет.

— А кто?

Я посмотрел на неё.

Она перестала задавать вопросы.

◆ ◆ ◆

Через час в палате появился Андрей Сергеевич.

— Мне рассказали.

— Уверен, версия интересная.

— Вы видели человека.

— Да.

— Медсестра его не видела.

— Да.

— Графин разбился.

— Да.

— И вы утверждаете, что это сделали не вы.

— Его уронил я.

Врач посмотрел на меня.

— Уже прогресс.

— Но не сам.

— Не понял.

— Он схватил меня за руку.

Андрей Сергеевич ничего не сказал.

— Я знаю, как это звучит.

— Хорошо.

Он сел.

— Опишите его.

Я описал.

— Раньше видели?

— Вчера ночью.

— Он разговаривал с вами?

— Сегодня.

— Что сказал?

Я замолчал.

Ты всё ещё думаешь, что видишь смерть?

Причина всегда находится.

Ты закончился.

— Ничего важного.

Врач вздохнул.

— Максим.

— Я знаю.

— Что именно?

— Что вы мне не верите.

— Я этого не сказал.

— А что вы сказали бы человеку, который утверждает, что разговаривал с невидимым мужчиной?

— Сначала я бы проверил, действительно ли мужчина невидимый.

Я посмотрел на него.

— Камеры?

— Мы проверили.

Я напрягся.

— **И?**

— В коридоре действительно есть запись.

— Он там?

Андрей Сергеевич молчал.

— Покажите.

— Я не должен.

— Но покажете.

Он посмотрел на меня.

Потом достал телефон.

— Один раз.

Открыл видео.

Повернул экран ко мне.

Коридор.

Камера сверху.

Видна дверь моей палаты.

В углу — время.

19:45:12.

Я стою внутри.

Один.

Через несколько секунд дверь закрывается.

Сама.

Я почувствовал, как похолодели ладони.

На записи никто не входит.

19:45:48.

Ядвигаюсь по палате.

Говорю.

Жестикулирую.

Иногда замолкаю, будто слушаю ответ.

Но напротив никого.

— Перемотайте.

Врач провёл пальцем.

Я увидел себя с графином.

Поднимаю руку.

Замахиваюсь.

И вдруг моё запястье резко останавливается в воздухе.

Не так, будто я передумал.

Будто во что-то врезалось.

Тело дёргается вперёд.

Я замираю.

Несколько секунд стою неподвижно.

Потом отшатываюсь.

Графин падает.

Разбивается.

Я смотрел на экран.

— Остановите.

Андрей Сергеевич поставил видео на паузу.

На кадре моя левая рука висела в воздухе.

Пальцы слегка согнуты.

Будто чужая ладонь действительно держала запястье.

Только ладони не было.

— Это монтаж.

— Запись с больничной камеры.

— Кто-то мог изменить.

— Кто?

Я не ответил.

Он продолжил видео.

Я стою.

Разговариваю с пустотой.

Потом дверь открывается.

Сама.

Я выбегаю в коридор.

А дальше — уже то, что видела медсестра.

Я иду за человеком, которого на записи нет.

Андрей Сергеевич выключил экран.

В палате стало тихо.

— Теперь скажите мне, что произошло, — произнёс он.

Я посмотрел на свои руки.

Мужчина был реальным.

Я чувствовал его пальцы на запястье.

Видел комнату.

Снег.

Свечи.

Жетон.

Но камера его не видела.

Медсестра не видела.

И счётчика у него не было.

Я вспомнил слова неизвестного:

Если увидишь человека без счётчика — уходи.

Теперь предупреждение звучало иначе.

Не потому, что такой человек обязательно опасен.

А потому, что он, возможно, вообще не должен был существовать.

Телефон завибрировал.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР

Я схватил его.

— Да.

Тот же голос.

— Ты всё ещё в больнице.

Я встал.

— Кто тот человек?

Пауза.

— Он приходил?

— Да.

— Говорил с тобой?

— Да.

— Прикасался?

Я замолчал.

— Максим.

— Да.

На другом конце стало тихо.

Потом очень тихо:

— Это плохо.

— Кто он?

— Слушай меня внимательно.

— Я уже слушаю.

— Если увидишь его снова, не позволяй ему касаться тебя.

— Поздно.

Молчание.

— Что произошло?

— Я увидел что-то.

— Что именно?

Я посмотрел на левое запястье.

Там, где меня держали, кожа была совершенно чистой.

— Комнату.

— Какую комнату?

— Старую. За окном шёл снег. Горели свечи.

Молчание.

— Кто там был?

— Он.

— Ещё кто?

— Не знаю. Второго человека я видел со спины.

— Что-нибудь ещё?

Я вспомнил стол.

— Жетон.

На другом конце стало так тихо, что я решил: связь снова оборвалась.

— Какой жетон? — спросил мужчина.

— Такой же, как у меня.

Пауза.

— Что было на нём?

Я уже знал, что ответ ему не понравится.

— Нули.

— Пять групп, — добавил я. — 00:000:00:00:00.

Мужчина выдохнул.

— Чёрт.

— Теперь объясните.

— Ты уверен, что видел именно это?

— Абсолютно.

— Он спрашивал, что ты увидел?

— Да.

— Ты сказал?

Я замолчал.

— Максим.

— Да.

— Всё?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Я сказал про комнату. Про снег. Что видел его. Потом упомянул жетон.

На другом конце слышался какой-то звук.

Будто мужчина ударил ладонью по столу.

— Что?

— Ничего.

— Вы знаете эту комнату?

Он не ответил.

— Знаете.

— Максим, послушай меня.

— Нет. Теперь вы послушайте. Он сказал, что знал меня.

Вы тоже говорите так, будто знаете. У меня жетон с нулями.

Мой счётчик закончился. Я вижу то, чего не видят камеры.

А теперь ещё залез в чужое воспоминание. Поэтому либо вы начинаете отвечать, либо следующий ваш звонок я просто сброшу.

Молчание.

Долгое.

Я уже думал, что он отключился.

Потом мужчина сказал:

— Это было не воспоминание.

Я замер.

— А что?

— След.

То же слово.

Мужчина без счётчика использовал его.

— След чего?

— Времени.

— Что это значит?

— То, что после некоторых событий остаётся отпечаток.

— И я его увидел?

— Похоже.

— Почему?

— Потому что ты не должен уметь это делать.

— Очень полезное объяснение.

— Другого пока нет.

— У вас или вообще?

Мужчина не ответил.

— Кто человек без счётчика?

— Не знаю.

— Врёте.

— Я знаю, кем он может быть.

— И кем?

— Тем, у кого больше нет собственного времени.

Я вспомнил комнату.

Чужой голос:

У тебя больше нет времени.

Ответ мужчины:

Значит, придётся работать без него.

По коже прошёл холод.

— Подождите...

— Что?

— Я слышал эту фразу.

— Какую?

— Ему сказали, что у него больше нет времени.

На другом конце снова стало тихо.

— А он ответил, что будет работать без него.

Мужчина медленно выдохнул.

— Тогда у нас проблема.

— Какая?

— Большая.

— Можно конкретнее?

— Ты не должен уметь видеть чужое время.

Связь оборвалась.

Я не сразу убрал телефон от уха.

На экране снова не было вызова.

Ни номера.

Ни продолжительности.

Ничего.

Я посмотрел на своё отражение в окне.

Над головой:

00:000:00:00:00

Потом достал жетон.

Те же цифры.

И впервые подумал не о том, почему моё время закончилось.

А о другом.

Если человек без счётчика действительно научился суще-

ствовать без собственного времени...

то, возможно, мои нули означали не конец.

Возможно, они были началом.

Глава 6. Проверка

На следующее утро я проснулся с одной мыслью:
мне нужны доказательства.

Не ощущения.

Не совпадения.

Не чужие загадочные фразы.

Доказательства.

Если цифры действительно означали остаток принадлежащего человеку времени, это можно было проверить.

Пусть не полностью.

Пусть грязно.

Пусть мне самому не нравился способ.

Но можно.

Я сел на кровати и открыл заметки.

Елена Викторовна.

Удалил её имя.

Потом снова восстановил из корзины.

Не знаю зачем.

Наверное, потому что удаление выглядело слишком похоже на попытку сделать вид, будто ничего не произошло.

Николай Петрович.

Елена Мельникова.

Два человека.

Два счётчика.

Два нуля.

Две смерти.

Этого уже хватило бы любому здравомыслящему человеку.

Проблема была в том, что здравомыслие в последнее время стало очень относительным понятием.

Я создал новую заметку.

Назвал её:

ПРОВЕРКА

И написал первое правило.

1. Не вмешиваться.

Несколько секунд смотрел на строку.

После Елены она казалась особенно важной.

Второе:

2. Не предупреждать.

Третье:

3. Не выбирать знакомых.

Четвёртое:

4. Только публично проверяемые случаи.

Я откинулся на подушку.

План выглядел чудовищно.

Но другого у меня не было.

После завтрака я вышел в холл отделения.

Андрей Сергеевич разрешил гулять по этажу при условии, что я не попытаюсь снова устроить международный побег

через лифт.

Я обещал.

Технически я не врал.

Сегодня лифт меня не интересовал.

Я сел возле окна и смотрел на людей.

Сначала было трудно.

Каждый счётчик хотелось прочитать.

Потом стало хуже.

Потому что я начал искать маленькие значения.

Вот женщина с цветами.

26:118:09:14:36

Нет.

Мужчина с перевязанной рукой.

04:019:03:28:11

Четыре года.

Раньше четыре года показались бы страшно маленьким сроком.

Теперь я пропустил его.

Мне нужны дни.

Часы.

Я ненавидел себя за эту мысль.

По коридору прошёл подросток.

71:220:12:01:48

Следом старушка.

02:007:18:43:09

Два года.

Потом санитар.

33:088:04:17:22

Я продолжал ждать.

Примерно через сорок минут появился первый.

Мужчина лет шестидесяти.

Шёл медленно, но без посторонней помощи.

В одной руке документы, в другой куртка.

Над ним:

00:003:11:26:14

Три дня.

Одиннадцать часов.

Двадцать шесть минут.

Четырнадцать секунд.

Я сразу отвёл взгляд.

Нет.

Не хочу.

Потом снова посмотрел.

Мужчина остановился у регистратуры.

Назвал фамилию.

Я слышал.

Кравцов.

Сергей Михайлович.

Внутри что-то неприятно щёлкнуло.

У меня уже было достаточно информации для проверки.

Я достал телефон.

Записал:

Сергей Михайлович Кравцов.

Остаток: 3 дня 11 часов 26 минут.

И добавил:

Не вмешиваться.

Мужчина ушёл.

Я почувствовал облегчение.

А потом увидел второго.

Женщина лет сорока.

Очень худенькая.

С прозрачным пакетом анализов.

00:000:19:08:41

Я замер.

Девятнадцать часов.

Она села через два кресла от меня.

Я не хотел смотреть.

Но смотрел.

00:000:19:08:34

00:000:19:08:27

Она заметила мой взгляд.

— Простите, мы знакомы?

— Нет.

— Тогда почему вы на меня так смотрите?

— Задумался.

— Обо мне?

— Видимо.

Она улыбнулась.

— Тогда думайте что-нибудь хорошее.

Я отвернулся.

Не вмешиваться.

Не предупреждать.

Правила вдруг показались гораздо проще, когда человек был абстрактной записью в телефоне.

С живым человеком рядом всё становилось иначе.

Я встал.

Ушёл обратно в палату.

Женщину не записал.

К обеду в заметке было четыре имени.

Все — случайные люди.

Все — с остатком меньше недели.

Я чувствовал себя падальщиком.

Поэтому прекратил.

Если система настоящая, этих четырёх хватит.

Если нет — тем лучше.

После обеда мне снова звонила Лера.

На этот раз я ответил.

— Привет.

— Привет? — повторила она. — Очень содержательно.

— Не знаю, что ещё сказать.

— Например: «Извини, что вчера не отвечал».

— Извини.

— Уже лучше.

Она помолчала.

— Как ты?

Я посмотрел на пустую кровать Николая Петровича.

— Нормально.

— Врёшь.

— Возможно.

— Я всё равно приеду сегодня.

— Ты вчера говорила завтра.

— Для тебя время сейчас сложная тема?

Я замер.

— Что?

— Шутка.

— Очень смешно.

— Макс, что с тобой?

— Ничего.

— Опять врёшь.

Я закрыл глаза.

— Лера.

— Да?

— Мы были вместе?

Тишина.

Очень долгая.

— Были.

— Сколько?

— Почти четыре года.

— Почему расстались?

— Мы не совсем расстались.

— Это как?

— Плохо и сложно.

— Очень полезное объяснение.

— Ты правда ничего не помнишь?

— Отрывками.

— Меня?

Я попытался.

Голос.

Запах духов.

Чья-то голова у меня на плече.

Руки на руле.

Женская ладонь на приборной панели.

— Иногда.

— Что именно?

— Не знаю.

Она выдохнула.

— Я приеду вечером.

— Хорошо.

— И ещё.

— Что?

— Не звони Аркадию.

Я нахмурился.

— Я даже не знаю его номер.

— Тем лучше.

— Кто он?

— Потом.

— Почему все говорят «потом»?

— Потому что ты слишком много хочешь узнать сразу.

— Может быть, потому что никто ничего нормально не объясняет?

Она замолчала.

Потом:

— Макс, если Аркадий сам позвонит — не говори ему, что ты что-то вспомнил.

Холод прошёл по спине.

— А если я ничего не вспомнил?

— Тогда тем более.

Связь оборвалась.

Я смотрел на телефон.

У меня появился ещё один вопрос.

Почему Лера боялась Аркадия?

И почему человек с неизвестного номера, наоборот, будто пытался меня спасти?

Первое подтверждение пришло вечером.

Случайно.

Я вообще не ожидал результата так быстро.

Одного из записанных людей звали Павел Романов.

На счётчике утром было:

00:000:07:12:36

Меньше восьми часов.

Он был посетителем.

Я услышал фамилию, когда охранник оформлял пропуск.

Потом нашёл его в социальных сетях.

Обычная открытая страница.

Пятидесятилетний мужчина.

Работал инструктором в автошколе.

Последнее фото — утром.

Кофе.

Подпись:

«Опять понедельник».

В 18:46 на его странице появился комментарий.

Паша, как же так...

Я замер.

Обновил.

Ещё один.

Соболезнования семье.

Потом третий.

Я почувствовал, как ладони стали холодными.

Начал искать имя.

Через несколько минут нашёл сообщение в местном паблике.

ДТП.

Автомобиль вылетел с дороги.

Водитель погиб на месте.

Фамилия совпадала.

Время аварии:

18:41.

Я открыл заметку.

Утренний счётчик Павла давал практически то же время.

Разница — несколько минут.

Может быть, я записал значение не в ту секунду.

Может быть, в новости указали округлённое время.

Это уже не имело значения.

Я положил телефон.

Внутри было пусто.

Третья смерть.

Теперь уже не рядом со мной.

Без вмешательства.

Без предупреждений.

Без возможности обвинить себя.

И почему-то легче не стало.

Второе подтверждение пришло через два дня.

Сергей Кравцов.

Тот самый мужчина с тремя днями.

Я нашёл некролог на странице местной спортивной секции.

Оказалось, он много лет тренировал детей.

Умер ночью.

Остановка сердца.

Четыре имени превратились в два подтверждения.

Третий человек исчез из социальных сетей.

Четвёртого я не смог нормально идентифицировать.

Но мне хватило.

Цифры работали.

По крайней мере, достаточно часто и достаточно точно, чтобы больше не списывать их на последствия удара головой.

Я закрыл заметку.

Потом создал новую.

ЧТО Я ЗНАЮ

1. Счётчик есть почти у всех людей.

2. Ноль совпадает с моментом, после которого человек может умереть почти сразу.

Я остановился.

Раньше написал бы проще:

При нуле человек умирает.

Но собственные нули всё ещё висели надо мной.

И я был жив.

Поэтому формулировка требовала осторожности.

Третий пункт:

3. Смена обстоятельств не обязательно меняет момент нуля.

Четвёртый:

4. Камера счётчик не видит.

Пятый:

5. Некоторые люди не имеют счётчика.

Шестой:

6. Я вижу собственные нули и продолжаю жить.

Седьмой:

7. Кто-то знает, что я вижу счётчики.

Восьмой:

8. Я, возможно, видел их ещё до аварии.

Я добавил девятый пункт.

9. Человек без счётчика не отображается на камерах.

Потом десятый.

10. При прикосновении к нему я увидел чужой след.

Я смотрел на список.

Если всё это написать без контекста, получится медицинская карта человека, которого давно пора держать в комнате с мягкими стенами.

Телефон завибрировал.

Сообщение.

Неизвестный номер.

Всего одна строка:

Хватит проверять.

Я сел.

Ответил:

Кто вы?

Сообщение не доставилось.

Через секунду пришло второе:

Четырёх достаточно.

Я почувствовал холод.

Он знал.

Не только о смертях.

Он знал, сколько людей я записал.

Я встал и подошёл к окну.

Улица внизу.

Люди.

Машины.

Никого подозрительного.

Телефон снова завибрировал.

Ты не первый, кто пытается доказать себе, что счётчики настоящие.

Я быстро написал:

Что они показывают?

Ответ пришёл почти сразу.

То, что тебе принадлежит.

Я нахмурился.

В смысле?

Пауза.

Потом:

Если у тебя есть дом, это не значит, что ты обязательно будешь жить в нём до конца жизни.

Следующее сообщение:

С временем так же.

Я перечитал.

И вдруг понял слова человека без счётчика.

Если человеку принадлежит ещё десять лет, он может умереть завтра.

Тогда оставшиеся десять лет...

Я написал:

Что происходит со временем человека, который умирает раньше?

Долго ничего не было.

Потом экран загорелся.

Вот теперь ты задал правильный вопрос.

И всё.

На третий день меня выписали.

Андрей Сергеевич был не в восторге.

— Я всё ещё рекомендую наблюдение у невролога.

— Хорошо.

— И консультацию психиатра.

— Обязательно.

— Вы сейчас соглашаетесь, чтобы я отстал?

— Именно.

Он улыбнулся.

— Хотя бы честно.

Я подписал бумаги.

Медсестра принесла мои вещи.

— Постарайтесь больше никого не предсказывать.

Я посмотрел на неё.

— Постараюсь.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она помолчала.

— Елена...

— Знаю.

— Вы не могли знать, что произойдёт.

Я ничего не ответил.

Так было лучше, чем слова это не ваша вина.

Потому что я до сих пор не знал, виноват или нет.

Она протянула пакет.

— Берегите себя.

Над ней:

42:169:07:11:28

Я впервые увидел счётчик и не попытался перевести его в дату.

Просто кивнул.

— Вы тоже.

Перед выходом я зашёл в туалет.

Не знаю зачем.

Наверное, хотел ещё раз посмотреть на себя наедине.

Зеркало над раковиной было ярко освещено.

Синяк почти сошёл.

Шов над бровью оставался.

Я выглядел обычным.

Почти.

Над головой:

00:000:00:00:00

Я достал металлический жетон.

Положил рядом с раковиной.

Та же комбинация.

Уже собирался убрать его, когда заметил странность.

Цифры над отражением дрогнули.

Всего на мгновение.

Я замер.

Снова посмотрел.

Нули.

— Показалось.

Поднял жетон.

И в этот момент дверь туалета открылась.

Вошёл мужчина.

Лет тридцати.

Костюм.

Портфель.

Над головой:

28:116:09:33:14

Он прошёл к соседней раковине.

Я посмотрел на него через зеркало.

И произошло невозможное.

Когда наши отражения оказались рядом, его счётчик дрогнул.

28:116:09:33:12

Погас.

На долю секунды.

Потом появился снова.

28:116:09:33:13

Я замер.

Ему прибавилась секунда.

Не показалось.

Счётчик действительно вернулся назад.

На одну секунду.

А мои нули в тот же момент вспыхнули.

Я резко отступил.

Мужчина посмотрел.

— Всё нормально?

Я не ответил.

Он пожал плечами и вышел.

Я остался возле зеркала.

Сердце билось слишком быстро.

Секунда.

Всего одна.

Может быть, ошибка.

Может быть, зрительный сбой.

Но внутри снова появилось это мерзкое чувство узнавания.

Я уже видел такое раньше.

Я просто не помнил где.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Сообщение:

Ты только что сделал это сам?

Я уставился на экран.

Ответил:

Что сделал?

Три точки появились почти сразу.

Исчезли.

Снова появились.

Ответ:

Максим, не трогай чужое время.

Следующее сообщение пришло через секунду.

Пока не вспомнишь, как его вернуть.

Глава 7. Лера

Я увидел её раньше, чем она увидела меня.

Она стояла у входа в больницу.

Тёмное пальто.

Распущенные волосы.

Телефон в руке.

И выражение лица человека, который уже достаточно долго ждёт и начинает злиться.

Над её головой:

12:226:14:07:31

Я остановился.

Двенадцать лет.

Двести двадцать шесть дней.

Я не стал считать дальше.

Не знаю, почему именно этот счётчик ударил сильнее остальных.

Может быть, потому что Лера была первым человеком, которого я вроде бы должен был знать.

Не случайный прохожий.

Не пациент.

Не врач.

Не человек из моей проверки.

Лера.

Четыре года вместе.

По её словам.

А ей принадлежало чуть больше двенадцати лет.

Много это или мало?

Раньше я бы сказал — мало.

Теперь уже не был уверен, что вообще понимаю смысл этого вопроса.

Она подняла голову.

Увидела меня.

Замерла.

На лице одновременно появилось столько всего, что я не успел разобрать.

Облегчение.

Злость.

Страх.

И что-то ещё.

Она быстро пошла ко мне.

Я приготовился сказать «привет».

Не успел.

Лера обняла меня.

Рёбра сразу напомнили, что романтические сцены после аварий сильно переоценены.

— Ай.

Она мгновенно отпустила.

— Господи. Прости.

— Ничего.

— Я забыла про рёбра.

— Рад, что хотя бы ты помнишь.

Шутка вышла хуже, чем я рассчитывал.

Лера посмотрела на меня.

Улыбка исчезла.

— Не смешно.

— Немного.

— Нет.

Мы молчали.

Я рассматривал её лицо.

Знакомое.

Очень знакомое.

Только память отказывалась выдавать нормальную картинку.

Какие-то отдельные детали.

Она смеётся.

Спит, положив голову мне на грудь.

Спорит со мной на кухне.

Захлопывает дверь.

Плачет.

Образы мелькали и исчезали.

— Ты правда почти ничего не помнишь? — спросила она.

— Я помню, что ты Лера.

— Это уже прогресс.

— Помню голос.

— Ещё?

— Иногда кусками.

Она отвернулась.

— Пойдём.

— Куда?

— Отсюда.

— Мне только что разрешили уйти.

— Тогда особенно.

Мы пошли к парковке.

Я снова посмотрел на её счётчик.

12:226:14:07:04

Она заметила.

— Что?

— Ничего.

— Ты уже второй раз смотришь мне над головой.

Я отвёл взгляд.

— Привычка.

— У тебя раньше такой не было.

Сердце дёрнулось.

— Раньше?

Она посмотрела на меня.

Слишком быстро поняла, что сказала лишнее.

— Просто выражение.

— Нет.

— Макс.

— Ты сказала «раньше».

— **И?**

— Значит, я делал что-то похожее?

Лера замолчала.

— Мы не будем обсуждать это на улице.

— Тогда где?

— В машине.

У неё был серый кроссовер.

Я сел на пассажирское сиденье.

И сразу увидел руку.

Женскую.

На приборной панели.

Точно как в воспоминании.

Я резко вдохнул.

— Что?

— Эта машина...

Лера застыла.

— Что с ней?

Я провёл рукой по панели.

— Я уже здесь сидел.

— Конечно.

— Часто?

Она завела двигатель.

— Очень.

— Это твоя рука.

— Что?

— Я её видел.

— Где?

— В воспоминании после аварии.

Она выключила двигатель.

Снова тишина.

— Что именно ты видел?

— Дождь.

— Так.

— Дорогу.

— Так.

— Женскую руку на панели.

Лера побледнела.

Совсем немного.

Но я заметил.

— Это была ты?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Уверена?

— Да.

— Тогда почему ты так реагируешь?

Она сжала руль.

— Потому что после аварии ты задаёшь вопросы, на которые сам раньше запрещал мне отвечать.

Я повернулся к ней.

— Что?

Она закрыла глаза.

— Я не хотела говорить сейчас.

— Поздно.

— Макс.

— Что именно я запрещал?

Лера снова завела двигатель.

— Поехали.

— Куда?

— Домой.

— К тебе?

— Да.

— Почему не ко мне?

Она посмотрела в зеркало заднего вида.

— Потому что к тебе домой я сейчас не поеду.

У меня внутри всё похолодело.

— Почему?

— Я сказала — потом.

— Ты тоже.

— Что?

— Все говорят «потом».

— Может, потому что ты не умеешь останавливаться.

— А может, потому что вокруг меня все что-то скрывают.

Лера выехала с парковки.

— И ты тоже скрывал.

— Что именно?

— Всё.

Первые десять минут мы ехали молча.

Я смотрел в окно.

Люди.

Счётчики.

Машины.

Город жил совершенно обычной жизнью.

Только теперь я видел над ней то, чего видеть не должен.

У светофора остановился мужчина с собакой.

17:091:04:06:17

На остановке девушка поправляла ребёнку шапку.

54:008:11:19:42

Над ребёнком:

68:177:02:31:08

Я отвернулся.

— Ты всегда так делал? — спросила Лера.

— Как?

— Смотрел на людей.

— Не знаю.

— Сейчас ты не смотришь на них. Ты смотришь выше.

Я молчал.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Не ври мне.

— Почему?

Она резко посмотрела.

— Потому что я уже слишком долго слушала твою ложь.

Зелёный.

Машина тронулась.

— Я не понимаю, о чём ты.

— Знаю.

— Тогда объясни.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что ты сам просил.

Я повернулся.

— Когда?

— До аварии.

— Что именно я просил?

Она сжала руль.

— Если с тобой что-нибудь случится, я не должна рассказывать тебе всё сразу.

— Очень предусмотрительно.

— Ты был уверен, что что-то может случиться.

— Авария?

— Не знаю.

— Ты знала, что мне угрожают?

— Нет.

Опять слишком быстро.

— Лера.

— Что?

— Ты плохо врёшь.

Она усмехнулась.

— Вот это ты помнишь.

— Значит, это правда?

— Что?

— Мне угрожали.

Она не ответила.

Этого хватило.

— Кто?

— Не сейчас.

— Аркадий?

Лера так резко повернула голову, что машина чуть ушла в соседнюю полосу.

Она выровняла её.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Ты сама сказала по телефону.

— Я говорила, чтобы ты ему не звонил.

— Я и не звонил.

— Он звонил?

— Нет.

— Уверен?

Я вспомнил неизвестный номер.

— Не знаю.

Она резко затормозила на красном.

— Как можно не знать?

— Мне пишет и звонит человек, номер которого не сохраняется в журнале.

Лера побледнела.

— Что он говорит?

— Что мне нельзя никому рассказывать про цифры.

Тишина.

Я почувствовал, как что-то изменилось.

— Какие цифры? — спросила она.

Слишком спокойно.

Теперь уже я внимательно смотрел на неё.

— Ты знаешь.

— Я спросила.

— Нет. Ты проверяешь, сколько я помню.

Она ничего не ответила.

— Лера.

— Макс...

— Ты знаешь про счётчики?

Загорелся зелёный.

Машины сзади засигналили.

Лера не ехала.

Сигнал повторился.

Она тронулась.

— Ответь.

— Не здесь.

— Ты это уже говорила.

— Потому что мне не хочется обсуждать такое в машине посреди дороги.

— Тогда остановись.

Она свернула во двор.

Припарковалась.

Заглушила двигатель.

Сидела, глядя вперёд.

Я ждал.

— Да, — наконец сказала она.

У меня внутри всё стало пустым.

— Да что?

— Я знаю, что ты видишь.

— С каких пор?

— Давно.

— Насколько давно?

— Макс...

— Давно — это сколько?

— До аварии.

— Я видел счётчики раньше?

Она кивнула.

Вот и всё.

Одно движение.

И половина моей новой жизни оказалась ложью.

— Значит, это не из-за травмы.

— Нет.

— Почему я не помню?

— Не знаю.

— А ты помнишь.

— Да.

— Что они показывают?

Она долго смотрела на меня.

— Ты сам мне никогда нормально не объяснял.

— Что говорил?

— Что это не смерть.

Я усмехнулся.

— Эту фразу я уже слышал.

— От кого?

Я не ответил.

— Макс.

— Кто такой Аркадий?

Лера закрыла глаза.

— Человек, которого тебе сейчас лучше не видеть.

— Почему?

— Потому что он знает тебя старого.

— Старого?

— До аварии.

— И что?

Она посмотрела прямо на меня.

— И я не знаю, кого из вас двоих боюсь больше.

Я замер.

— Меня?

— Того тебя.

— Что я сделал?

— Не сейчас.

Я открыл дверь.

— Отлично.

— Куда ты?

— Домой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я просила тебя не ехать туда.

— Я не помню, чтобы давал тебе право решать.

— Ты сам дал.

Я остановился.

— Что?

— До аварии.

Она достала телефон.

Несколько секунд что-то искала.

Повернула экран ко мне.

Сообщение.

От меня.

Дата — за шесть дней до аварии.

Если со мной что-нибудь случится, не вези меня домой.

Что бы я ни говорил потом.

Я перечитал.

Ещё раз.

— Это я написал?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Ты не спросила?

— Конечно спросила.

— И?

— Ты ответил: «Если понадобится — поймёшь».

Я рассмеялся.

Без веселья.

— Очень на меня похоже.

— Да.

— А следующее сообщение есть?

Она пролистала.

Если я забуду — не помогай мне вспоминать.

Ещё одно:

Особенно про пятнадцать лет.

У меня перехватило дыхание.

— Что случилось в пятнадцать?

Лера заблокировала телефон.

— Не знаю.

— Врёшь.

— Не знаю полностью.

— А частично?

Она молчала.

— Лера.

— Ты утонул.

В салоне стало тихо.

Я смотрел на неё.

— Что?

— Когда тебе было пятнадцать.

Вода.

Мальчик.

Чёрная глубина.

Ты опять забыл.

Я почувствовал, как немеют пальцы.

— Я выжил.

— Да.

— Очевидно.

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

Лера смотрела на руль.

— Твоя мать рассказывала, что тебя достали из воды без пульса.

Я вспомнил слова врача после аварии.

Отсутствие признаков жизни.

Слишком похожая фраза.

— Сколько?

— Что?

— Сколько я был без пульса?

— Не знаю.

— Кто меня спас?

Она замолчала.

Я уже знал ответ раньше, чем она произнесла имя.

— Аркадий.

Холод прошёл по спине.

— Он был там?

— Да.

— Кто он мне?

— Я не знаю.

— Ты четыре года была со мной и не знаешь?

— Потому что каждый раз, когда появлялся Аркадий, ты становился другим.

— Каким?

Она посмотрела на меня.

— Таким, каким я тебя не любила.

Я отвернулся.

Несколько секунд слышал только собственное дыхание.

— Домой к тебе, значит.

— Да.

— Хорошо.

Лера снова завела машину.

Она жила на шестом этаже нового дома.

Квартира оказалась странно знакомой.

Не мебель.

Не планировка.

Ощущение.

Я знал, где кухня, ещё до того, как Лера включила свет.

— Я часто здесь был.

— Почти жил.

— Почему почти?

— Потому что у тебя всегда была причина уйти ночью.

— Какая?

— Ты не говорил.

Она сняла пальто.

Я посмотрел на счётчик.

12:226:11:02:19

Лера снова заметила.

— Сколько?

Я замер.

— Что?

— У меня.

Она постучала пальцем над головой.

— Сколько там?

Я молчал.

— Значит, правда счётчик.

— Ты его никогда не видела?

— Нет.

— Я не говорил значения?

— Никогда.

— Почему?

— Говорил, что нельзя.

— Нельзя кому?

— Мне.

— Почему?

Она усмехнулась.

— Это я надеялась узнать от тебя когда-нибудь.

Я подошёл к окну.

— Двенадцать лет.

За спиной стало тихо.

Я сразу пожалел.

— Сколько?

— Лер...

— Ты сказал двенадцать?

Я обернулся.

Она стояла неподвижно.

Не испуганная.

Скорее ошеломлённая.

— Да.

— Точно?

— Если я правильно понимаю то, что вижу.

Она села.

— Двенадцать...

— Это не обязательно дата смерти.

— Очень утешает.

— Я серьёзно.

— А я нет?

Она провела ладонями по лицу.

Потом замерла.

— Раньше сколько было?

Теперь застыл я.

— Что?

Лера подняла глаза.

— Ты говорил, что показатели могут меняться?

— Я этого не говорил.

— Раньше говорил.

Внутри всё напряглось.

— Могут?

— Макс, я не знаю правил.

— Но ты спросила: «Раньше сколько было».

Она поняла.

Слишком поздно.

— Лера.

— Не сейчас.

— Нет.

Я подошёл ближе.

— Ты знаешь, что твой счётчик изменился?

Она не отвечала.

— Сколько было раньше?

— Я не знаю точно.

— Примерно.

— Макс...

— Сколько?

Она встала.

Отступила к кухонному столу.

И тихо сказала:

— Больше.

— Насколько?

— Намного.

У меня пересохло во рту.

— Что произошло?

Лера смотрела на меня.

— Ты.

Одно слово.

— Что я?

— Ты пришёл ко мне месяц назад.

— И?

— Сказал, что тебе нужна помощь.

— Какая?

Она начала теревить кольцо на пальце.

Я впервые заметил его.

Не обручальное.

Простое серебряное.

— Ты спросил, доверяю ли я тебе.

— Что ты ответила?

— Что раньше доверяла.

— А потом?

— Ты сказал, что тебе нужен год.

Я не понял.

— Какой год?

Лера посмотрела мне прямо в глаза.

— Один год моей жизни.

Тишина.

Я почувствовал, как всё внутри похолодело.

— И ты согласилась?

— Да.

— Почему?

— Потому что ты сказал, что иначе умрёшь.

Я посмотрел на её счётчик.

Двенадцать лет.

— Ты отдала мне год?

— Да.

— Как?

— Не знаю.

— Лера.

— Я правда не знаю. Ты всё сделал сам.

— Что именно?

— Взял меня за руку.

Я перестал дышать.

Мужчина в туалете.

Секунда.

Чужой счётчик дрогнул.

Мои нули вспыхнули.

— Что было потом?

— Боль.

— Какая?

— Очень сильная.

— Где?

— Везде. Секунд десять.

— А потом?

— Ты сказал: «Готово».

Я смотрел на неё.

— И ты уверена, что отдала только один год?

Она замолчала.

Вот теперь стало по-настоящему страшно.

— Лера.

— Ты сказал — один.

— Но?

Её глаза заблестели.

— Через несколько дней ты пришёл снова.

— Зачем?

— Я не знаю.

— Что произошло?

— Мы поссорились.

— Из-за чего?

— Ты хотел ещё.

Я почувствовал тошноту.

— Сколько?

— Не сказал.

— Ты отказалась?

— Да.

— **И?**

Лера долго молчала.

— На следующий день я проснулась на полу.

У меня внутри всё оборвалось.

— Что?

— Ты был рядом.

— Я что-то сделал?

— Ты сказал, что я потеряла сознание.

— Ты поверила?

— Нет.

— Почему?

Лера подошла к шкафу.

Открыла верхний ящик.

Достала небольшой конверт.

Бросила на стол.

— Потому что после этого я нашла вот это.

Внутри была фотография.

Я взял её.

Лера.

Спит на диване.

Моя рука держит её за запястье.

На запястье чёрный след.

Как ожог.

На обратной стороне фотографии была надпись.

Моим почерком.

11:364:00:00:00

Ниже:

11 лет 364 дня.

Я посмотрел на Леру.

— Что это?

— Я надеялась, что ты мне объяснишь.

— Не могу.

— Знаю.

Она обхватила себя руками.

— После этого ты исчез на два дня.

— А потом?

— Вернулся.

— Что сказал?

— Что всё исправил.

Я снова посмотрел на счётчик.

12:226:09:41:17

Если фотография была сделана после того случая, то что-то действительно изменилось.

Причём сильно.

— Похоже, хотя бы часть ты получил обратно.

Лера ничего не сказала.

И в этот момент телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Я открыл сообщение.

Ты рядом с ней?

Я замер.

Следующее пришло сразу.

Не трогай Леру.

Ещё одно:

Её время уже один раз брали без разрешения.

Я поднял глаза.

— Лера.

— Что?

— Кто кроме меня знал про тот год?

Она побледнела.

— Аркадий.

Телефон снова завибрировал.

И если она сказала тебе про Аркадия — уходите оттуда.
Сейчас.

Глава 8. Прибавилось

— Одевайся.

Лера посмотрела на меня так, будто я только что предложил выпрыгнуть из окна.

— Что?

— Нам нужно уйти.

— Куда?

— Не знаю.

— Отличный план.

Телефон снова завибрировал.

Я посмотрел на экран.

НЕ В ЛИФТ.

По спине прошёл холод.

— Быстро.

— Макс, что происходит?

Я протянул ей телефон.

Она прочитала сообщение.

Потом ещё раз.

— Кто это?

— Если бы я знал.

— Откуда он знает, где мы?

— Хороший вопрос.

— И почему мы вообще должны ему верить?

Я вспомнил больницу.

Человека без счётчика.

Пустой коридор на записи камеры.

Елену Викторовну.

И предупреждение, которое я проигнорировал.

Если увидишь человека без счётчика — уходи.

— Потому что один его совет я уже не послушал.

— И?

Я посмотрел на неё.

— Закончилось плохо.

Лера несколько секунд стояла неподвижно.

Потом всё-таки взяла пальто.

— Есть другой выход? — спросил я.

— С балкона.

Я посмотрел на окно шестого этажа.

— Желательно тот, после которого мы останемся живы.

— Тогда лестница.

— Где?

— В конце коридора.

— Пойдём.

Она не двинулась.

— Макс.

— Что?

— Это моя квартира.

— Знаю.

— Ты врываешься обратно в мою жизнь после нескольких недель непонятно чего. Потом попадаешь в аварию, забываешь половину прошлого, сообщаем, что мне принадлежит чуть больше двенадцати лет, а теперь предлагаешь ночью бежать из собственного дома из-за сообщения неизвестно от кого.

Я подумал.

— Когда ты так формулируешь, действительно звучит не очень.

— Не очень?

— Совсем плохо.

— Именно.

Телефон завибрировал.

Я посмотрел на экран.

И шутить расхотелось.

ОН УЖЕ В ДОМЕ.

Я молча показал сообщение Лере.

Она прочитала.

— Кто «ОН»?

— Не знаю.

— Аркадий?

— Не знаю.

— Тот человек из больницы?

Я не успел ответить.

Из прихожей донёсся звук.

Тихий.

Едва слышный.

Дзынь.

Мы оба посмотрели на дверь.

Я не сразу понял, что это.

Потом понял.

Лифт.

Он остановился на нашем этаже.

Лера тоже поняла.

Её лицо изменилось.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом из коридора донеслись шаги.

Один.

Пауза.

Ещё один.

Медленные.

Спокойные.

Кто-то шёл по коридору.

Я подошёл к двери.

— Макс...

— Тихо.

Посмотрел в глазок.

Коридор.

Белые стены.

Двери квартир.

Свет.

Никого.

Шаг.

Совсем близко.

Я прижался к глазку сильнее.

Пусто.

Шаг.

Лера подошла сзади.

— Видишь кого-нибудь?

— Нет.

— Тогда кто ходит?

Я вспомнил запись из больницы.

Пустой коридор.

Дверь, которая закрывается сама.

Человека, существовавшего для меня и не существовавшего для камеры.

Ещё один шаг.

Теперь почти возле двери.

Ручка не двигалась.

Звонка не было.

Стук не раздался.

Кто-то просто стоял с другой стороны.

Я это чувствовал.

Телефон в руке снова завибрировал.

Одно сообщение.

УХОДИТЕ.

Я посмотрел на Леру.

— На лестницу.

— Он возле двери.

— Знаю.

— И как мы выйдем?

Хороший вопрос.

Я снова посмотрел в глазок.

Никого.

— Может, уже ушёл.

— А шаги?

Тишина.

Я осторожно положил руку на дверную ручку.

И в тот же момент снаружи раздался голос:

— Максим.

Я застыл.

Лера побледнела.

Голос был спокойным.

Мужским.

Знакомым.

— Это он? — едва слышно спросила она.

Я кивнул.

Человек без счётчика.

— Максим, — повторил он. — Открой.

Я молчал.

— Нам нужно поговорить.

Я посмотрел на телефон.

Никаких новых сообщений.

— Кто вы? — спросил я.

За дверью стало тихо.

Потом:

— Ты уже задавал этот вопрос.

— Ответа не получил.

— Получишь.

— Говорите отсюда.

Короткая пауза.

— Рядом с девушкой нельзя.

Я посмотрел на Леру.

Она услышала.

— Почему? — спросил я.

— Потому что часть того, что ты забыл, касается её.

Лера сделала шаг к двери.

Я остановил её рукой.

— Что именно?

— Открой.

— Нет.

Тишина.

А потом он произнёс:

— Тогда хотя бы не касайся её.

Я посмотрел на руку.

Она лежала на предплечье Леры.

Я мгновенно убрал её.

За дверью тихо рассмеялись.

— Уже поздно бояться, Максим.

По коже пошли мурашки.

— Что вам нужно?

— Чтобы ты вспомнил.

— Все почему-то хотят обратного.

— Потому что остальные боятся того, что ты вспомнишь.

— А вы нет?

Долгая пауза.

— Я боюсь того, что произойдёт, если ты не вспомнишь вовремя.

Телефон завибрировал.

Я посмотрел.

Неизвестный номер.

НЕ РАЗГОВАРИВАЙ С НИМ.

Я медленно поднял глаза на дверь.

Человек снаружи вдруг сказал:

— Он снова тебе пишет?

У меня внутри всё оборвалось.

Лера посмотрела на меня.

Я не ответил.

— Спроси у него, — продолжил мужчина, — почему он ни разу не назвал своё имя.

Телефон снова завибрировал.

НЕ СЛУШАЙ.

За дверью:

— Спроси, почему его номер невозможно сохранить.

Ещё одно сообщение:

УХОДИТЕ СЕЙЧАС.

Мужчина продолжал:

— Спроси, откуда он знает, что ты видишь.

Я смотрел на экран.

Потом на дверь.

Два человека.

Оба знали слишком много.

Оба предупреждали меня друг о друге.

И я не понимал, кому из них нельзя верить.

Возможно, обоим.

Я наклонился к Лере.

— Когда открою, сразу к лестнице.

— Ты собираешься открыть?

— Другого выхода нет.

— Он стоит там.

— Именно.

— Очень успокаивает.

Я повернул замок.

Первый.

Потом второй.

Ручка.

Открыл дверь резко.

Коридор был пуст.

Я замер.

— Что? — спросила Лера.

Никого.

Лифт стоял с открытыми дверями.

Внутри горел свет.

— Он был здесь, — сказал я.

— Я слышала.

Мы вышли.

Я посмотрел налево.

Пусто.

Направо.

Тоже.

— Лестница где?

Лера показала.

Мы пошли.

И тогда я случайно посмотрел в зеркало внутри лифта.

Мужчина стоял за нами.

Тёмное пальто.

Седина на висках.

Спокойное лицо.

Пустота над головой.

Я резко обернулся.

Коридор был пуст.

Снова посмотрел в зеркало.

Он оставался там.

Только теперь стоял ближе.

— Макс?

— Не смотри в лифт.

— Почему?

— Просто не смотри.

Она, конечно, посмотрела.

Несколько секунд вглядывалась в зеркало.

— Там никого.

В отражении мужчина повернул голову к ней.

Медленно.

Будто впервые увидел.

Улыбка исчезла с его лица.

А потом он посмотрел на меня.

И произнёс беззвучно:

Беги.

Я схватил Леру за руку.

— Бежим.

Мы рванули к лестнице.

Дверь захлопнулась за нами.

Шестой этаж.

Пятый.

Четвёртый.

Рёбра болели так, будто внутри меня кто-то медленно проворачивал отвёртку.

Лера была впереди.

— Быстрее!

— Я после аварии!

— Ты сам сказал бежать!

Третий этаж.

Я слышал наверху дверь.

Она открылась.

Не оглядываться.

Второй.

Телефон завибрировал прямо в руке.

Я посмотрел на экран на ходу.

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ.

— Очень своевременно.

— Что?

— Ничего!

Первый этаж.

Лера толкнула дверь.

Мы вылетели во двор.

Холодный воздух ударил в лицо.

Машины.

Фонари.

Люди.

Счётчики.

Обычный мир.

Я остановился, пытаюсь отдышаться.

— К машине, — сказала Лера.

Телефон снова завибрировал.

МАШИНУ ОСТАВЬТЕ.

Я показал ей экран.

— Да он издевается.

— Похоже.

— Тогда куда?

— Пешком.

— Макс, если он видит нас...

— Не знаю, что именно он видит.

Я поднял голову.

Шестой этаж.

Окна квартиры Леры.

Свет всё ещё горел.

В одном из окон стоял человек.

Тёмное пальто.

Он смотрел вниз.

На нас.

Над ним ничего не было.

Я моргнул.

Окно опустело.

Лера проследила за моим взглядом.

— Он там?

— Был.

— Я никого не вижу.

— Знаю.

И именно это пугало сильнее всего.

Я посмотрел на её счётчик.

12:226:10:47

Он спокойно продолжал отсчитывать секунды.

— Идём.

Мы пошли прочь от дома.

Я не оглядывался.

Но ещё несколько кварталов мне казалось, что за спиной кто-то идёт.

Медленно.

Не торопясь.

Будто прекрасно знает:

далеко мы всё равно не уйдём.

— Есть место, о котором Аркадий не знает? — спросил я.

Лера посмотрела на меня.

— Почему именно Аркадий?

— Потому что неизвестный написал уходить сразу после того, как ты назвала его имя.

— Это ещё не значит, что в доме был Аркадий.

— Тогда кто?

Она не ответила.

Я и сам понимал, что доказательств нет.

Только человек без счётчика.

Пустой лифт.

Отражение, в котором он существовал.

И сообщения от человека, знавшего о нас больше, чем должен был.

— Ты говорил, что видел его в больнице, — сказала Лера.

— Да.

— Того самого?

— Думаю, да.

— И он пытался тебя убить?

— Нет.

— Угрожал?

— Тоже нет.

Лера остановилась.

— Тогда почему мы от него бежим?

Я тоже остановился.

Хороший вопрос.

Человек без счётчика не напал на меня.

Не пытался удержать.

Даже предупреждал.

Если не считать того, что появлялся там, где появляться не должен, не отображался на камерах и каким-то образом заставлял связь исчезать, ничего откровенно враждебного он не сделал.

— Потому что я его не понимаю.

— Очень убедительно.

— А ещё потому, что человек, который до сих пор оказывался прав, сказал бежать.

— Незвестный человек.

— Да.

— С несуществующего номера.

— Да.

— Который следит за каждым твоим шагом.

— Когда ты перечисляешь всё подряд, доверять ему действительно хочется меньше.

— Наконец-то.

Мы пошли дальше.

Через несколько минут Лера сказала:

— Есть гостиница.

— Где?

— Минут пятнадцать отсюда.

— Аркадий знает?

Она посмотрела на меня как на идиота.

— Макс, откуда Аркадию знать, в какую гостиницу мы пойдём посреди ночи?

— Я уже перестал понимать, кто что знает.

На этот раз она не спорила.

Гостиница оказалась небольшой.

Три этажа.

Стеклянные двери.

Тускло освещённый холл.

Сонный администратор за стойкой.

И примерно два десятка счётчиков в поле зрения.

Я проверил каждого.

Администратор.

Мужчина на диване.

Женщина возле автомата с кофе.

Двое людей за стеклянной дверью ресторана.

У всех были цифры.

Ни одной пустоты.

Только тогда я почувствовал, что могу нормально вдохнуть.

— Один номер? — спросил администратор.

Мы с Лерой переглянулись.

— Один, — сказал я.

Он посмотрел сначала на неё.

Потом на моё лицо.

Синяк.

Шов над бровью.

Пластырь.

Над самым администратором спокойно отсчитывалось:

36:019:08:11

— Семейная ссора? — спросил он.

— Машина.

— А.

Он кивнул с таким видом, будто машина объясняла абсолютно всё.

Выдал карту.

— Третий этаж. Триста семь.

— Лифт есть?

— Справа.

Мы с Лерой одновременно посмотрели туда.

— Лестница? — спросила она.

Администратор поднял бровь.

— Тоже справа. За лифтом.

— Спасибо.

Когда мы отошли, Лера тихо сказала:

— Даже не предлагай.

— Я ничего не говорил.

— Ты посмотрел на лифт.

— Просто проверял.

— Что?

— Не стоит ли там кто-нибудь, кого видит только зеркало.

Она ничего не ответила.

На третий этаж мы поднялись пешком.

В номере Лера первым делом закрыла дверь.

Один замок.

Второй.

Цепочка.

Потом проверила окно.

— Теперь что?

— Ждём.

— Чего?

Я снял куртку.

Рёбра тут же напомнили о себе.

— Не знаю.

Лера посмотрела на меня.

— Мне начинает надоедать этот ответ.

— Мне тоже.

Я достал телефон.

Написал неизвестному:

Мы ушли. Кто был в доме?

Сообщение не доставилось.

Ещё одно:

Где нам безопасно?

То же самое.

Третье:

Кто ты?

Красный значок.

Не доставлено.

— Молчит, — сказал я.

— Может, выключил телефон.

— Его номер не существует.

Лера медленно кивнула.

— Конечно.

— Что?

— Ничего. Я уже начинаю привыкать.

Она села на край кровати.

Я подошёл к окну.
Улица отсюда просматривалась почти целиком.
Редкие машины.
Фонари.
Несколько прохожих.
Счётчики.
Нормальные.
Обычные.
Если это слово вообще ещё подходило.
Я обернулся.
Над Лерой:
12:226:07:03
Двенадцать лет.
Я вспомнил фотографию.
Достал её из кармана.
Лера спит на диване.
Моя рука на её запястье.
Чёрный след.
На обратной стороне моим почерком:
11 лет 364 дня.
Я посмотрел на надпись.
Потом на Леру.
Снова на надпись.
Что-то не сходилось.
— Лер.
— М-м?

— Когда сделана эта фотография?

Она подняла голову.

— Какая?

Я показал снимок.

Её лицо сразу стало серьёзнее.

— Около месяца назад.

— Точно?

— Плюс-минус несколько дней. А что?

Я перевернул фотографию.

— Здесь написано одиннадцать лет триста шестьдесят четыре дня.

— Я знаю.

Посмотрел над её головой.

12:226:06:41

Я несколько секунд просто считал.

Нет.

Ошибки не было.

— Что? — спросила Лера.

— У тебя сейчас больше.

— Больше чего?

— Времени.

Она выпрямилась.

— Сколько?

— Двенадцать лет двести двадцать шесть дней.

Лера смотрела на меня.

Потом на фотографию.

— Подожди.

Она забрала снимок.

Перевернула.

Снова прочитала надпись.

— Значит...

— Тебе прибавилось.

Мы замолчали.

Я чувствовал то самое неприятное движение где-то внутри памяти.

Будто ответ находился совсем рядом.

Нужно только правильно посмотреть.

— Когда? — спросила Лера.

— Не знаю.

— После того случая?

— Возможно.

— Тогда ты действительно вернул мне время.

— Не всё.

Я снова посмотрел на цифры.

Разница была слишком большой, чтобы списать её на ошибку.

Но слишком маленькой, если я действительно забрал у неё год.

— Сколько? — спросила Лера.

— Что?

— Сколько вернулось?

Я прикинул.

— Около восьми месяцев.

— А остальное?

Я не ответил.

Потому что именно этот вопрос уже возник у меня.

Если я забрал год...

Если потом попытался вернуть...

И вернул только часть...

куда делись остальные месяцы?

Телефон завибрировал.

Мы оба вздрогнули.

Неизвестный номер.

Сообщение:

УТРОМ УХОДИТЕ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ.

Я сразу написал:

Почему?

На этот раз сообщение доставилось.

Три точки появились почти мгновенно.

ПОТОМУ ЧТО ВМЕСТЕ ВЫ СЛИШКОМ ЗАМЕТ-

НЫ.

Я набрал:

Для кого?

Ответа не было.

Пять секунд.

Десять.

Потом экран загорелся.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ИЩЕТ ТВОЙ ДОЛГ.

— Что там? — спросила Лера.

Я показал ей телефон.

Она прочитала.

— Какой ещё долг?

— Ещё один вопрос, на который никто не хочет отвечать.

Новое сообщение.

**НЕ ПЫТАЙСЯ СЕГОДНЯ НИЧЕГО ВЕРНУТЬ ЛЕ-
РЕ.**

Я почувствовал раздражение.

Написал:

Почему?

Ответ пришёл сразу.

**ПОТОМУ ЧТО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ОТКУДА ВОЗЬ-
МЁШЬ ВРЕМЯ.**

Я замер.

Перед глазами возник больничный туалет.

Мужчина возле раковины.

Наши отражения.

Его счётчик.

На мгновение —

плюс одна секунда.

И мои нули, вспыхнувшие одновременно с этим.

Я написал:

Я могу передавать время?

Три точки.

Исчезли.

Появились снова.

РАНЬШЕ МОГ.

А сейчас?

Пауза.

ТЫ УЖЕ ПОПРОБОВАЛ.

Я сразу понял.

Секунда в больнице?

На этот раз ответ задержался.

ЭТО БЫЛА НЕ СЕКУНДА.

Я нахмурился.

Тогда что?

Ответ:

СЛЕД.

Следующее сообщение пришло почти сразу.

ТЫ НЕ ДАЛ ЕМУ ВРЕМЯ.

Ещё одно.

ТЫ НА СЕКУНДУ ИЗМЕНИЛ ЕГО ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.

Я перечитал.

Потом ещё раз.

Принадлежность.

То же слово.

То, что тебе принадлежит.

Не смерть.

Не жизнь.

Время.

— Макс?

Я поднял голову.

— Что?

— Ты сейчас выглядишь так, будто понял что-то очень плохое.

— Я пока вообще ничего не понял.

Телефон снова завибрировал.

**И ЕСЛИ СДЕЛАЕШЬ ЭТО СНОВА, ОНИ НАЙДУТ
ТЕБЯ БЫСТРЕЕ.**

Я написал:

Кто они?

Сообщение доставилось.

Ответа не было.

На этот раз неизвестный исчез.

Лера уснула около двух.

Я не смог.

Сидел возле окна.

Смотрел на улицу.

И думал об одном слове.

Принадлежность.

Время принадлежит человеку.

Но его можно отдать.

Можно забрать.

Можно вернуть.

Значит, принадлежность меняется.

Как собственность.

Как деньги.

Как вещь.

От этой мысли становилось мерзко.

Я посмотрел на спящую Леру.

Двенадцать лет.

Двести двадцать шесть дней.

Если я действительно забрал у неё часть жизни без разрешения, вопрос был уже не в том, мог ли я это сделать.

Вопрос был в другом.

Зачем я это сделал?

И ещё хуже:

сколько раз я делал такое с другими?

Я отвернулся к окну.

В 03:20 из гостиницы вышел мужчина.

Лет сорока.

Дорогой костюм.

Без пальто.

Закурил.

Над ним:

03:014:22:10

Я машинально прочитал.

Три года.

Четырнадцать дней.

Двадцать два часа.

Он сел на лавку возле входа.

Через минуту появилась женщина.

Около тридцати.

Тёмная куртка.

Капюшон.

Над ней:

37:201:06:18

Она подошла к мужчине.

Они заговорили.

Я не слышал ни слова.

Мужчина оглянулся.

Женщина достала из сумки конверт.

Передала ему.

Он открыл.

Посмотрел внутрь.

Кивнул.

Потом она протянула руку.

Мужчина взял её.

В тот же момент я почувствовал давление.

Не боль.

Не страх.

Будто воздух в номере вдруг стал тяжелее.

Я выпрямился.

Счётчики обоих дрогнули.

Мужчина:

03:014:22:01

Женщина:

37:201:06:09

Обычный отсчёт.

Секунда за секундой.

И вдруг оба счётчика погасли.

Я встал.

— Что за...

Цифры вернулись.

Посмотрел на мужчину.

И сначала решил, что ошибся.

08:014:21:58

Восемь.

Не три.

Восемь лет.

Я резко перевёл взгляд на женщину.

32:201:06:06

Тридцать два.

Несколько секунд назад было тридцать семь.

Пять лет.

Я подошёл вплотную к стеклу.

— Нет...

Женщина отпустила его руку.

Пошатнулась.

Мужчина придержал её за локоть.

Она выпрямилась.

Счётчик продолжал идти:

32:201:05:58

А над мужчиной:

08:014:21:47

Пять лет не исчезли.

Они перешли.

От одного человека к другому.

Я смотрел на них и впервые видел это не во вспышке памяти.

Не на фотографии.

Не по чужому рассказу.

Прямо перед собой.

Перенос.

Слово возникло в голове само.

Я не знал, откуда его знаю.

Но знал, что оно правильное.

И тогда мужчина достал из кармана что-то маленькое.

Металл блеснул под фонарём.

Я прищурился.

Жетон.

Такой же формы, как мой.

Я почувствовал, как сердце ударило сильнее.

— Лера.

Она не проснулась.

— Лера!

Она резко села.

— Что?!

Я не отрывал взгляда от окна.

— Одевайся.

— Он здесь?

— Нет.

— Тогда что случилось?

Мужчина уже вставал с лавки.

— Мне нужно за ним.

— За кем?

Я показал на улицу.

— В костюме.

Лера подошла к окну.

— Вижу.

— Ему только что прибавилось пять лет.

Она посмотрела на меня.

Сон исчез с её лица мгновенно.

— Что?

— А женщине убавилось.

— Ты уверен?

— Я видел.

Я схватил куртку.

— Макс, стой.

— Некогда.

— Куда ты собрался?

— За ним.

— Нас несколько часов назад неизвестно кто выгнал из квартиры, потому что за тобой кто-то охотится.

— Знаю.

— А теперь ты решил ночью преследовать человека, который умеет забирать чужие годы?

Я остановился.

— Именно поэтому я должен узнать, кто он.

Лера несколько секунд смотрела на меня.

— Это худшая логика, которую я слышала за последние четыре года.

— Оставайся здесь.

Я открыл дверь.

За спиной послышалось:

— Даже не мечтай.

Обернулся.

Лера уже натягивала пальто.

— Ты куда?

— С тобой.

— Нет.

— Да.

— Лера.

— Макс, ты потерял память, а не талант попадать в неприятности. Одного я тебя не отпущу.

Спорить времени не было.

Мы выбежали из номера.

Мужчина был уже в конце улицы.

Мы вышли из гостиницы и остановились возле дверей.

— Где он? — спросила Лера.

Я показал.

— Вон.

Он шёл не спеша.

Будто человеку, которому только что прибавили пять лет, вообще больше некуда было торопиться.

Над его головой:

08:014:19:31

Я смотрел на цифры и всё ещё не мог привыкнуть.

Пять лет.

Несколько минут назад у него было три.

Теперь восемь.

Не обещание.

Не кредит.

Не запись в базе.

Настоящие пять лет.

Мы пошли следом.

Сначала быстро.

Потом я замедлился.

— Не приближайся.

— Я и не собиралась.

— Метров сорок.

— Почему сорок?

— Не знаю.

— Очень научный подход.

— Тридцать тебе больше нравится?

— После сегодняшнего мне вообще нравится расстояние

километров пять.

Мужчина свернул направо.

Мы за ним.

Я постоянно видел его счётчик между прохожими.

08:014:19:04

08:014:18:51

Он не исчезал.

Не возвращался к прежнему значению.

Передача закрепилась.

— Ты уверен, что женщина сделала это добровольно? —
спросила Лера.

— Похоже.

— Почему?

— Она сама протянула руку.

— Это ещё ничего не значит.

— Знаю.

— И был конверт.

— Да.

— Деньги?

— Не видел.

Лера несколько секунд молчала.

— Если деньги были там, получается, она продала ему
пять лет.

Я посмотрел на спину мужчины.

— Возможно.

Слово прозвучало спокойно.

Слишком спокойно для того, что означало.

Продала.

Пять лет собственной жизни.

Как машину.

Квартиру.

Украшение.

Только после продажи машины ты продолжаешь жить.

А здесь...

Я вспомнил её счётчик.

Тридцать семь.

Потом тридцать два.

Пять лет просто исчезли с одной стороны и появились с другой.

— Сколько бы ты заплатил? — неожиданно спросила Лера.

— За что?

— За год.

Я посмотрел на неё.

— Ты серьёзно?

— Мне интересно.

— Не знаю.

— А за десять?

— Лер.

— Если бы тебе сказали: отдай всё, что у тебя есть, и получишь ещё десять лет?

Я хотел ответить.

Не смог.

Потому что над моей головой не было десяти лет.

Не было даже секунды.

Только нули.

— Мне не у кого покупать, — сказал я.

Лера сразу поняла.

— Прости.

— Ничего.

Мужчина впереди снова свернул.

Мы ускорились.

Через квартал он подошёл к чёрному автомобилю.

Возле машины стоял другой человек.

Высокий.

Длинное пальто.

Руки в карманах.

Я остановился так резко, что Лера едва не врезалась в меня.

— Что?

— Подожди.

На секунду мне показалось, что это он.

Человек из больницы.

Без счётчика.

Но над головой незнакомца горели цифры:

19:044:03:17

Я выдохнул.

— Не он.

— Кто?

— Тот человек без времени.

— Ты думал, это он?

— Издалека похож.

Мы остановились возле витрины закрытого магазина.

Мужчина, за которым мы шли, что-то сказал второму.

Тот открыл заднюю дверь автомобиля.

— Что делаем? — прошептала Лера.

— Ждём.

— Чего?

— Не знаю.

— Конечно.

Мужчина собирался сесть.

И вдруг остановился.

Повернул голову.

Прямо в нашу сторону.

Я застыл.

Расстояние метров пятьдесят.

Темно.

Мы стояли возле неосвещённой витрины.

Он всё равно смотрел точно на меня.

— Макс...

— Вижу.

Мужчина не удивился.

Не испугался.

Не попытался отвернуться.

Наоборот.

Улыбнулся.

Медленно.

Так улыбаются человеку, которого ждали.

Потом поднял левую руку.

В пальцах что-то блеснуло.

Я сразу узнал форму.

Металлический жетон.

Точно такой же, как мой.

— Что это? — спросила Лера.

— Подожди.

Мужчина повернул жетон.

Свет фонаря скользнул по поверхности.

Я увидел гравировку.

05:000:00:00

У меня перехватило дыхание.

Пять лет.

Ровно столько, сколько несколько минут назад исчезло у женщины.

Мужчина подержал жетон ещё секунду.

Будто хотел убедиться, что я прочитал.

Потом убрал в карман.

Сел в машину.

— Стой!

Я рванул вперёд.

Рёбра прострелило болью.

— Макс!

Автомобиль тронулся.

Я успел увидеть номер.

Не весь.

Последние цифры.

Потом машина свернула на перекрёстке.

Исчезла.

Я остановился посреди тротуара.

Тяжело дышал.

Лера догнала.

— Ты совсем больной?

— Возможно.

— После аварии нельзя бегать!

— Уже понял.

— Что он показал?

Я смотрел туда, где исчез автомобиль.

— Жетон.

— Как у тебя?

Я достал свой.

Холодный металл.

Мои нули:

00:000:00:00

— Почти.

— Что было на его?

— Пять лет.

Лера нахмурилась.

— В смысле?

— На жетоне.

— Просто цифра пять?

— Нет.

Я показал свой.

— Такой же формат.

Она взяла жетон.

Посмотрела.

— И у него было пять лет?

— Да.

— Ровно столько, сколько забрали у женщины.

— Да.

Мы замолчали.

Лера первой произнесла:

— Может, это просто обозначение?

— Чего?

— Я не знаю. Суммы. Категории. Номера сделки.

Сделки.

Слово зацепилось.

Я снова вспомнил конверт.

Рукопожатие.

Пять исчезнувших лет.

Жетон.

05:000:00:00

— Нет, — сказал я.

— Почему?

— Потому что он хотел, чтобы я увидел.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

И снова.

Знание без воспоминания.

Я смотрел на собственный жетон.

00:000:00:00

И вдруг подумал:

если на его жетоне действительно находились пять лет...

Что тогда находилось на моём?

Ноль.

Пустой баланс?

Закрытый счёт?

Или долг?

Телефон завибрировал.

Мы оба посмотрели на экран.

Неизвестный номер.

Одно сообщение:

ТЕПЕРЬ ТЫ УВИДЕЛ РЫНОК.

Я быстро написал:

Кто был этот человек?

Сообщение доставилось.

Ответ:

ПОСРЕДНИК.

Я почувствовал странный холод.

То самое слово, которое будто уже существовало где-то
внутри меня.

Написал:

Он купил пять лет?

Ответ пришёл почти сразу.

НЕТ.

Я нахмурился.

Но они перешли к нему.

Три точки.

ВРЕМЕННО.

Я посмотрел на Леру.

— Что?

— Он не покупатель.

— А кто?

Я повернул телефон.

Она прочитала.

— Посредник...

Новое сообщение.

НЕ ИЩИ ЕГО.

Я написал:

Почему?

ПОТОМУ ЧТО ОН УЖЕ СООБЩИЛ О ТЕБЕ.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

Кому?

Ответа не было.

— Макс.

— Подожди.

Кому он сообщил?

Не доставлено.

— Опять исчез, — сказал я.

Лера оглянулась.

— Тогда нам нужно уходить.

Я не двигался.

Смотрел на место, где стояла машина.

— Макс.

— Он меня узнал.

— Именно поэтому нужно уходить.

— Нет. Ты не понимаешь.

— По-моему, как раз понимаю.

Я повернулся к ней.

— Он не удивился.

— **И?**

— Я почему-то был уверен, что должен был погибнуть.

Антон ещё не сказал мне этого.

Аркадий ещё не появился.

Я пока не знал, насколько буквальной окажется эта фраза.

Но уже чувствовал:

человек в машине видел меня раньше.

И ожидал увидеть снова.

— Он знал, кто я, — сказал я.

Лера побледнела.

— Тогда тем более уходим.

Она взяла меня за руку.

Я посмотрел на её счётчик.

12:226:04:19

Потом на собственный жетон.

00:000:00:00

Две совершенно разные цифры.

Но впервые мне показалось, что они являются частью одного и того же механизма.

Я убрал жетон в карман.

Мы пошли обратно к гостинице.

Я думал о женщине.

О пяти годах.

О конверте.

О посреднике.

О жетонах.

И о человеке, который неизвестно кому уже сообщил, что Максим Воронцов жив.

До этой ночи я думал, что время можно только потерять.

Потом узнал, что его можно передать.

Теперь понял ещё кое-что.

Время не просто передавали.

Им торговали.

И судя по тому, как спокойно всё произошло возле обычной гостиницы посреди обычного города, торговали им давно.

Очень давно.

А самое страшное было даже не это.

Когда мужчина показал мне жетон, я понял его смысл сразу.

Без объяснений.

Без подсказок.

Так, будто когда-то сам держал в руках сотни таких.

И именно этого я испугался больше всего.

Глава 9. Конверт

Мы вернулись к гостинице через двадцать минут.

Женщины возле входа уже не было.

Я остановился там, где совсем недавно она стояла напротив мужчины в костюме.

Пустой тротуар.

Лавка.

Фонарь.

Несколько припаркованных машин.

Обычное место.

Если бы я не видел всё собственными глазами, никогда бы не подумал, что здесь несколько минут назад один человек передал другому пять лет.

Пять лет.

Я всё ещё не мог привыкнуть к этой мысли.

Не пять тысяч.

Не пять миллионов.

Пять лет жизни.

Хотя теперь я уже понимал: слово «жизни» здесь не совсем правильное.

Времени.

Принадлежащего человеку времени.

— Она ушла, — сказала Лера.

— Вижу.

— Тогда пойдём внутрь.

Я не двинулся.

Перед глазами снова возник мужчина.

До рукопожатия:

03:014:22:10

После:

08:014:21:58

И женщина.

37:201:06:18

Потом:

32:201:06:06

Пять лет перешли от одного человека к другому за несколько секунд.

Без аппаратов.

Без проводов.

Без врачей.

Просто прикосновение.

И конверт.

Я посмотрел на вход гостиницы.

Над дверью висела маленькая чёрная полусфера.

Камера.

— Макс.

— Что?

— У тебя сейчас опять это выражение лица.

— Какое?

— После которого ты обычно делаешь что-нибудь очень

плохое.

Я посмотрел на неё.

— Обычно?

Лера поняла, что сказала.

— Раньше.

— Например?

— Не сейчас.

— Конечно.

Она вздохнула.

— Что ты придумал?

Я показал на камеру.

— Хочу посмотреть запись.

Лера подняла голову.

— Зачем?

— Конверт.

— Что с ним?

— Я видел передачу времени. Но не видел нормально, что было внутри.

— Деньги.

— Возможно.

— Макс, мужчина открыл конверт и что-то пересчитывал.

— Именно.

Она несколько секунд смотрела на меня.

Потом поняла.

— Если женщина продала ему пять лет...

— Деньги должен был передать он.

— А конверт дала она.

— Да.

Мы одновременно посмотрели на камеру.

Лера тихо произнесла:

— Значит, мы неправильно поняли сделку.

Я кивнул.

Это беспокоило меня больше всего.

Потому что мужчина с жетоном уже получил пять лет.

Но, возможно, вовсе не покупал их.

Я достал телефон.

Последнее сообщение неизвестного всё ещё было на экране.

ПОСРЕДНИК.

Вот что он написал.

Не покупатель.

Посредник.

Я почему-то сразу понял это слово.

Но теперь впервые задумался, что именно оно означает.

Если время только временно оказалось у мужчины...

значит, оно предназначалось кому-то ещё.

— Камеры, — повторил я.

— Ты собираешься попросить администратора показать запись?

— Да.

— И он, конечно, сразу согласится.

— Посмотрим.

— Что ты ему скажешь?

— Правду.

Лера посмотрела на меня.

— Какую именно часть правды?

Я задумался.

— Про потерянную вещь.

— Какую?

— Пока не решил.

— Убедительно.

Мы вошли в гостиницу.

Администратор был тот же.

Сонный.

Только теперь к сонливости добавилось раздражение.

Он поднял глаза.

— Что-то случилось?

— Мне нужна запись с камеры у входа.

Он моргнул.

— Нет.

— Вы даже не спросили зачем.

— Потому что независимо от ответа — нет.

— Мне нужно минут двадцать.

— А мне нужно закончить смену.

Я положил на стойку несколько купюр.

Он посмотрел сначала на деньги.

Потом на меня.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Уберите.

Я добавил ещё одну.

Лера тихо сказала:

— Макс.

— Что?

— Ты сейчас выглядишь как человек, который пытается подкупить администратора гостиницы.

— Потому что я пытаюсь подкупить администратора гостиницы.

— Я заметила.

Администратор вздохнул.

— Что вы там хотите увидеть?

— Женщину.

— Очень оригинально.

— Тёмная куртка. Капюшон. Стояла возле входа примерно полчаса назад.

— **И?**

— Она потеряла вещь.

— Какую?

Я посмотрел на Леру.

Она едва заметно покачала головой.

— Кольцо.

Теперь уже администратор посмотрел на Леру.

Потом на меня.

— Дорогое?

— Очень.

— Полиция?

— Пока нет.

Он снова посмотрел на деньги.

Несколько секунд думал.

Потом сгреб купюры со стойки.

— Пять минут.

Я улыбнулся.

— Семь.

— Пять.

— Договорились.

Он вышел из-за стойки.

Лера наклонилась ко мне.

— Кольцо?

— Первое, что пришло в голову.

— У меня даже кольца нет.

Я машинально посмотрел на её руку.

И замер.

На пальце было простое серебряное кольцо.

То самое, которое я уже видел у неё дома.

Лера проследила за моим взглядом.

— Это не то кольцо.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

На мгновение внутри что-то неприятно шевельнулось.

Кольцо.

Фотография.

Чёрный след на её запястье.

Моя надпись:

11 лет 364 дня.

Мне вдруг показалось, что я уже видел это кольцо раньше.

Не месяц назад.

Намного раньше.

В другом месте.

На другой руке.

Образ почти появился.

И исчез.

— Эй, — позвал администратор. — Вы идёте?

Я моргнул.

— Да.

И пошёл за ним.

Но теперь меня интересовал уже не только конверт.

Почему-то я был уверен:

кольцо Леры тоже было связано с тем, что я забыл.

Администратор провёл нас в маленькую комнату за стойкой.

Четыре монитора.

Парковка.

Вход.

Холл.

Лестница.

На столе стояла кружка с давно остывшим кофе, рядом лежала раскрытая пачка печенья.

— Время? — спросил администратор.

Я посмотрел на телефон.

— Примерно три двадцать.

— Примерно?

— Плюс-минус десять минут.

Он сел за компьютер.

— Очень помогает.

Несколько щелчков мышью.

Изображение на одном из мониторов ускорилося.

Люди входили в гостиницу и выходили из неё.

Машины появлялись на парковке и исчезали.

— Стоп.

Администратор остановил запись.

Женщина.

Тёмная куртка.

Капюшон.

Она вышла из гостиницы и остановилась возле стены.

Я наклонился ближе.

— Это она.

— Где кольцо? — спросил администратор.

— Ещё не потеряла.

Лера кашлянула.

Я сделал вид, что не заметил.

— Дальше.

Запись пошла.

Через минуту из гостиницы вышел мужчина в костюме.

Тот самый.

Никаких счётчиков над головами.

Камера их не видела.

Я уже знал это, но всё равно каждый раз испытывал странное чувство.

Словно на записи люди были неполными.

Женщина что-то сказала.

Мужчина ответил.

Звука не было.

Потом она достала конверт.

Передала ему.

— Стоп.

Администратор остановил.

— Увеличьте.

— Здесь не кино.

— Насколько можно.

Он приблизил изображение.

Качество сразу стало хуже.

Но этого хватило.

Мужчина открыл конверт.

Внутри лежали купюры.

Много.

Он достал часть.

Пересчитал.

Вернул обратно.

— Деньги, — сказала Лера.

— Вижу.

— Значит, она действительно заплатила.

Я ничего не ответил.

Это меня и беспокоило.

Если женщина отдала время и деньги, то что получила взамен?

— Дальше.

Мужчина закрыл конверт.

Убрал его во внутренний карман пиджака.

Потом что-то сказал.

Женщина кивнула.

Протянула руку.

— Сейчас.

Они соприкоснулись.

На записи ничего необычного не произошло.

Никакой вспышки.

Никакого изменения изображения.

Просто мужчина и женщина несколько секунд стояли, держась за руки.

Но я помнил, что видел в этот момент.

03:014...

08:014...

Пять лет.

У него.

Минус пять.

У неё.

Женщина вдруг пошатнулась.

Мужчина подхватил её за локоть.

— Стоп.

Кадр замер.

Лера подошла ближе.

— Что?

Я показал на руку мужчины.

— Посмотри.

— На что?

— Запястье женщины.

Он держал её чуть выше кисти.

На коже виднелось тёмное пятно.

Небольшое.

Почти незаметное при таком качестве.

Но я его узнал.

У меня пересохло во рту.

— Макс?

Я посмотрел на Леру.

Потом на её руку.

То же место.

И фотография снова возникла перед глазами.

Спящая Лера.

Моя рука на её запястье.

Чёрный след.

— У неё такой же.

Лера сразу поняла.

— Как у меня?

Я кивнул.

Она машинально потёрла запястье.

— Значит, это появляется после Переноса.

— Возможно.

— Ты говорил, что не знаешь, откуда у меня был след.

— Я и сейчас не знаю.

— Но теперь хотя бы понятно, что он означает.

Я снова посмотрел на экран.

Нет.

Не совсем понятно.

Потому что после моего прикосновения к Антону в ресторане этого ещё не произошло.

Антон я пока даже не встретил.

Но я уже видел похожий след у Леры.

И теперь — у женщины.

Значит, это было частью механизма.

Какой именно — я не помнил.

— Дальше.

Запись продолжилась.

Женщина опёрлась ладонью о стену.

Несколько секунд стояла, тяжело дыша.

Мужчина что-то спросил.

Она отрицательно покачала головой.

Потом выпрямилась.

Он достал телефон.

Показал ей экран.

Она посмотрела.

Кивнула.

— Стоп.

Я почти ткнул пальцем в монитор.

Администратор раздражённо остановил запись.

— Что теперь?

— Телефон.

— **И?**

— Можно увеличить?

Он увеличил.

Экран телефона превратился в несколько десятков размы-
тых пикселей.

— Ещё?

— Больше нельзя.

Я всматривался.

Ничего.

Лера тоже.

— Там что-то светлое, — сказала она.

— Спасибо, эксперт.

— Сам посмотри.

На экране действительно была почти полностью белая
страница.

В центре — тёмная горизонтальная полоса.

И ниже несколько строк.

Я вдруг почувствовал знакомое давление внутри головы.

Как будто ответ находился совсем рядом.

Документ.

Нет.

Подтверждение.

Нет.

Счёт.

Слово возникло само.

Я замер.

— Что? — спросила Лера.

— Счёт.

— Какой счёт?

— Не знаю.

— Тогда почему сказал?

Я смотрел на телефон в руках мужчины.

— Потому что это был счёт.

— Банковский?

— Нет.

Ответ вылетел мгновенно.

Лера нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

Опять.

Это начинало раздражать.

Знания всплывали быстрее воспоминаний.

Словно память была заперта, но кто-то оставил щель под дверью и время от времени просовывал через неё отдельные слова.

— Можно дальше? — спросил администратор.

— Да.

Женщина ушла.

Мы проследили её по второй камере.

Она пересекла парковку.

Остановилась возле дороги.

Достала телефон.

Кому-то позвонила.

Потом пошла налево.

Через несколько секунд исчезла из кадра.

— Всё, — сказал администратор.

— Подождите.

— Пять минут закончились минуты три назад.

Я достал ещё купюру.

Он посмотрел.

— Вы очень странно ищете кольцо.

— Оно дорогое.

— Насколько?

— Судя по расходам — всё дороже.

Лера отвернулась, скрывая улыбку.

Я указал на женщину.

— Она вышла из гостиницы до встречи с мужчиной.

— И?

— Значит, была постояльцем или посетителем.

Администратор посмотрел на меня.

— Нет.

— Что «нет»?

— Я не дам вам данные гостей.

— Я ещё не попросил.

— Но собирались.

Он встал.

— Запись посмотрели. Кольца нет. Всё.

— Вы её раньше видели?

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— А мужчину?

Он уже собирался открыть дверь.

Остановился.

Совсем ненадолго.

Но я заметил.

— Видели.

— Я этого не говорил.

— Лицо у вас сказало.

— Моё лицо хочет домой.

— Он останавливался здесь?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

Администратор посмотрел на меня.

Потом на Леру.

— Слушайте, я не знаю, во что вы влезли...

Это была первая полезная фраза.

— Продолжайте.

— Не хочу.

— Но начали.

Он вздохнул.

— Этот человек уже приезжал.

— Когда?

— Несколько раз.

— К кому?

— Не знаю.

— Вы только что сказали, что...

— Он не снимал номер.

— Тогда зачем приезжал?

Администратор помолчал.

— Встречался с людьми.

Я почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Такими же, как эта женщина?

— В смысле?

— Выходили. Разговаривали. Передавали конверты.

Он смотрел на меня.

Этого хватило.

— Сколько раз?

— Не считал.

— Примерно.

— Может, четыре. Может, пять.

— За какой период?

— Последние месяца два.

Лера подошла ближе.

— И всегда ночью?

— Нет.

— Мужчины? Женщины?

— Разные.

— Они отдавали ему деньги?

Администратор нахмурился.

— Я не слежу за гостями.

— Но что-то заметили.

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Один раз была пожилая женщина.

— **И?**

— После встречи ей стало плохо.

Я посмотрел на Леру.

— Насколько плохо?

— Упала возле входа.

— Скорая?

— Вызывали.

— Что с ней?

— Не знаю. Увезли.

— Имя?

— Нет.

— Запись сохранилась?

— Нет.

— Почему?

— У нас архив две недели.

Я посмотрел на монитор.

Мужчина в костюме стоял на замершем кадре.

Обычный человек.

Если не знать, что произошло, — просто ночная встреча
возле гостиницы.

— А машина? — спросил я.

— Какая?

— На которой он уехал.

Администратор снова сел.

— Это уже последнее.

— Конечно.

Он переключил камеру парковки.

Перемотал вперёд.

Вот мы с Лерой выходим из гостиницы.

Потом исчезаем из кадра.

Через несколько минут появляется мужчина.

Идёт по улице.

Мы где-то следом, за пределами обзора.

Другая камера.

Перекрёсток.

Чёрный седан.

Второй человек открывает заднюю дверь.

Мужчина с пятью годами останавливается.

Поворачивается.

И смотрит прямо туда, где стоял я.

Даже на записи это выглядело неправильно.

Он действительно знал, что я иду за ним.

Потом поднял руку.

Жетон камеры почти не различали.

Только металлический отблеск.

Он сел.

Машина тронулась.

— Стоп.

Администратор остановил.

— Номер.

— Видно плохо.

— Попробуйте.

Увеличение.

Несколько символов читались.

Остальные расплывались.

Я достал телефон.

Сфотографировал экран.

— Всё?

— Почти.

Я указал на второго мужчину.

Того, который открыл дверь автомобиля.

— Его можно увеличить?

Администратор приблизил.

Лицо.

Пальто.

Рука на дверце.

Я сразу посмотрел над его головой.

Глупо.

На записи счётчика, конечно, не было.

Зато на воротнике что-то блеснуло.

Маленький серебристый значок.

— Ещё.

— Уже предел.

Я приблизился к экрану.

Знак напоминал букву «А».

Или треугольник.

— Знаешь его? — спросила Лера.

— Нет.

И тут снова появилось это чувство.

Не воспоминание.

Узнавание.

Я уже видел этот знак.

Где-то.

Когда-то.

Много раз.

— Макс?

— Сфотографируй.

— Зачем?

— Просто сфотографируй.

Она сделала снимок.

Администратор открыл дверь.

— Теперь точно всё.

Мы вышли обратно в холл.

Возле лифта Лера остановилась.

— Итак.

— Что?

— Женщина отдала деньги.

— Да.

— Женщина отдала пять лет.

— Да.

— Мужчина получил и то и другое.

— Временно получил время.

— Если верить твоему таинственному другу.

— Я ему не верю.

— Но пользуешься его информацией.

— Пока она совпадает с тем, что вижу.

Лера задумалась.

— Значит, женщина не продавала время.

— Похоже.

— Она платила за Перенос.

Слово прозвучало совершенно естественно.

Я посмотрел на неё.

— Что?

— Ты сам так называл.

— Когда?

— Раньше.

Я остановился.

— Я говорил тебе слово «Перенос»?

Лера поняла, что снова сказала лишнее.

— Несколько раз.

— Почему раньше не сказала?

— Потому что ты просил не помогать тебе вспоминать.

— Ты очень избирательно выполняешь мои просьбы.

— Стараюсь.

— Что ещё я рассказывал?

— Почти ничего.

— Лера.

— Правда. Ты мог сказать: «Был Перенос». Или: «После Переноса нельзя касаться человека». Но что это означает — не объяснял.

Я замер.

— Что ты сейчас сказала?

— Что?

— Повтори.

Она нахмурилась.

— После Переноса нельзя касаться человека.

Внутри что-то неприятно щёлкнуло.

— Кому нельзя?

— Не знаю.

— Сколько времени?

— Не знаю.

— Почему?

— Макс, ты никогда не рассказывал правила!

Я вспомнил женщину.

Тёмный след на запястье.

Потом Леру.

Фотографию.

Мою руку.

Чёрный ожог.

И неизвестного, который несколько часов назад написал:

НЕ ПЫТАЙСЯ СЕГОДНЯ НИЧЕГО ВЕРНУТЬ ЛЕ-

РЕ.

Я посмотрел на её руку.

— Возможно, я знаю, почему у тебя появился след.

Лера тоже посмотрела на запястье.

— После того, как ты забрал время?

— Нет.

— Тогда?

— Возможно, после того, как попытался вернуть.

Она медленно подняла глаза.

— Ты говорил, что мне уже что-то вернулось.

— Около восьми месяцев.

— Значит...

— Возможно, фотография была сделана именно тогда.

Мы молчали.

Если я прав, становилось понятно ещё кое-что.

В ту ночь я не просто забрал у Леры время.

Позже я попытался исправить сделанное.

Но вернул не всё.

И по какой-то причине после этого оставил себе фотографию с точным остатком её времени.

11 лет 364 дня.

Не память.

Не фотографию девушки.

Запись баланса.

Как бухгалтер.

От этой мысли стало мерзко.

Лера первой нарушила молчание:

— Макс.

— Что?

— Что если женщина возле гостиницы тоже не продавала свои пять лет?

Я посмотрел на неё.

— А передавала кому-то.

— Да.

— Добровольно.

— И заплатила посреднику за то, чтобы он их доставил.

Я медленно кивнул.

Вот оно.

Конверт.

Он был не оплатой за годы.

Он был оплатой за услугу.

А пять лет предназначались кому-то другому.

— Значит, посредник должен сделать ещё один Перенос.

— Если мы правы.

Я достал телефон.

Открыл фотографию чёрного седана.

Номер был плохо различим.

Но различим достаточно.

Потом фотографию мужчины возле машины.

Серебряный значок на воротнике.

— Тогда найдём его.

Лера посмотрела на меня.

— Кого?

— Второго мужчину.

— Зачем?

— Потому что через него найдём посредника.

— А через посредника?

Я посмотрел на экран.

На маленький серебряный знак.

— Узнаем, кому предназначались пять лет.

И впервые после аварии я почувствовал не страх.

Не растерянность.

Не ощущение, что кто-то ведёт меня по заранее проложенному маршруту.

Что-то другое.

Азарт.

Почти профессиональный.

И это испугало меня сильнее.

Потому что я слишком хорошо знал, что делать дальше.
Хотя совершенно не помнил, где этому научился.

В номере я первым делом открыл фотографию серебряного значка.

Изображение было плохим.

Мужчина стоял вполоборота, свет падал сбоку, а сам значок занимал на экране несколько десятков пикселей.

Я увеличил.

Получилось ещё хуже.

— Это буква «А», — сказала Лера.

— Возможно.

— А что ещё?

— Треугольник.

— Очень сужает поиск.

Я проигнорировал.

Открыл поиск по изображению.

Ничего полезного.

Ювелирные магазины.

Логотипы строительных компаний.

Какой-то автосервис.

Отель.

Бренд мужской одежды.

Я пролистывал результаты.

— Может, это вообще не логотип, — сказала Лера.

— Тогда что?

— Значок сотрудника. Награда. Членство в клубе.

— Или просто украшение.

— Именно.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Я снова увеличил фотографию.

Серебристый треугольник.

Внутри будто проходила тонкая линия.

Что-то в нём продолжало цеплять.

Не память.

Скорее ощущение, что ответ очень простой.

Я видел такие значки.

Не один.

Много.

Люди в одинаковой форме.

Тёмный зал.

Стол.

Свет.

Бокалы.

Образ исчез.

Я замер.

— Что? — сразу спросила Лера.

— Ресторан.

— Что ресторан?

— Это ресторан.

— Ты вспомнил?

— Не совсем.

Я изменил запрос.

Через несколько минут на экране появился похожий знак.

Треугольная буква «А».

Тонкая линия внутри.

Я открыл сайт.

Фотографии дорогого ресторана.

Тёмное дерево.

Высокие окна.

Белые скатерти.

Название:

«Атриум».

Логотип совпадал.

— Нашёл.

Лера придвинулась.

— Уверен?

Я положил рядом фотографию мужчины.

На воротнике тот же знак.

— Похоже.

Мы открыли раздел с фотографиями.

Интерьер.

Блюда.

Винная карта.

Шеф-повар.

Потом фотография персонала.

Я увеличил.

Третий справа.
Тот самый мужчина.
— Вот.

Лера прочитала подпись:
— Антон Грачёв. Управляющий.
Я записал имя.
Антон Грачёв.

И вдруг оно показалось знакомым.
Не так, как имя Леры.
Не как Аркадий.
Слабее.

Но знакомым.
— Ты его знаешь? — спросила Лера.
— Возможно.
— Очень полезно.
— Я видел его раньше.
— До этой ночи?
— Кажется.
— Где?

Я попытался вытянуть воспоминание.
Ничего.
Только ощущение большого помещения.
Музыка.
Люди.
И Антон.
Моложе.

Он что-то передаёт мне через стол.

Металл.

Вспышка исчезла.

— Не получается.

— Может, не нужно давить.

— Все постоянно говорят мне, чего не нужно делать.

— Возможно, иногда они правы.

Я посмотрел на неё.

— Ты сейчас защищаешь Аркадия?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

Я заметил.

Но спрашивать не стал.

Пока.

Открыл страницу ресторана.

— Работает с двенадцати.

— **И?**

— Поедем туда.

Лера посмотрела на время.

— Сейчас почти пять утра.

— Поэтому поспим несколько часов.

— Это первое разумное решение за ночь.

— Запиши дату.

— Обязательно.

Она легла.

Я выключил свет.

Но сам ещё долго смотрел на фотографию Антона.

Мне не давало покоя одно.

Если он просто управляющий ресторана, зачем ночью открывал дверь машины человеку, который только что получил чужие пять лет?

И почему я был почти уверен, что уже встречал его?

Проснулся я от голоса Леры.

— Макс.

Я открыл глаза.

— Что?

— У нас проблема.

Я мгновенно сел.

— Какая?

Она стояла возле окна.

— Машина.

— Что машина?

— Внизу.

Я подошёл.

Через дорогу стоял чёрный седан.

Похожий на ночной.

Очень похожий.

— Номер?

— Не вижу.

Я достал телефон.

Открыл фотографию.

Сравнил форму фар.

Диски.

Хромированную полосу вдоль окон.

— Может быть он.

— Стоит уже минут десять.

— Кто-нибудь выходил?

— Нет.

Я посмотрел на лобовое стекло.

Из-за отражения не было видно, сидит ли кто-то внутри.

Над машиной, разумеется, никаких счётчиков.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже.

Телефон молчал.

Неизвестный не предупреждал.

И почему-то именно это беспокоило.

— Через главный вход не пойдём.

— А как?

— Есть второй выход.

— Откуда знаешь?

Я показал на план эвакуации возле двери.

— Иногда я умею пользоваться обычной информацией.

— Уже достижение.

Мы спустились по лестнице.

Службная дверь вывела во двор с другой стороны здания.

Никто нас не остановил.

Через несколько минут мы уже шли к большой улице.

Я несколько раз оглядывался.

Чёрной машины не было.

— Такси? — спросила Лера.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Очень веская причина.

— Хорошо. Потому что если нас действительно отслеживают, не хочу оставлять маршрут в приложении.

Лера посмотрела на меня.

— Вот это сейчас сказал старый Макс.

Я остановился.

— Что?

Она поняла, что снова проговорилась.

— Ничего.

— Нет. Повтори.

— Ты раньше тоже так думал.

— Как?

— Постоянно искал, где остаются следы.

— За тобой следили?

— Ты так считал.

— Кто?

— Не знаю.

— Аркадий?

Она отвернулась.

— Иногда.

— А ещё?

— Макс, мы договорились не вытаскивать всё сразу.

— Я ни о чём с собой прежним не договаривался.

— Зато я договаривалась.

Я хотел продолжить.

Но передумал.

Сейчас важнее был Антон.

К «Атриуму» мы подошли около часа дня.

Здание находилось в центре.

Стекло.

Камень.

Тёмная вывеска.

Тот самый серебристый знак возле входа.

Теперь сомнений не осталось.

— Что будем делать? — спросила Лера.

— Я зайду.

— А я?

— Останешься здесь.

— Почему?

— Потому что если Антон действительно связан с Переносами, не хочу показывать ему тебя.

— Он мог видеть нас ночью.

— Мог.

— Тогда смысл?

— Не знаю.

Она скрестила руки.

— Отличный план номер два.

— Лер.

— Что?

— Пожалуйста.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Ты боишься за меня?

Я хотел автоматически ответить что-нибудь колкое.

Не получилось.

— Да.

Она немного смягчилась.

— Хорошо.

Я показал на кафе через дорогу.

— Подожди там.

— И если через сколько тебя нет?

— Десять минут.

— Пять.

— Десять.

— Семь.

— Хорошо.

— И если что-то происходит, ты не геройствуешь.

— Конечно.

— Макс.

— Постараюсь.

— Вот поэтому мне и страшно.

Она ушла через дорогу.

Я подождал, пока она сядет возле окна.

Потом вошёл.

Внутри всё совпало с тем коротким образом, который возник ночью.

Тёмное дерево.

Высокие окна.

Мягкий свет.

Белые скатерти.

Даже запах показался знакомым.

Не еды.

Парфюма.

Дорогого алкоголя.

Полированного дерева.

Я уже был здесь.

Уверенность появилась мгновенно.

— Добрый день.

Ко мне подошла девушка.

Над её головой:

47:083:16:22

— У вас бронь?

— Я к Антону Грачёву.

— По какому вопросу?

— Личному.

— Он вас ожидает?

— Нет.

Она профессионально улыбнулась.

— Тогда я уточню, сможет ли Антон Викторович к вам выйти.

— Спасибо.

Я остался возле входа.

Счётчики вокруг мешали сосредоточиться.

Официант.

31:177:03:09

Мужчина за столом.

09:041:20:14

Женщина напротив.

52:208:11:37

Я заставил себя не смотреть.

Через минуту появился Антон.

Тот самый.

Над головой:

19:042:21:08

Он подошёл.

Вежливое лицо.

Спокойное.

— Добрый день.

— Антон Грачёв?

— Да.

— Нам нужно поговорить.

— Мы знакомы?

Я посмотрел на него.

Ожидал вспышки памяти.

Ничего.

— Возможно.

Его брови чуть поднялись.

— Простите?

Я достал телефон.

Открыл кадр с парковки гостиницы.

Показал.

Лицо Антона не изменилось.

Вообще.

Но его взгляд задержался на экране на долю секунды дольше, чем нужно.

— Где вы это взяли?

— Значит, узнаете.

— Я спросил, где вы это взяли.

— Камера гостиницы.

— И зачем показываете мне?

— Мне нужен человек, которому вы открывали машину.

— Не понимаю, о ком вы.

— Пять лет.

Антон замер.

Совсем чуть-чуть.

Но я увидел.

И ещё кое-что.

Его счётчик:

19:042:20:41

На мгновение дрогнул.

Не изменился.

Просто словно потерял резкость.

— Что вы сказали? — спросил он.

— Пять лет.

— Я вас не понимаю.

— Понимаете.

— Боюсь, нет.

Он вернул мне телефон.

— Если это всё...

— Женщина заплатила за Перенос.

Я не собирался произносить это слово.

Оно просто вышло.

Антон побледнел.

Вот теперь заметно.

И я понял:

попал.

— Кто вы? — спросил он.

Голос изменился.

Тише.

— Максим Воронцов.

Реакция оказалась мгновенной.

Антон отступил.

Один шаг.

Счётчик над ним снова дрогнул.

— Что?

— Максим Воронцов.

Он смотрел на меня так, будто перед ним стоял покойник.

— Нет.

— Что «нет»?

— Это невозможно.

— Последнюю неделю слышу довольно часто.

Антон оглянулся на зал.

Потом снова на меня.

— Уходите.

— Сначала ответьте на несколько вопросов.

— Уходите сейчас.

— Кто был тот человек?

— Я не знаю.

— Врёте.

— Мне всё равно, что вы думаете.

Он хотел пройти мимо.

Я загородил дорогу.

— Кому предназначались пять лет?

Антон резко посмотрел на меня.

— Вы не понимаете, во что лезете.

— Именно поэтому спрашиваю.

— Вы должны быть мертвы.

Фраза прозвучала тихо.

Но я услышал каждое слово.

Что-то внутри провалилось.

— Что?

Антон понял, что сказал лишнее.

— Ничего.

— Повторите.

— Уходите.

— Почему я должен быть мёртв?

Он молчал.

Я сделал шаг ближе.

— Кто вам сказал, что я умер?

— Я ничего не говорил.

— Только что сказали.

— Ошибся.

— Вы знали меня раньше?

Антон посмотрел мне в глаза.

И я увидел ответ.

Да.

— Откуда?

— Воронцов...

— Откуда вы меня знаете?

Он понизил голос:

— Если вы действительно ничего не помните, это единственная причина, по которой вы ещё можете отсюда уйти.

— А если вспомню?

— Тогда вам лучше бежать быстрее.

— От кого?

Антон усмехнулся.

Без веселья.

— От всех.

Я почувствовал, как телефон завибрировал в кармане.

Не доставал.

Не сейчас.

— Что такое рынок?

У Антона дёрнулась щека.

— Какой рынок?

— Тот, где торгуют временем.

— Тише.

Первое прямое подтверждение.

Я наклонился ближе.

— Кто управляет им?

— Никто.

— Кто проводит Переносы?

— Вы прекрасно знаете.

— Представьте, что нет.

Он смотрел на меня.

Внимательно.

Будто пытался понять, играю я или действительно потерял память.

— Это проверка?

— Нет.

— Кто вас прислал?

— Никто.

— Левин?

Имя ударило мгновенно.

Аркадий.

— Где он?

Антон выругался.

Очень тихо.

— Вы с ума сошли.

— Где Аркадий?

— Я вас не видел.

Он развернулся.

— А я видел вас.

Антон остановился.

— В ту ночь вы открыли дверь машины человеку, который получил пять лет.

— Не ваше дело.

— Он посредник.

— Кому предназначалось время?

— Уходите.

— Женщина заплатила за передачу.

— Уходите.

— Кому?

Он повернулся.

— Вы всегда были таким?

Я замер.

— Каким?

Антон понял ошибку.

Слишком поздно.

— Значит, вы меня знали.

— Я знаю имя.

— Этого недостаточно, чтобы сказать «всегда».

Он молчал.

— Что я здесь делал раньше?

— Ничего.

— Врёте.

— Воронцов...

— Я был в этом ресторане.

На его лице впервые появилось настоящее беспокойство.

— Вы вспомнили?

Вот теперь я улыбнулся.

— Значит, был.

— Чёрт.

— Что происходило здесь?

— Не здесь.

— Тогда где?

— Нигде.

— Очень содержательно.

Он посмотрел на часы.

Потом на вход.

Словно кого-то ждал.

Или боялся, что кто-то появится.

— Последний вопрос, — сказал я.

— Нет.

— Кто заплатил за мою смерть?

Антон застыл.

Я сам не знал, почему сформулировал именно так.

Он сказал только, что я должен быть мёртв.

Но вопрос возник внутри уже готовым.

И реакция Антона подтвердила:

он был правильным.

— Откуда вы...

Он замолчал.

— Значит, заплатили.

Антон побледнел.

— Я этого не говорил.

— Кто?

— Уходите.

— Кто заплатил?

Он сделал шаг ко мне.

— Послушайте внимательно. Если вы действительно Максим Воронцов и действительно не помните последних месяцев, воспользуйтесь этим.

— Как?

— Исчезните.

— Почему?

— Потому что ваш счёт закрыт.

Слово.

Счёт.

То самое, которое появилось у меня при просмотре телефона женщины.

Внутри что-то щёлкнуло.

— Что значит «закрыт»?

Антон посмотрел на меня.

— Вы прекрасно знаете.

— Уже нет.

Несколько секунд он молчал.

А потом произнёс:

— За вашу смерть уже заплатили.

У меня похолодели пальцы.

— Кто?

Антон ничего не ответил.

— Кто заплатил?

Он отвернулся.

Я схватил его за запястье.

И сразу понял, что совершил ошибку.

Мир вспыхнул белым.

На этот раз я не увидел комнату сразу.

Сначала был звук.

Металл.

Много металла.

Тихий звон, будто кто-то перебирал горсть монет.

Потом появилась картинка.

Стол.

Длинный, чёрный.

На нём лежали десятки металлических жетонов.

Таких же, как мой.

Я видел цифры.

00:030:00:00

Рядом:

01:000:00:00

Ещё один:

00:180:00:00

И дальше:

05:000:00:00

Пять лет.

Тот самый жетон.

Или такой же.

Чьи-то руки в чёрных перчатках перекладывали жетоны в небольшие коробки.

По одному.

Аккуратно.

Будто это были не годы человеческой жизни, а банковские карты.

— Воронцов больше не работает.

Голос доносился откуда-то справа.

Я попытался повернуть голову.

Не смог.

Я не управлял воспоминанием.

Только смотрел глазами того, кому оно принадлежало.

Антон.

— Он слишком много знает, — сказал другой голос.

Первый ответил:

— Он всегда слишком много знал.

— Тогда зачем его вообще допустили?

— Потому что он был лучшим.

Руки продолжали складывать жетоны.

Один.

Второй.

Третий.

— Что делать с его клиентами?

— Передать другим посредникам.

— А незакрытые операции?

— Закрыть.

— Там большие остатки.

— Вернуть владельцам.

— Всем?

Руки остановились.

— Всем, кого сможете определить.

— А остальные?

Пауза.

— В резерв.

У меня внутри всё сжалось.

Резерв.

Не деньги.

Не документы.

Человеческое время.

Голос снова спросил:

— А если Воронцов объявится?

Ответ прозвучал спокойно:

— Не объявится.

— Вы уверены?

— За его смерть уже заплатили.

Картинка дрогнула.

Сменилась.

Теперь Антон стоял в другой комнате.

Небольшой кабинет.

Закрытые жалюзи.

Перед ним мужчина.

Я видел только спину.

Тёмный костюм.

Седые волосы.

На столе лежал один жетон.

Мой.

Я узнал букву «В» на обратной стороне ещё до того, как мужчина перевернул его.

На лицевой стороне:

00:000:00:00

— Что делать с остатком? — спросил Антон.

— Каким остатком?

— Тем, что не успели вернуть.

Мужчина некоторое время молчал.

— Владельцам.

— А если владельцев уже нет?

— Тогда в резерв.

Антон не уходил.

Мужчина заметил.

— Что ещё?

— Воронцов.

— Что Воронцов?

— Если он выжил?

Тишина.

Мужчина медленно поднял голову.

Но лица я всё равно не видел.

— Не выжил.

— Тело не нашли сразу.

— Это ничего не меняет.

— Но если...

— Антон.

Одного имени хватило.

Он замолчал.

Мужчина взял мой жетон.

Посмотрел на нули.

— Его счёт закрыт.

— Кем?

Пауза.

— Теми, кому он задолжал.

Воспоминание дёрнулось.

Я слышал ещё одну фразу.

Очень тихую.

Почти шёпот.

— Левин должен был решить проблему раньше.

Белая вспышка.

Я снова оказался в ресторане.

Отпустил руку Антона.

Отступил.

Несколько секунд не мог понять, где нахожусь.

Стол.

Окна.

Приглушённая музыка.

Запах кофе.

Антон смотрел на меня.

В ужасе.

Настоящем.

— Что вы сделали?

Я тяжело дышал.

— Ничего.

Он посмотрел на своё запястье.

Я тоже.

На коже проступало тёмное пятно.

Неровное.

Похожее на ожог.

У меня перед глазами мгновенно появилась фотография

Леры.

Её рука.

Такой же след.

Я почувствовал холод.

— Что вы увидели? — спросил Антон.

Я поднял глаза.

— Кто закрыл мой счёт?

Он побледнел.

— Что?

— Я видел жетоны.

Антон отступил.

— Нет.

— Коробки.

Ещё шаг.

— Нет.

— Резерв.

Он замер.

Попал.

— Вы не могли это увидеть.

— Но увидел.

— Как?

— Сам хотел бы знать.

Антон посмотрел на дверь.

— Кто закрыл мой счёт?

— Я не знаю.

— Врёте.

— Я действительно не знаю.

— Тогда кто знает?

Он молчал.

Я сделал шаг к нему.

— Левин?

Реакция была почти незаметной.

Но я её увидел.

— Аркадий Левин?

— Уходите.

— Значит, он.

— Я этого не говорил.

— Зато лицо сказало.

Антон быстро достал телефон.

— Кому звоните?

— Никому.

На экране уже шёл вызов.

Я увидел имя.

А. ЛЕВИН

Вырвал телефон из его руки.

Сбросил.

Антон смотрел на меня так, будто я только что выдернул чеку из гранаты.

— Вы идиот.

— Возможно.

— Зачем вы это сделали?

— Я хочу поговорить с ним лично.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если Левин узнает, что вы живы...

— Он уже знает.

Антон замолчал.

— Что?

— Лера сказала, что он знал про больницу.

Его лицо изменилось.

— Лера?

Я сразу понял, что зря произнёс её имя.

— Что с ней?

— Она с вами?

— Нет.

— Воронцов.

— Что?

— Где Лера?

— Не ваше дело.

Он оглянулся.

Будто искал кого-то.

— Вы не понимаете, что сделали.

— Эту фразу я тоже слышу постоянно.

— Если она рядом с вами, увезите её.

— От кого?

Антон посмотрел на меня.

— От всех.

— Очень полезно.

— Я серьёзно.

— Тогда объясните.

— Не здесь.

— А где?

Он открыл рот.

И замолчал.

Потому что смотрел уже не на меня.

Куда-то за моё плечо.

Лицо Антона стало совершенно пустым.

Не испуганным.

Хуже.

Подчинённым.

Я медленно обернулся.

У входа в зал стоял мужчина.

Лет шестидесяти.

Серое пальто.

Тёмный костюм.

Трость в правой руке, которой он явно пользовался скорее как аксессуаром.

Седые волосы.

Спокойное лицо.

Над головой:

16:071:08:44

Он смотрел прямо на меня.

Не удивлённо.

Не испуганно.

Скорее с каким-то странным облегчением.

Будто последние несколько дней искал именно меня.

Наши взгляды встретились.

Мужчина остановился.

Я увидел, как его пальцы сильнее сжали рукоять трости.
Всего на мгновение.

Потом он улыбнулся.

— Максим.

Я ничего не ответил.

За спиной тихо произнёс Антон:

— Аркадий Львович...

Вот и всё.

Аркадий Левин.

Человек, которого Лера просила избегать.

Человек, связанный с моим прошлым.

Человек, который, возможно, знал, почему мой счёт был закрыт.

Аркадий подошёл ближе.

Остановился примерно в двух метрах.

Сначала посмотрел на моё лицо.

Потом на шов над бровью.

Потом на руку, которой я несколько секунд назад держал Антона.

Его взгляд задержался на ней.

Он понял.

Не знаю как.

Но понял.

— Ты опять начал, — тихо сказал он.

— Что именно?

Улыбка стала немного грустнее.

— Значит, действительно ничего не помнишь.

— А должен?

Аркадий несколько секунд рассматривал меня.

Потом посмотрел над моей головой.

Туда, где находился мой невидимый для него — или, возможно, не невидимый — счётчик.

Я машинально сжал в кармане жетон.

00:000:00:00

Аркадий снова посмотрел мне в глаза.

— Ну наконец-то.

— Мы знакомы?

Он усмехнулся.

Но веселья в его глазах не было.

— Боюсь, гораздо лучше, чем тебе сейчас хотелось бы.

Глава 10. Аркадий

Аркадий смотрел на меня так, будто встретил человека, которого давно похоронил.

Не в переносном смысле.

Именно похоронил.

— Максим, — повторил он.

Я ничего не ответил.

Антон стоял рядом совершенно неподвижно.

Пять минут назад он пытался выставить меня из ресторана.

Теперь выглядел так, будто хотел раствориться в стене.

— Аркадий Львович, я...

— Потом, Антон.

— Но он...

— Я вижу.

Голос негромкий.

Спокойный.

Антон замолчал мгновенно.

Мне это не понравилось.

Люди редко подчиняются так быстро человеку, который не обладает властью.

Я посмотрел на счётчик Аркадия.

16:071:08:31:42

Шестнадцать лет.

Семьдесят один день.

И ещё немного.

Он заметил мой взгляд.

Улыбка исчезла.

Совсем чуть-чуть.

Но этого хватило.

— Всё-таки видишь, — сказал он.

Я замер.

— Вы тоже знаете?

— Знаю.

— Все знают, кроме меня.

— Не все.

— Последние несколько дней ощущение обратное.

Аркадий посмотрел на Антона.

— Найди нам стол.

— Конечно.

— Отдельный.

Антон ушёл.

Я остался напротив Аркадия.

— Я никуда с вами не сяду.

— Почему?

— Потому что понятия не имею, кто вы.

— Зато я знаю, кто ты.

— Именно это и беспокоит.

Он кивнул.

— Разумно.

Лера ждала через дорогу.

Я вспомнил её слова.

Не звони Аркадию.

Человек, которого тебе сейчас лучше не видеть.

И ещё:

Я не знаю, кого из вас двоих боюсь больше.

— Лера сказала держаться от вас подальше.

В глазах Аркадия что-то изменилось.

— Ты видел Леру?

— Да.

— Когда?

— Недавно.

— Она с тобой?

Я промолчал.

Аркадий посмотрел к окнам ресторана.

Не туда, где сидела Лера.

Просто на улицу.

— Значит, рядом.

Мне стало холодно.

— Откуда вы знаете?

— Потому что ты пришёл сюда один.

— И?

— Старый Максим никогда не оставлял человека, которого хотел защитить, дальше тридцати секунд пути.

Я смотрел на него.

— Вы действительно хорошо меня знали.

— Очень.

— Тогда расскажите.

— Что именно?

— Всё.

Аркадий тихо рассмеялся.

— Вот это точно ты.

— Что?

— Нетерпение.

— Не помню.

— Поверь, оно никуда не делось.

Антон появился снова.

— Стол готов.

Аркадий показал рукой.

— После тебя.

— Нет.

— Боишься?

— Вас?

— Хорошо бы.

Я посмотрел ему в глаза.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— Чем отличается?

— Угроза сообщает, что сделаю я. Предупреждение — что могут сделать другие.

Он развернулся и пошёл за Антоном.

Я остался.

Можно было уйти.

Наверное, нужно было.

Лера ждала через дорогу.

Неизвестный номер предупреждал меня обо всём подряд.

Антон только что сообщил, что за мою смерть заплатили.

Любой нормальный человек на моём месте вышел бы из ресторана и больше сюда не возвращался.

Проблема была в том, что нормальным человеком я, судя по всему, перестал быть задолго до аварии.

И впервые за последние дни передо мной оказался человек, который не собирался притворяться, будто ничего не знает.

Я пошёл за Аркадием.

Нас посадили в небольшой зал на втором этаже.

Шесть столов.

Ни одного посетителя.

Дверь закрылась.

Аркадий снял пальто.

Сел.

Трость положил рядом.

— Чай?

— Нет.

— Кофе?

— Нет.

— Вода?

— Ответы.

— Это значительно дороже.

Я не улыбнулся.

Он вздохнул.

— Садись.

Я сел напротив.

Между нами был стол.

Мне так нравилось больше.

Аркадий рассматривал меня.

Не лицо.

Движения.

Руки.

То, как я сижу.

Как смотрю на дверь.

Как держу телефон.

Будто пытался понять, сколько прежнего Максима осталось внутри.

— Что ты помнишь?

— Почти ничего полезного.

— Последний месяц?

— Нет.

— Полгода?

— Отрывками.

— Меня?

— Нет.

Он кивнул.

И мне показалось, что это его действительно расстроило.

— А пятнадцать лет?

Я напрягся.

Второй человек за несколько дней задавал именно этот вопрос.

— Почему всех интересует, что произошло, когда мне было пятнадцать?

Аркадий не ответил.

— Лера сказала, что я утонул.

Он перестал двигаться.

— Она не должна была.

— Она много чего не должна была. Но в отличие от остальных хотя бы что-то говорит.

— Что ещё рассказала?

— Достаточно.

— Максим.

— Нет. Теперь моя очередь задавать вопросы.

Аркадий откинулся на спинку стула.

— Хорошо.

— Что такое счётчик?

Он посмотрел над моей головой.

Прямо туда, где для меня висели бы нули, будь напротив зеркало.

— Ты называешь его так?

— А как называл раньше?

— По-разному.

— Например?

— Остаток. Баланс. Срок.

— Что из этого правильно?

— Ни одно полностью.

Я закрыл глаза.

— Потрясающе. Ещё один любитель загадок.

— Потому что простого ответа нет.

— Попробуйте сложный.

Он сложил руки на столе.

— То, что ты видишь, — количество времени, принадле-
жащего человеку.

— Не время смерти.

— Нет.

— Но когда оно заканчивается, человек умирает.

— Обычно.

Я сразу заметил слово.

— Обычно?

Аркадий посмотрел на меня.

— Есть исключения.

— **Я?**

Он не ответил.

Ответ был и не нужен.

— Нули означают, что моё время закончилось?

— Да.

— Когда?

— Это сложнее.

— Когда, Аркадий?

Он долго смотрел на меня.

— Не после аварии.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Когда?

— Не сегодня.

Я ударил ладонью по столу.

— Хватит!

Голос отразился от стен.

Аркадий даже не вздрогнул.

— Уже неделю мне говорят «не сейчас», «потом», «тебе рано знать». Я вижу, как люди умирают. Вижу, как их время передают другим. Кто-то пытался убить меня до аварии. По больнице ходит человек, которого не видно на камерах. Незнакомый знает каждый мой шаг. Лера говорит, что я забирал её годы. Антон только что сообщил, что за мою смерть заплатили. А теперь вы сидите здесь и снова решаете, что мне можно знать, а что нельзя.

Аркадий молчал.

— Я не ребёнок.

— Нет.

— Тогда отвечайте.

Он посмотрел мне в глаза.

— Хорошо.

— Ты впервые достиг нуля в пятнадцать лет.

Я перестал дышать.

Вода.

Холод.

Чёрная глубина.

Мальчик.

Ты опять забыл.

— Я умер?

— Да.

Ответ прозвучал спокойно.

Слишком спокойно для человека, сообщающего мне о моей собственной смерти.

— На сколько?

— Несколько минут.

— И вы меня спасли?

Аркадий опустил взгляд.

— Да.

Я почувствовал странное облегчение.

Наконец ответ.

Настоящий.

И сразу новый вопрос.

— Как?

— Переносом.

Слово уже было знакомым.

— Вы передали мне время?

— Да.

— Чьё?

Короткая пауза.

— Моё.

Я посмотрел на его счётчик.

16:071:08:24:17

— Вы отдали мне своё время?

— Да.

— Сколько?

— Тогда это не имело значения.

— Для меня имеет.

Он помолчал.

— Одиннадцать месяцев и двадцать три дня.

Цифра показалась странно точной.

Слишком точной, чтобы забыть.

— Почему именно столько?

— Потому что больше я физически не мог передать.

— Почему?

Аркадий посмотрел прямо на меня.

— Ты был уже мёртв.

По спине прошёл холод.

— Значит, время можно передать после смерти?

— Нет.

— Но вы сделали.

— Да.

— Как?

— Не знаю.

Я почти рассмеялся.

— Очень удобно.

— Я серьёзно. Этого не должно было произойти.

— Но произошло.

— Поэтому ты и стал проблемой.

Он сказал это почти без эмоций.

Я медленно откинулся на спинку кресла.

— Что произошло со мной?

Аркадий посмотрел на закрытую дверь.

Потом снова на меня.

— Ты должен был утонуть. Твой остаток дошёл до нуля.

Сердце остановилось. Для системы всё закончилось.

— Какой системы?

— Пока неважно.

— Вы опять...

— Дай договорить.

Я замолчал.

— Я провёл Перенос после нуля. Не потому, что знал, что получится. Потому что больше ничего не оставалось. До этого считалось, что передать время человеку после обнуления невозможно.

— Но получилось.

— Не так, как должно.

— Что значит «не так»?

— Ты вернулся. Но переданное время не закрепилось за тобой нормально.

— И?

— Ты начал видеть чужие остатки.

Я смотрел на него.

— С пятнадцати лет?

— Да.

— Всё это время?

— Да.

Тринадцать лет.

Минимум.

Люди.

Тысячи людей.

Миллионы цифр.

Смерти.

Переносы.

Рынок.

И я ничего этого не помнил.

— Почему?

Аркадий молчал.

— Почему я забыл?

— Потому что до аварии ты сам сделал всё, чтобы забыть.

Вот оно.

— Зачем?

— Не знаю полностью.

— Вы лжёте.

— Конечно.

Я не ожидал.

— Что?

Аркадий слегка улыбнулся.

— Я лгу тебе, Максим. Лера лжёт. Антон лжёт. Возможно, человек, который тебе пишет, тоже лжёт.

— Вы хотя бы честно признаётесь.

— Это экономит время.

Я посмотрел на его счётчик.

— Вам есть что экономить.

Он проследил за взглядом.

Улыбка исчезла.

— Не привыкай оценивать людей по цифрам.

— Поздно.

— Нет. Поверь мне. Ещё не поздно.

— Чего вы боитесь?

Он некоторое время молчал.

— Того, что ты вспомнишь раньше, чем поймёшь, кем стал.

Я наклонился вперёд.

— Кем я стал?

Аркадий смотрел на меня несколько секунд.

— Посредником.

Я вспомнил мужчину возле гостиницы.

Пять чужих лет.

Жетон.

Конверт.

— Как тот человек?

— Нет.

— Как Антон?

— Нет.

— Лучше?

— Намного.

— Насколько?

— Настолько, что рынок начал меняться под тебя.

Мне это совсем не понравилось.

— Что я делал?

— То, чего до тебя никто не умел.

— Например?

Аркадий помолчал.

— Дробление.

Слово вызвало неприятное ощущение узнавания.

Как будто я когда-то произносил его сотни раз.

— Что это?

— Обычный Перенос прост. Один донор. Один получатель. Связь между ними. Потеря. След.

— А дробление?

— Десятки доноров. Иногда сотни. Ты научился брать у каждого понемногу и собирать время в один поток.

Я почувствовал тошноту.

— Зачем?

— Сначала — чтобы снизить нагрузку на донора.

— Сначала?

Аркадий посмотрел на меня.

— Потом ты понял, что так можно сделать кражу почти незаметной.

Я не сразу ответил.

— Кражу.

— Да.

— Значит, доноры не всегда соглашались.

— Конечно нет.

Перед глазами появилась Лера.

Фотография.

Чёрный след на запястье.

— А Лера?

Аркадий напрягся.

— Что Лера?

— Один год она дала добровольно.

Он медленно кивнул.

— Да.

— Остальное?

Пауза.

— Я не знаю.

— Лжёте.

— В этот раз нет.

— На фотографии у неё было меньше двенадцати лет.

Сейчас больше двенадцати с половиной. Значит, часть времени вернулась.

— Возможно.

— Кто забрал остальное?

— Не знаю.

— Вы знали про это?

— Про первый год — да.

— А потом?

— Нет.

— Почему я должен вам верить?

Аркадий посмотрел на меня.

— Не должен.

Ответ остановил меня.

— Если бы я знал, кто забрал у неё время без согласия,

— продолжил он, — ты бы сейчас здесь не сидел.

— Почему?

— Потому что я занимался бы этим человеком.

Впервые в его голосе появилась злость.

Настоящая.

Очень холодная.

И я понял:

Лера была для него не просто «девушкой Максима».

Он либо действительно её любил.

Либо чувствовал ответственность.

Либо и то и другое.

Это немного изменило картину.

Совсем немного.

— Она знает, что вы были со мной в пятнадцать?

— Частично.

— Откуда?

— От тебя.

— Почему я рассказал?

— Потому что ты ей доверял.

— А потом перестал?

Аркадий посмотрел на стол.

— Потом ты перестал доверять всем.

— Почему?

— Потому что понял, чем на самом деле является рынок.

— А до этого?

— Зарабатывал.

Одно слово.

Без оправданий.

Ответ ударил неожиданно сильно.

— На чужих годах?

— Да.

— И вы тоже?

— Да.

— Сколько людей умерло из-за вас?

Аркадий не ответил.

— Сколько?

— Я давно перестал считать.

Я встал.

— Тогда разговор окончен.

— Сядь.

— Нет.

— Максим.

— Вы привели меня в это.

— Да.

— В пятнадцать?

— Нет.

Я остановился.

— Когда?

— Гораздо позже.

— Сколько мне было?

— Двадцать восемь.

Я нахмурился.

— То есть совсем недавно.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты сам меня нашёл.

— После тринадцати лет?

— Да.

— Как?

— Это длинная история.

— У нас, судя по вашему счётчику, есть время.

Он посмотрел на меня с выражением, в котором на мгновение мелькнуло что-то почти похожее на прежнюю близость.

— Вот этого мне не хватало.

— Чего?

— Твоих шуток в самые неподходящие моменты.

Я не ответил.

— Ты нашёл меня, — продолжил Аркадий, — потому что хотел понять, почему видишь счётчики.

— И вы рассказали?

— Не сразу.

— Потом?

— Потом ты захотел научиться Переносу.

— Зачем?

Аркадий замолчал.

Я сразу понял, что подошёл к чему-то важному.

— Зачем мне понадобилось передавать время?

— Чтобы спасти человека.

Я замер.

— Кого?

Он не ответил.

— Кого, Аркадий?

— Это не моя тайна.

— Моя?

— Нет.

Я подумал о Лере.

— Её?

— Нет.

Тогда кто?

Он видел вопрос.

— Не сейчас.

Я усмехнулся.

— Конечно.

Направился к двери.

— Максим.

Я остановился.

— Ты видел человека без счётчика?

Рука уже лежала на дверной ручке.

Я медленно повернулся.

— Откуда знаете?

Аркадий поднялся.

Впервые за весь разговор на его лице появился настоящий страх.

Не беспокойство.

Не осторожность.

Страх.

— Он касался тебя?

Я вспомнил больничную палату.

Его руку.

Вспышку.

Снег за окном.

Свечу.

Значит, придётся работать без него.

— Да.

Аркадий тихо выругался.

— Кто он?

— Опиши.

— Мужчина. Около сорока пяти. Тёмное пальто. Седина на висках.

— Что ещё?

— Его не видят камеры.

Аркадий побледнел.

— Он говорил с тобой?

— Да.

— Что сказал?

— Много загадок.

— Имя?

— Не называл.

Аркадий подошёл ближе.

— Максим, что ты увидел, когда коснулся его?

Я сразу понял:

этот вопрос важнее всех предыдущих.

— Воспоминание.

Аркадий опёрся ладонью о стол.

— Чьё?

— Его.

— Нет.

— Что «нет»?

— Этого не может быть.

— Он сказал примерно то же самое.

Аркадий несколько секунд просто смотрел на меня.

— Что было в воспоминании?

— Комната. Снег за окном. Свечи. Он разговаривал с кем-то.

— Что говорил?

Я вспомнил.

— Кто-то сказал ему: «У тебя больше нет времени».

Аркадий замер.

— А он ответил: «Значит, придётся работать без него».

Тишина.

Аркадий медленно сел обратно.

— Чёрт.

— Кто он?

— Если это тот, о ком я думаю...

— Кто?

Он поднял глаза.

— Коллектор.

Слово ничего мне не сказало.

Но тело отреагировало раньше головы.

Сердце ускорилося.

Пальцы похолодели.

Как будто какая-то часть меня прекрасно знала это слово.

И боялась его.

— Что такое Коллектор?

— Не что. Кто.

— Хорошо. Кто?

Аркадий помолчал.

— Человек, у которого больше нет собственного времени.

Я вспомнил пустоту над головой мужчины.

— Ноль?

— Нет. Именно отсутствие.

— В чём разница?

— Ноль — это закончившийся счёт. У него счёта нет во-

обще.

— Почему?

— Потому что когда-то его закрыли.

— Кто?

— Рынок.

— И он выжил?

— Если то, что с ним осталось, можно назвать жизнью.

— Он выглядит вполне живым.

— Когда-то он и был обычным человеком.

— А сейчас?

Аркадий посмотрел на меня.

— Сейчас он возвращает долги.

— Чьи?

— Чужие.

— Кому?

— Тем, кому принадлежит время.

Я почувствовал раздражение.

— Можно хоть один ответ без новой загадки?

— Если бы мог объяснить проще, объяснил бы.

— Что ему нужно от меня?

Аркадий несколько секунд молчал.

— Счёт.

— Какой?

— Твой.

Я вспомнил металл в кармане.

Достал жетон.

Положил на стол.

00:000:00:00:00

Аркадий увидел его.

И застыл.

По-настоящему.

— Откуда он у тебя?

— Был в вещах после аварии.

Он быстро взял жетон.

Перевернул.

Увидел букву «В».

Лицо изменилось.

— Кто тебе его дал?

— Я не помню.

— Подумай.

— Думаете, я последние дни чем занимаюсь?

Аркадий сжал жетон.

— Это плохо.

— Всё у вас плохо.

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Это гораздо хуже.

Я вырвал жетон из его руки.

— Объясняйте.

Аркадий некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Ты видел похожий жетон у кого-нибудь ещё?

— Да.

— Где?

— У посредника.

— Какой номинал?

— Пять лет.

Он напрягся.

— Имя?

— Не знаю.

— Как выглядел?

Я описал мужчину.

Аркадий закрыл глаза.

— Что?

— Ты нашёл рынок раньше, чем я успел тебя остановить.

— Вы собирались меня останавливать?

— Да.

— Почему?

— Потому что если они узнают, что Воронцов жив...

— Уже знают.

Он открыл глаза.

— Кто?

— Антон.

Аркадий посмотрел на дверь.

— Что именно он сказал?

— «Вы должны быть мертвы».

— Ещё?

— Что мой счёт закрыт.

Аркадий встал.

Слишком быстро для человека с тростью.

— Нам нужно уходить.

— Последние дни все постоянно предлагают мне куда-то бежать.

— Сейчас не время для шуток.

— Я и не шучу.

Он надел пальто.

— Лера где?

— Не скажу.

— Максим.

— Зачем она вам?

— Мне — незачем. Им — может понадобится.

— Кому «им»?

— Если след идёт через тебя, любой человек рядом с тобой становится частью операции.

— Какой операции?

— Твоей.

— У меня нет никакой операции.

Аркадий посмотрел на меня.

— Ты жив с нулевым счётом, носишь закрытый жетон и снова касаешься людей. Для рынка этого более чем достаточно.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Я посмотрел.

НЕ ВЕРЬ ЛЕВИНУ.

Поднял глаза.

Аркадий уже стоял возле двери.

Телефон снова завибрировал.

ОН НЕ СПАС ТЕБЯ В ПЯТНАДЦАТЬ.

Ещё одно.

ОН КУПИЛ ТЕБЯ.

У меня похолодели пальцы.

— Что там? — спросил Аркадий.

Я ничего не ответил.

Новое сообщение:

**СПРОСИ, ЧЬИ ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ОН
ТЕБЕ ОТДАЛ.**

Я перечитал.

Потом посмотрел на Аркадия.

— Вы сказали, что передали мне своё время.

Он застыл.

— Да.

— Одиннадцать месяцев и двадцать три дня.

— Да.

Я повернул экран к нему.

— Тогда почему кто-то утверждает, что оно было не ваше?

Аркадий посмотрел на сообщение.

И я увидел ответ раньше, чем он что-либо сказал.

Его лицо медленно стало серым.

— Кто тебе это пишет?

— Сначала вы.

— Максим...

— Чьё это было время?

— Нам нужно уйти.

— Чьё?

— Сейчас не место...

— Хватит.

Я подошёл ближе.

— Вы только что признались, что лжёте мне. Хорошо. Я хотя бы знаю правила. Но не надо продолжать ложь после того, как вас поймали.

— Ты не понимаешь.

— Так объясните.

— Я пытался тебя спасти.

— Чужим временем?

Аркадий молчал.

Этого хватило.

— Чьим?

— Максим...

Я схватил его за запястье.

Мир исчез.

Вода.

Крики.

Холод.

Берег.

Кто-то плачет.

Кто-то орёт, чтобы вызвали скорую.

На земле лежит мальчик.

Я.

Пятнадцатилетний.

Мокрые волосы прилипли ко лбу.

Губы синие.

Грудь неподвижна.

Аркадий стоит на коленях рядом.

Моложе.

Гораздо моложе.

Без седины.

Без трости.

Он делает мне массаж сердца.

Снова.

Снова.

Снова.

— Дыши!

Никакой реакции.

Кто-то рядом кричит:

— Он мёртв!

Аркадий не слушает.

Ещё нажатие.

Ещё.

Потом останавливается.

Смотрит над моей головой.

Я понимаю, что видит он.

Нули.

Аркадий достаёт металлический жетон.

На нём:

00:328:19:14:36

Почти год.

Он прижимает жетон к моей груди.

Ничего.

— Давай...

Снова.

Ничего.

Аркадий смотрит вокруг.

И поворачивается.

Только теперь я вижу её.

Рядом на земле лежит ещё один подросток.

Девочка.

Лет шестнадцати.

Мокрая.

Она кашляет.

Захлёбывается воздухом.

Но жива.

Над её головой:

63:114:02:51:09

Шестьдесят три года.

Аркадий смотрит на неё.

Потом на меня.

Потом снова на неё.

— Нет, — шепчет он.

Не ей.

Самому себе.

Кто-то спрашивает:

— Что?

Аркадий не отвечает.

Он снова смотрит на мои нули.

Потом на девочку.

И принимает решение.

Я вижу момент, когда это происходит.

Он подходит к ней.

— Как тебя зовут?

Девочка тяжело дышит.

— Аня.

У меня внутри всё обрывается.

Аркадий кладёт ладонь ей на лоб.

Она вздрагивает.

— Что вы делаете?

— Прости.

Цифры над её головой дрогнули.

63:114:02:50:41

Потом быстрее.

63:021...

62:250...

62:001...

Она закричала.

Не громко.

Сил не хватило.

Просто выгнулась на мокрой земле.

— Больно!

Аркадий не убрал руку.

— Ещё немного.

Жетон в другой руке начал меняться.

Цифры появлялись одна за другой.

Месяцы.

Дни.

Часы.

Чужое время.

Её время.

— Хватит...

Аркадий закрыл глаза.

Но руку не убрал.

Почти год исчез с её счётчика.

Он прижал жетон к моей груди.

На секунду ничего не произошло.

Потом мои нули вспыхнули.

Я судорожно вдохнул.

Кто-то закричал.

— Он дышит!

Аркадий отшатнулся.

Я закашлялся.

Выплюнул воду.

Девочка лежала рядом.

Смотрела на Аркадия.

В её глазах были боль и непонимание.

— Что вы сделали?

Аркадий тяжело дышал.

Несколько секунд не отвечал.

Потом сказал:

— Простишь потом.

Она смотрела на него.

И вдруг перевела взгляд на меня.

Наши глаза встретились.

Воспоминание ударило так сильно, что всё вокруг словно остановилось.

Я знал эти глаза.

Знал.

Всегда знал.

Воспоминание оборвалось.

Ресторан вернулся сразу.

Слишком яркий.

Слишком тихий.

Я отпустил Аркадия.

Отступил.

Он стоял белый как стена.

На его запястье медленно проступало тёмное пятно.

Такое же, как у Антона.

Как у Леры.

Я тяжело дышал.

— Вы украли.

Аркадий молчал.

— Вы украли у неё почти год.

— Максим...

— Вы сказали, что отдали свой.

— Я хотел тебя спасти.

— Кто она?

Он опустил глаза.

— Кто она?!

Аркадий поднял голову.

— Твоя сестра.

Мир словно стал тише.

Я перестал слышать ресторан.

Музыку.

Шум вентиляции.

Машины за окном.

Остался только он.

— У меня нет сестры.

— Теперь не помнишь.

— Как её зовут?

Пауза.

Я уже знал.

Но всё равно ждал.

— Анна.

Имя ударило сильнее, чем должно было.

Что-то прорвалось.

Не воспоминание.

Сразу десятки.

Девочка с мокрыми волосами.

Смеётся.

Толкает меня в воду.

— Догони!

Летний двор.

Разбитая коленка.

Она кричит на меня из окна.

Кусок торта с одной свечой больше, чем у меня.

— Потому что я старше, идиот.

Я смеюсь.

Она показывает язык.

Потом больничный коридор.

Чёрное платье.

Мать плачет.

Гроб.

Всё исчезло.

Я схватился за край стола.

— Она жива?

Аркадий не ответил сразу.

И этого оказалось достаточно.

— Где она?

— Максим...

— Где моя сестра?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Она умерла через три года после того Переноса.

Я стоял неподвижно.

Внутри не было ничего.

Потом пришла злость.

Медленно.

Очень холодно.

— Из-за вас?

— Я не знаю.

— Из-за того года?

— Я не знаю.

— Вы отняли у неё почти год жизни.

— Да.

— И она умерла через три года.

— Да.

— В восемнадцать?

Аркадий закрыл глаза.

— Да.

Вот теперь цифры стали настоящими.

Не абстрактными.

Не чужими.

Не десятками лет над головами прохожих.

Один год.

Украденный у шестнадцатилетней девочки.

Моей сестры.

Чтобы я мог открыть глаза.

— Она знала?

Аркадий посмотрел на меня.

— Что?

— Что вы отдали её время мне.

Он долго молчал.

— Потом узнала.

— От кого?

— От меня.

— **И?**

Аркадий опустил взгляд на собственные руки.

— Она меня не простила.

Я почти рассмеялся.

— Удивительно.

— Максим...

— Не называйте меня так.

Он замолчал.

Я сжал жетон.

Металл впился в ладонь.

00:000:00:00:00

Ноль.

Мой ноль.

Который должен был наступить ещё тогда.

Тринадцать лет назад.

Если бы Аркадий ничего не сделал, Анна потеряла бы брата.

Но осталась бы со своим годом.

Если бы он не украл у неё время...

Я оборвал мысль.

Потому что продолжение было слишком простым.

И слишком страшным.

Телефон завибрировал.

Я посмотрел.

Неизвестный номер.

Одно сообщение.

**ТЕПЕРЬ ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ПОЧЕМУ ЛЕВИН
БОИТСЯ ТВОЕЙ ПАМЯТИ.**

Я медленно поднял глаза.

Аркадий стоял напротив.

Над его головой спокойно шёл отсчёт.

16:071:07:48:12

Одиннадцать.

Десять.

Девять.

Секунды исчезали одна за другой.

Впервые с того момента, как я снова начал видеть счётчики, я смотрел на чужой остаток не со страхом.

Не с любопытством.

Не пытаюсь понять, когда человек умрёт.

Я смотрел и думал только об одном.

Шестнадцать лет — слишком много.

Глава 11. Правило первое

— Убери телефон.

Я не сразу понял, что Аркадий говорит со мной.

В голове всё ещё была вода.

Берег.

Мокрые волосы.

Девочка, лежащая рядом со мной.

Анна.

Сестра, о существовании которой я не помнил.

Сестра, у которой Аркадий отнял почти год, чтобы вернуть меня.

Я посмотрел на экран.

Неизвестный больше не писал.

Последнее сообщение всё ещё горело:

**ТЕПЕРЬ ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ПОЧЕМУ ЛЕВИН
БОИТСЯ ТВОЕЙ ПАМЯТИ.**

Я заблокировал телефон.

— Вы знали, что я могу это увидеть?

Аркадий молчал.

— Когда коснусь вас.

— Нет.

— Врёте.

— Не в этот раз.

— Тогда почему не отдёргнули руку?

— Потому что не успел.

— А раньше?

— До аварии ты не мог вытаскивать воспоминания таким образом.

Я усмехнулся.

— Похоже, авария пошла мне на пользу.

— Не шути с этим.

— Я не шучу.

Аркадий посмотрел на меня.

В глазах больше не было прежнего спокойствия.

— То, что ты сейчас делаешь, опасно.

— Для кого?

— Для всех.

— Очень удобно.

— Максим.

— Что?

— Если ты способен видеть след Переноса напрямую через человека, значит, что-то изменилось.

— После аварии?

— Возможно.

— Или после того, как вы однажды украли время у моей сестры.

Он выдержал это спокойно.

— Да.

— Как она умерла?

— Я не знаю.

— Вы сказали — через три года.

— Да.

— Причина?

— Аневризма.

Я замер.

— Сколько ей было?

— Девятнадцать.

Я отвернулся.

Девятнадцать.

Слишком мало.

Даже если отнять почти год.

— Значит, её смерть не могла быть из-за Переноса.

— Я этого не сказал.

— Но если вы забрали меньше года...

— Ты до сих пор думаешь, что счётчик показывает срок жизни.

Я посмотрел на него.

— А это не так.

— Нет.

— Тогда объясните наконец нормально.

Аркадий вернулся к столу и сел.

Показал на кресло напротив.

— Сядь.

— Не хочу.

— Тогда стой. Мне всё равно.

Я остался на месте.

Он сложил руки на столе.

— Правило первое. Запомни его раньше всех остальных.

— Слушаю.

— Счётчик не показывает, сколько человек проживёт.

— Я уже понял.

— Нет. Не понял.

Аркадий постучал пальцем по столу.

— Он показывает, сколько времени принадлежит человеку.

— В чём разница?

— Огромная.

— Например?

Он указал на меня.

— Допустим, над человеком двадцать лет.

— Так.

— Через пять минут его сбивает грузовик.

— Тогда оставшиеся двадцать лет пропадают?

— Нет.

Я почувствовал знакомый холод.

— Куда они деваются?

— Зависит от обстоятельств смерти.

— От каких?

— От того, был ли счёт закрыт естественно.

— Что значит «естественно»?

Аркадий вздохнул.

— Если собственный остаток человека дошёл до нуля,

времени больше нет. Счёт закрыт.

— А если он умер раньше?

— Тогда остаётся незакрытый остаток.

— Чей?

— Его.

— Но он мёртв.

— Право собственности на время и состояние тела — разные вещи.

Я несколько секунд смотрел на него.

— Вы сейчас серьёзно говорите о человеческой жизни как о банковском счёте?

— Да.

— И вам нормально?

— Давно уже нет.

Без пафоса.

Просто факт.

— Что происходит с остатком?

— Обычно система забирает его постепенно.

— Что значит «система»?

— Пока считай её механизмом.

— Очень научно.

— Тебе сейчас не нужна философия. Тебе нужны правила.

Он продолжил:

— После преждевременной смерти остаток некоторое время остаётся связан с владельцем.

— С трупом?

— Не с телом. С владельцем.

— С душой?

Аркадий поморщился.

— Если хочешь использовать это слово — используй. Я не использую.

— Почему?

— Потому что оно мешает думать.

— А что не мешает?

— След.

— Опять след.

— Именно его ты теперь видишь.

Я вспомнил прикосновение к Антону.

Комнату.

Жетоны.

Голоса.

— И что можно сделать с остатком умершего?

— Перенести.

Я замолчал.

— Поэтому Антон был буфером.

Аркадий резко посмотрел на меня.

— Кто тебе сказал это слово?

— Никто.

— Ты вспомнил?

— Нет. Просто знал.

Ему это явно не понравилось.

— Что?

— Ничего.

— Вы опять врёте.

— Максим, если какие-то знания возвращаются без воспоминаний, говори мне.

— Зачем?

— Потому что процедурная память может восстановиться раньше событийной.

— По-русски.

— Ты можешь вспомнить, как делать Перенос, раньше, чем вспомнишь, зачем когда-то его делал.

Я подумал о больничном туалете.

О мужчине у соседней раковины.

О счётчике, который на мгновение пошёл в обратную сторону.

— Уже.

Аркадий замер.

— Что уже?

— Я изменил чужой счётчик.

— Где?

— В больнице.

— Насколько?

— Не знаю. Сначала подумал, что прибавил секунду.

— А потом?

— Незнаемый сказал, что это был след.

Аркадий резко поднялся.

— Опиши.

— Мужчина стоял рядом у зеркала. Я посмотрел на него.

Значение на мгновение изменилось.

— Ты касался его?

— Нет.

— Он тебя?

— Нет.

— Жетон был у тебя?

— Да.

Аркадий выругался.

— Что?

— Ты не должен был уметь менять принадлежность без контакта.

— Раньше?

— Никогда.

— Но сделал.

— Возможно.

— Что это значит?

Он посмотрел на мой жетон.

— Пока не знаю.

— Вы вообще хоть что-нибудь точно знаете?

— Да.

— Например?

— Если продолжишь экспериментировать, найдут не только тебя.

— Кто?

Аркадий не ответил.

Я рассмеялся.

— Опять.

— Потому что ты задаёшь вопросы не в том порядке.

— Хорошо. Давайте правильный.

— Сначала пойми, что именно ты видишь.

Он подошёл к окну.

Внизу шли люди.

— Выбери кого-нибудь.

— Зачем?

— Покажу.

Я встал рядом.

На улице было человек двадцать.

Над головами двигались счётчики.

— Мужчина в синей куртке, — сказал Аркадий.

Я нашёл его.

28:031:06:14

— Двадцать восемь лет.

— Женщина с собакой.

04:188:11:27

— Четыре года.

— Курьер.

51:009:02:08

— Пятьдесят один.

Аркадий кивнул.

— Кто из них умрёт первым?

— Женщина.

— Почему?

— У неё меньше времени.

— Неправильно.

— Тогда курьер?

— Тоже неправильно.

Я посмотрел на него.

— Вы не знаете.

— Вот теперь правильно.

— Никто не знает?

— Именно.

— Но Елена умерла при нуле.

— Потому что её остаток исчерпался.

— Николай Петрович тоже.

— То же самое.

— А человек с пятьюдесятью годами может умереть через минуту.

— Да.

— Тогда какой смысл видеть счётчики?

— Ты задавал мне этот вопрос много лет назад.

— И что вы ответили?

— Никакого.

Я фыркнул.

— Отличная способность.

— Пока не появляется рынок.

Я снова посмотрел на улицу.

Теперь понял, куда он ведёт.

— Если человек умирает раньше, остаётся время.

— Да.

— Его можно забрать до того, как система его спишет.

— Да.

— И продать.

— Да.

Я снова посмотрел вниз.

На курьера.

51:009:01:42

Пятьдесят один год.

— Значит, смерть человека с большим остатком выгоднее.

Аркадий молчал.

Этого хватило.

Я медленно повернулся к нему.

— Их убивают.

— Иногда.

— Ради времени.

— Иногда.

— Почему вы всё время говорите «иногда»?

— Потому что не весь рынок построен на убийствах.

— Какое облегчение.

— Есть добровольные доноры.

— Вроде женщины возле гостиницы.

— Возможно.

— Она отдала пять лет.

— Если ты правильно увидел.

— Правильно.

— И ей заплатили?

— Нет. Заплатила она.

Аркадий нахмурился.

— Что?

— Деньги были в конверте. Она передала их посреднику.

Он задумался.

— Что?

— Это был не обычный Перенос.

— Почему?

— Донору обычно платят.

— Лера предположила, что женщина передавала время

кому-то другому.

— Скорее всего.

— Ребёнку?

— Может быть.

— Значит, можно купить время близкому человеку.

Аркадий посмотрел на меня.

— Теперь понимаешь, почему рынок вообще существует.

Я замолчал.

Не из-за ужаса.

Наоборот.

Потому что впервые всё прозвучало слишком по-человечески.

Ребёнок.

Ноль.

У тебя сорок лет.

Отдашь пять?

Конечно.

Десять?

Да.

Двадцать?

Если понадобится.

Именно так рынок и должен был начинаться.

Не с жадности.

С отчаяния.

— И всё же кто-то на этом зарабатывает.

— Огромные деньги.

— Антон?

— Мелочь.

— А вы?

— Когда-то.

— А я?

Пауза.

— Очень много.

Мне стало неприятно.

— Сколько?

— Деньгами?

— Да.

— Достаточно, чтобы несколько лет вообще не работать.

— Где они?

— Хороший вопрос.

— Вы не знаете?

— После аварии исчезли несколько твоих счетов.

— Кто мог вывести деньги?

— Ты.

— До аварии?

— Возможно.

— Зачем?

— Возможно, готовился.

— К чему?

— К тому, что случилось.

Я вспомнил сообщения Лере.

Если со мной что-нибудь случится, не вези меня домой.

Если я забуду — не помогай мне вспоминать.

Особенно про пятнадцать лет.

— Я знал про аварию?

— Не обязательно про аварию.

— Но знал, что меня попытаются убить.

Аркадий посмотрел мне в глаза.

— Да.

Вот и всё.

Простой ответ.

Настоящий.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы были моим наставником. Знали рынок. Знали людей. И не знаете, кто хотел меня убрать?

— Знаю несколько вариантов.

— Называйте.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если ошибусь, ты пойдёшь к первому имени и полезешь к нему в голову.

— Возможно.

— Вот поэтому.

Я сжал челюсть.

— Тогда расскажите про сестру.

Аркадий отвёл взгляд.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не относится к рынку.

— Относится ко мне.

— Именно поэтому.

— Вы знали её три года после того случая.

— Да.

— Она знала про счётчики?

— Нет.

— Про Перенос?

— Нет.

— Вы забрали у неё почти год и даже не сказали?

— Она была ребёнком.

— Шестнадцать.

— Для меня — ребёнком.

— Удобное оправдание.

— Это не оправдание.

Он сказал это спокойно.

— Я поступил чудовищно.

Я не ожидал.

— Но сделал бы снова.

Этого я ожидал ещё меньше.

— Что?

— Если бы вернулся в тот день и выбора снова не было

— сделал бы.

Я шагнул к нему.

— Вы украли у неё почти год.

— Чтобы ты жил.

— И она умерла в девятнадцать!

— А ты думаешь, я об этом не вспоминал?

Впервые Аркадий повысил голос.

Совсем немного.

Но этого хватило.

— Я проверял её счётчик до того дня.

— Вы его видели?

— Нет.

Я остановился.

— Тогда как?

— Через тебя.

— Я говорил вам значения?

— Иногда.

— И у Анны?

Он кивнул.

— Сколько было?

Аркадий молчал.

— Сколько?

— В тот день — шестьдесят три года.

У меня внутри что-то оборвалось.

— Шестьдесят три.

— Да.

— А умерла через три года.

— Да.

Я попытался уложить это в голове.

— Значит, большой счётчик действительно ничего не гарантирует.

— Именно.

— Тогда её смерть могла вообще не иметь отношения к Переносу.

— Могла.

— А могла иметь?

— Да.

— Как?

Аркадий подошёл к столу.

Налил воды.

Выпил почти весь стакан.

— Потому что после первого Переноса между вами осталась связь.

— Какая?

— Временная.

— Что это значит?

— Когда один человек получает время другого, возникает след принадлежности.

— Навсегда?

— Обычно быстро исчезает.

— А у нас?

— Не исчез.

— Почему?

— Потому что ты был за нулём.

— И что это меняет?

— Никто не знает.

Я открыл рот.

Аркадий поднял руку.

— Это не попытка уйти от ответа. Мы действительно не знаем. Ты был первым.

Я замолчал.

— После твоего возвращения произошло несколько вещей, которых раньше никто не видел.

— Счётчики.

— Это первая.

— Ещё?

— Чужое время рядом с тобой начало вести себя неста-

бильно.

Я вспомнил Леру.

Фотографию.

Мужчину в туалете.

— Что значит нестабильно?

— Иногда меняло принадлежность без полноценного Переноса.

— Само?

— Мы так думали.

— А теперь?

Аркадий посмотрел на меня.

— Теперь я не уверен, что само.

— Я делал это ещё подростком?

— Нет.

— Когда началось?

— После двадцати восьми.

— Когда я снова нашёл вас.

— Да.

— Поэтому вы научили меня.

— Частично.

— Частично?

— Многому ты научился сам.

— Например, дроблению.

— Да.

— Чтобы красть.

— И чтобы спасать.

— У вас всё имеет красивую вторую сторону.

— Потому что мир не обязан быть удобным, Максим.

Я устал злиться.

Сел.

— Хорошо. Допустим, счётчик — это собственность. Время можно передать. Что происходит при добровольном Переносе?

Аркадий тоже сел.

Будто понял: я наконец готов не только спрашивать.

— Донор выбирает объём.

— Любой?

— Нет. Есть ограничения.

— Какие?

— Нельзя безопасно передать всё.

— Почему?

— Чем ближе остаток донора к нулю, тем сильнее сопротивление.

— Чьё?

— Системы.

— И как оно проявляется?

— Боль. Потеря сознания. Нарушение сердечного ритма. Иногда остановка сердца.

— У донора?

— У всех участников. Но особенно рискует посредник.

— Почему?

— Перенос редко идёт напрямую между двумя обычными

людьми.

— Нужен третий.

— Да.

— Буфер.

— Иногда.

— Как Антон.

— Возможно.

— А я?

Аркадий не ответил.

— Я был буфером?

— Ты мог проводить напрямую.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что твоего собственного времени нет.

Я замер.

— Объясните.

— У обычного посредника его собственный счётчик взаимодействует с потоком. Чем больше объём, тем выше риск, что часть потери будет списана с него.

— А у меня нули.

— Нечего списывать.

Мне не понравилось, насколько просто это прозвучало.

— Значит, я идеальный посредник.

— Ты был идеальным посредником.

— Был?

— Пока не начал делать то, чего не должен уметь никто.

— Менять принадлежность без полноценного Переноса.

— Да.

— И поэтому меня хотели убить?

Аркадий посмотрел на меня.

— Возможно.

Я рассмеялся.

— Снова.

— Есть вещи, которых я действительно не знаю.

— Хорошо. Кто ещё умеет видеть счётчики?

— Сейчас?

— Да.

— Насколько мне известно, никто.

— А раньше?

Он помолчал.

— Были случаи.

— Сколько?

— За всю известную историю рынка — меньше десяти.

— И что с ними стало?

— Умерли.

— Все?

— Все.

— Коллекторы?

Аркадий посмотрел на меня.

— Некоторые.

— А остальные?

— Люди.

— Почему?

— Потому что видеть чужое время — очень прибыльная способность.

— Их использовали.

— Да.

— А потом убивали.

— Иногда.

Я поднялся.

— Теперь понятно, почему неизвестный советует никому не рассказывать.

— Неизвестный...

Аркадий снова зацепился за него.

— Что?

— Он знает слишком много.

— Вы знаете, кто это?

— Подозреваю.

— Имя.

— Нет.

— Аркадий.

— Максим, этот человек следит за тобой с момента пробуждения. Он знает о Коллекторе, знает о Лере, знает моё прошлое и знает, что ты проверял счётчики.

— Да.

— И тебя это не настораживает?

— Очень.

— Но ты продолжаешь делать то, что он говорит.

— Потому что его предупреждения пока работают.

— Так создают доверие.

— А вы создаёте его ложью.

Аркадий вздохнул.

— Справедливо.

Телефон завибрировал.

Я посмотрел.

Неизвестный.

ОН РАССКАЗАЛ ТЕБЕ ПРАВИЛО ПЕРВОЕ?

Я медленно поднял глаза на Аркадия.

— Что?

Я показал экран.

Его лицо изменилось.

Следующее сообщение:

СПРОСИ ПРО ПРАВИЛО ВТОРОЕ.

Я написал:

Какое?

Ответ пришёл почти сразу.

ВРЕМЯ НИКОГДА НЕ ПЕРЕХОДИТ БЕСПЛАТНО.

Аркадий уже читал через моё плечо.

Я повернулся.

— Что это значит?

Он ничего не сказал.

— Аркадий.

— Любой Перенос имеет потери.

— Сколько?

— По-разному.

— Куда девается потеря?

— В систему.

— И всё?

— Обычно.

Опять.

Это слово.

— А когда не обычно?

Аркадий посмотрел на меня.

— Когда Перенос проходит через Нулевого.

Я почувствовал холод.

— Через меня.

— Да.

— Тогда куда девается потеря?

Он молчал.

Телефон завибрировал.

ОН НЕ СКАЖЕТ.

Следующее:

**ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО ТАК ТЫ ПОНЯЛ, ЧТО
ОНИ ДЕЛАЮТ С ДОНОРАМИ.**

Я показал экран Аркадию.

— Что я понял?

Он смотрел на сообщение.

— Максим...

— Что они делают с донорами?

— Не здесь.

Я встал.

— Нет. Сейчас.

Он посмотрел на дверь.

— Нам действительно нужно уходить.

— Меня уже тошнит от этой фразы.

— А меня — от необходимости её повторять.

Аркадий подошёл к окну.

Посмотрел вниз.

И замер.

Я сразу понял: что-то не так.

— Что?

Он не ответил.

Я подошёл.

У входа в ресторан стоял мужчина.

Тёмное пальто.

Седина на висках.

Спокойное лицо.

Тот самый.

Человек без счётчика.

Он поднял голову.

Посмотрел прямо в окно второго этажа.

На меня.

Потом на Аркадия.

Аркадий тихо произнёс:

— Северин.

Я повернулся к нему.

— Это его имя?

— Да.

Наконец.

— Кто он?

Аркадий не сводил глаз с улицы.

— Коллектор.

Северин поднял руку.

Три пальца.

— Что это значит?

Аркадий побледнел.

— У нас три минуты.

— До чего?

— Пока он имеет право только предупредить.

Северин загнул один палец.

Осталось два.

Аркадий схватил пальто.

— А потом?

Он посмотрел на меня.

— Потом начнёт взыскивать.

Глава 12. Цена

— Что значит «взыскивать»?

Аркадий уже надевал пальто.

— Значит, нам пора.

— Это не ответ.

— Если останемся, сейчас получишь слишком много ответов сразу.

Северин стоял у входа.

Два пальца.

Потом один.

Я не видел его счёгчика.

Не видел даже намёка на цифры.

Только спокойное лицо человека, который никуда не торопится.

— Через чёрный выход, — сказал Аркадий.

— Здесь есть?

— На кухне.

— Откуда знаете?

— Я бывал здесь чаще, чем хотел бы признавать.

Мы двинулись к двери.

Я остановился.

— Лера.

Аркадий резко повернулся.

— Где она?

— Через дорогу.

— Чёрт.

— Она ждёт.

— Тогда забираем её.

— Вы же сказали, что за мной тянется след.

— Теперь это уже не имеет значения.

Мы вышли из зала.

Антон стоял в коридоре.

Увидел Аркадия.

Потом меня.

— Что случилось?

— Закрой ресторан, — сказал Аркадий.

— Зачем?

— Просто сделай.

— Аркадий Львович...

— Антон.

Тот замолчал.

Внизу хлопнула дверь.

Я почувствовал странное давление.

Не звук.

Не вибрацию.

Будто воздух внезапно стал тяжелее.

Аркадий тоже почувствовал.

— Быстрее.

Мы прошли через служебную дверь.

Кухня.

Пар.

Запах масла.

Повар ругался на кого-то у плиты.

Над каждым — цифры.

Нормальные.

Живые.

Счётчики.

Я вдруг понял, насколько успокаивающими стали для меня обычные числа.

— Сюда.

Аркадий открыл дверь в конце кухни.

Холодный коридор.

Пожарный выход.

Я уже видел улицу.

И тогда свет погас.

Полностью.

Кто-то вскрикнул на кухне.

Через секунду включилось аварийное освещение.

Красные лампы.

Аркадий замер.

— Что?

Он посмотрел назад.

— Он внутри.

— Откуда знаете?

— Потому что электричество здесь исправно.

— Очень убедительно.

— Максим, когда Коллектор входит в закрытое пространство, вокруг него начинают отказывать системы.

— Почему?

Аркадий посмотрел на тёмный коридор.

— Потому что он сам — ошибка.

Эта формулировка мне не понравилась.

— Вы сказали, он был человеком.

— Был.

— И что с ним произошло?

— Потом.

— Конечно.

Дверь на кухню медленно открылась.

За ней никого.

Но я услышал шаги.

Ровные.

Спокойные.

Аркадий толкнул пожарный выход.

— Идём.

Мы оказались во дворе.

Лера уже стояла у дороги.

Увидела меня.

Пошла навстречу.

Потом заметила Аркадия.

И остановилась.

— Нет.

— Лера...

— Я сказала ему держаться от вас подальше.

— Сейчас не время.

— У вас никогда не время.

Я посмотрел на вход.

Дверь ресторана открылась.

Северин вышел.

Он посмотрел сначала на меня.

Потом на Леру.

И впервые его лицо изменилось.

Совсем немного.

— Он её видит, — сказал я.

Аркадий тоже заметил.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что след на ней связан с тобой.

Лера повернулась ко мне.

— Какой ещё след?

— Потом.

Она посмотрела так, что я сам услышал, насколько ненавижу это слово.

Северин пошёл к нам.

Не быстро.

Аркадий схватил меня за плечо.

— К машине.

— Чьей?

— Моей.

— Лера?

— С нами.

Мы побежали к парковке.

Автомобиль Аркадия оказался старым чёрным седаном.

Не коллекционным.

Просто слишком ухоженным для своего возраста.

Лера села назад.

Я — рядом с Аркадием.

Он повернул ключ.

Ничего.

Попробовал снова.

Стартер молчал.

— Это он?

— Возможно.

— Вы можете хотя бы иногда отвечать уверенно?

— Если хочешь, могу соврать.

Я посмотрел через стекло.

Северин приближался.

Метров двадцать.

— У нас секунд десять.

— Я вижу.

Аркадий достал из кармана металлический жетон.

Я сразу узнал формат.

00:030:00:00

— Что это?

— Резерв.

— Тридцать дней?

— Да.

Он положил жетон на приборную панель.

Коснулся двумя пальцами.

Что-то произошло.

Не свет.

Не звук.

Скорее ощущение, будто реальность на мгновение просела.

Жетон потемнел.

00:029:23:59

Двигатель завёлся.

Я уставился на жетон.

— Вы только что потратили время на машину?

— Не на машину.

— Тогда на что?

— На вероятность.

— Что?

Аркадий включил передачу.

— Не сейчас.

Северин был уже в десяти метрах.

Мы тронулись.

Он не побежал.

Просто остановился.

Посмотрел вслед.

И поднял руку.

Один палец.

Потом загнул его.

Аркадий выругался.

— Что теперь?

— Предупреждение закончилось.

Мы выехали на проспект.

Лера молчала.

Я тоже.

Аркадий постоянно поглядывал в зеркало.

— Он за нами?

— Нет.

— Тогда почему вы всё ещё нервничаете?

— Потому что Коллектор не преследует машину.

— А что он преследует?

— Баланс.

Мне захотелось удариться головой о стекло.

— Давайте договоримся.

— О чём?

— Каждое слово, которое вы произносите, не должно создавать три новых вопроса.

— Это сложно.

— Попробуйте.

— Хорошо.

Он свернул на соседнюю улицу.

— Северин не хочет тебя убить.

— Уже лучше.

— Он хочет закрыть твой долг.

— Какой долг?

— Временной.

— Сколько?

— Не знаю.

— Уже хуже.

— Потому что твои нули не означают отсутствие обязательств.

— А что означают?

— Что у тебя нет собственного остатка.

Я посмотрел на него.

— Я живу на чужом времени?

Пауза.

— Да.

Вот оно.

Коротко.

Чётко.

И от ответа стало хуже, чем от любой загадки.

— Сколько чужого?

— Сейчас не знаю.

— А раньше?

— До аварии ты постоянно проводил Переносы.

— Я спрашиваю про себя.

Аркадий крепче сжал руль.

— Твоё существование после первого нуля уже было нарушением.

— То есть с пятнадцати лет я живу на чужом времени?

— Не совсем.

— Объясните.

— Первый импульс дал Перенос Анны.

Я сжал челюсть.

— Почти год.

— Да. Но это время не работало как обычный остаток.

— Почему?

— Потому что ты уже был мёртв.

— Дальше.

— Время закрепилось частично. Твоё тело продолжило жить, а счётчик остался на нуле.

— Значит, я жил без времени.

— Формально.

— А фактически?

— Система компенсировала.

Мне стало холодно.

— За чей счёт?

Он смотрел на дорогу.

— Вот это и есть цена.

Лера наклонилась вперёд.

— Аркадий.

Он промолчал.

— За чей счёт? — повторил я.

— Сначала — случайные потери.

— Что значит «случайные»?

— Люди рядом с тобой могли терять секунды. Минуты. Иногда больше.

— Я забирал время, просто находясь рядом?

— Неосознанно.

— У скольких людей?

— Никто не знает.

— Вы знали?

— Подозревал.

— И молчали?

— Ты был ребёнком.

— Потом мне стало двадцать.

— Я не видел тебя много лет.

— А потом я сам вас нашёл.

— Да.

— И вы поняли?

— Да.

— Что сделали?

— Научил контролировать.

Я рассмеялся.

— Вот так появился рынок?

— Нет. Рынок существовал задолго до тебя.

— Но я стал идеальным посредником.

— Да.

Лера тихо спросила:

— Поэтому он брал время у людей?

Аркадий посмотрел на неё в зеркало.

— Иногда добровольно.

— А иногда нет.

— Да.

Она откинулась назад.

— Макс...

Я не обернулся.

Не хотел видеть её лицо.

— Правило второе, — сказал я.

Аркадий кивнул.

— Время никогда не переходит бесплатно.

— Это про потери?

— Частично.

— Что ещё?

— Любой Перенос имеет цену.

— Для кого?

— Для всех участников.

— Конкретнее.

— Донор теряет больше, чем получает покупатель.

— Пять-десять процентов?

Аркадий посмотрел на меня.

— Ты вспоминаешь.

— Нет. Просто кажется знакомым.

— Обычно от пяти до пятнадцати.

— Куда уходит разница?

— В систему.

— Что значит «в систему»?

— Пока считай, что возвращается в общий баланс.

— А когда Перенос проходит через Нулевого?

Аркадий помолчал.

— Тогда потери могут не уйти.

— А куда?

Он посмотрел на меня.

— В тебя.

Тишина.

— Что?

— Ты мог удерживать часть потерь.

— Поэтому я жив?

— Частично.

— То есть каждый Перенос кормил меня.

— Грубо говоря.

Меня затошнило.

— И я знал?

— Да.

— И продолжал?

— Да.

Лера тихо произнесла:

— Макс...

— Не надо.

Аркадий продолжил:

— Именно поэтому ты мог проводить большие объёмы.

Обычный посредник рискует собственным временем. Ты — нет.

— Потому что мне нечего было терять.

— Да.

— Зато я забирал комиссию не деньгами.

— Не специально.

— Какая разница?

— Огромная.

— Для людей, у которых исчезали месяцы?

Он не ответил.

Я посмотрел на свои руки.

— Поэтому неизвестный написал, что я понял, что они делают с донорами.

— Возможно.

— Что именно?

Аркадий долго молчал.

Потом сказал:

— После некоторых Переносов потери были слишком большими.

— Насколько?

— До тридцати процентов.

— Почему?

— Мы думали, техническая проблема.

— А потом?

— Ты обнаружил, что часть времени не теряется.

— Кто-то забирает.

— Да.

— Кто?

— Именно это ты расследовал перед аварией.

Я поднял голову.

— Астахов?

Аркадий резко посмотрел на меня.

Имя пришло само.

Я тоже это понял.

— Кто такой Астахов?

— Откуда ты...

— Не знаю.

— Максим.

— Просто имя.

Лицо Аркадия стало серьёзным.

— Виктор Астахов.

— Кто он?

— Один из крупнейших покупателей.

— Сколько у него?

— Я не вижу.

— Но я увижу.

— Именно поэтому к нему не пойдёшь.

— Конечно пойду.

— Нет.

— Если я уже расследовал его до аварии...

— Я не сказал, что ты расследовал его.

— Но подумали.

Аркадий замолчал.

Я усмехнулся.

— Вы всё ещё плохо врёте.

Лера посмотрела на меня через зеркало.

— Это я ему уже говорила.

Через двадцать минут мы въехали в подземный гараж.

— Где мы?

— В безопасном месте.

— От Северина?

— Нет.

— Тогда от кого?

— От людей.

— Очень успокаивает.

Аркадий припарковался.

Достал жетон с панели.

Теперь на нём было:

00:029:23:41

— Вы потеряли девятнадцать секунд?

— Чуть больше.

— Но мы ехали двадцать минут.

— Жетон списывает не время поездки.

— А что?

— Цену изменения вероятности.

— Опять.

— Хочешь объяснение?

— Да.

Он показал жетон.

— Иногда система допускает несколько исходов. Машина

может завестись или нет. Человек может успеть на поезд или опоздать. Пуля может попасть в сердце или пройти на сантиметр левее.

— И вы покупаете нужный исход.

— Не покупаю. Подталкиваю.

— За время.

— Да.

— Это Перенос?

— Нет. Другая техника.

— Кто умеет?

— Очень немногие.

— Я умел?

Он посмотрел на меня.

— Ты придумал этот способ.

Конечно.

Почему я уже не удивлялся?

Мы поднялись в квартиру.

Большую.

Почти пустую.

Белые стены.

Старые книги.

Никаких фотографий.

Лера сразу ушла на кухню.

Я остался с Аркадием.

— Покажите Перенос.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Настоящий.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты пока не готов.

— Я уже проводил их сотни раз.

— Старый ты.

— А новый должен разобраться.

— Разобраться можно без практики.

— Я видел передачу пяти лет на улице.

— Тогда зачем тебе демонстрация?

— Хочу увидеть цену.

Аркадий долго смотрел на меня.

Потом достал телефон.

Позвонил.

— Это я. Есть кто-то на добровольный малый?

Пауза.

— Да. Очень малый.

Ещё пауза.

— Десять минут.

Он отключил.

— Кто придёт?

— Донор.

— Покупатель?

— **Я.**

— Зачем вам десять минут?

— Чтобы показать.

Через полчаса приехал мужчина лет тридцати.

Обычный.

Рабочая куртка.

Над ним:

23:144:17:52

Он явно знал Аркадия.

— Добрый вечер.

— Илья, это Максим.

Мужчина посмотрел на меня.

Узнал имя.

Сразу.

— Тот самый?

— Да.

Мне это не понравилось.

— Сколько? — спросил Илья.

— Десять минут.

— Серьёзно?

— Демонстрация.

Он пожал плечами.

— Ладно.

Аркадий достал два жетона.

Один пустой.

Другой:

00:000:10:00

— Что это?

— Маркер.

— А сам Перенос?

— Смотри.

Илья протянул руку.

Аркадий взял его за запястье.

Другой рукой коснулся жетона.

Я смотрел на счётчик.

23:144:17:52

Цифры дрогнули.

Мне стало холодно.

23:144:17:42

Сразу десять минут исчезли.

Жетон вспыхнул.

00:000:09:12

— Стоп.

Я подошёл ближе.

— Почему девять двенадцать?

— Потеря.

— Сорок восемь секунд.

— Да.

— Куда ушли?

Аркадий посмотрел на меня.

— Смотри на себя.

Я обернулся к зеркалу в прихожей.

Надо мной:

00:000:00:00

Нули.

— Ничего.

— Ещё.

Я продолжал смотреть.

И вдруг последний разряд дрогнул.

На долю секунды:

00:000:00:48

А затем снова:

00:000:00:00

Я застыл.

— Это...

— Потеря.

— Она пришла ко мне.

— Да.

— Сорок восемь секунд.

— Да.

Я отступил.

— Но исчезла.

— Нет.

— Я снова вижу нули.

— Потому что время не стало твоим остатком.

— Тогда где оно?

Аркадий указал на мою грудь.

— В долге.

У меня внутри похолодело.

— Объясните.

— Ты проглотил сорок восемь секунд. Система это записала.

— Как задолженность?

— Как нарушение баланса.

— И Северин пришёл взыскать эти сорок восемь секунд?

— Не эти.

— Тогда сколько?

Аркадий посмотрел на меня.

Лера вышла из кухни.

Остановилась в дверях.

Илья молчал.

— Максим, — сказал Аркадий, — после аварии ты не должен был прожить ни одной секунды.

— Знаю.

— Но прожил почти трое суток до того, как увидел Северина.

— И?

— Система считает каждую секунду после нуля долгом.

Я медленно понял.

— Трое суток.

— Только новый долг.

— А старый?

Аркадий ничего не сказал.

— Сколько?

— Мы не знаем.

— Приблизительно.

— Максим.

— Сколько?!

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Если все следы, которые я видел до аварии, действительно твои...

Пауза.

— Ты должен не дни.

— Сколько?

— И не годы.

Я почувствовал, как Лера подошла ближе.

Аркадий произнёс тихо:

— Ты должен несколько человеческих жизней.

В комнате стало очень тихо.

Я посмотрел на собственное отражение.

00:000:00:00

И впервые понял, почему нули выглядят не как пустота.

Они выглядели как счёт, который уже невозможно оплатить.

Глава 13. Рынок

— Несколько человеческих жизней?

Я повторил это медленно.

Будто от скорости произнесения зависел смысл.

Не зависел.

Аркадий стоял у стены.

Лера — возле кухни.

Илья всё ещё сидел на стуле и выглядел человеком, который уже пожалел, что согласился на десятиминутную демонстрацию.

— Сколько именно? — спросил я.

— Не знаю.

— Вы только что сказали «несколько».

— Это оценка.

— На основании чего?

Аркадий посмотрел на Илью.

— Тебе лучше уйти.

Тот поднялся сразу.

— Конечно.

Я перегородил ему дорогу.

— Нет.

Илья остановился.

— Максим...

— Он добровольный донор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.